

Annotation

Шесть лет прошло с тех пор, как Джейк Фишер видел, как Натали, любовь всей его жизни, выходила замуж за другого мужчину. На шесть лет он, скрывая разбитое сердце, ушёл с головой в карьеру преподавателя колледжа. Шесть лет он сдерживал обещание оставить Натали в покое. Шесть лет мучительных снов о её жизни с мужем Тоддом. Но эти шесть лет не погасили его чувства, и когда Джейку попадается на глаза некролог Тодда, он не может удержаться, чтобы не посетить его похороны. Там он мельком видит жену Тодда, надеясь на... но она не Натали. Кто бы ни была женщина в трауре, она была замужем за Тоддом почти двадцать лет. И вместе с этим, всё, что знал Джейк о самом лучшем времени его жизни, времени, которое он никогда не забудет, переворачивается вверх дном. И пока Джейк ищет правду, его сказочные воспоминания о Натали начинают объясняться. Общих друзей пары либо невозможно найти, либо они не помнят Джейка. Никто не видел Натали много лет. Поиски женщины, которая разбила ему сердце, которая врала ему, скоро подвергнут жизнь Джейка опасности, когда он поймёт, что человек, которым он стал, тщательно продуманной стратегии. Харлан представляет шокирующий захватывающий роман, который искусно исследует силу прошлой любви, секреты и ложь, что такая любовь может скрывать. Переведено группой https://vk.com/world of different books

• Харлан Кобен

- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- ∘ <u>Глава 5</u>
- <u>Глава 6</u>
- <u>Глава 7</u>
- <u>Глава 8</u>
- Глава 9
- Глава 10
- ∘ <u>Глава 11</u>
- ∘ <u>Глава 12</u>
- ∘ <u>Глава 13</u>

- <u>Глава 14</u>
- <u>Глава 15</u>
- <u>Глава 16</u>
- ∘ Глава 17
- ∘ <u>Глава 18</u>
- ∘ <u>Глава 19</u>
- ∘ Глава 20
- ∘ <u>Глава 21</u>
- ∘ <u>Глава 22</u>
- Глава 23
- Глава 24
- <u>Глава 25</u>
- ∘ <u>Глава 26</u>
- ∘ Глава 27
- ∘ <u>Глава 28</u>
- ∘ <u>Глава 29</u>
- ∘ Глава 30
- ∘ Глава 31
- ∘ Глава 32
- ∘ Глава 33
- ∘ <u>Глава 34</u>
- ∘ Глава 35
- ∘ Глава 36
- ОБ АВТОРЕ

• <u>notes</u>

- o <u>1</u>
- <u>2</u> 0
- <u>3</u> 0
- 45
- o <u>6</u>
- o <u>7</u>
- 0 8
- o <u>9</u>
- o <u>10</u>
- o <u>11</u>
- o <u>12</u>
- o <u>13</u>
- o <u>14</u>

Харлан Кобен Шесть лет

ДАТТОН Брэду Бредбиру Без тебя, мой друг, не было бы победы.

Глава 1

Я сел на спинку скамейки и наблюдал за тем, как женщина, единственная женщина, которую когда-либо любил, выходит замуж за другого мужчину.

Натали была, конечно же, в белом, при этом выглядела особенно великолепно. В её красоте всегда была хрупкость и скрытая сила, а сейчас Натали выглядела эфирной, почти потусторонней.

Она закусила нижнюю губу. Я мысленно вернулся в те ленивые утренние часы, когда мы занимались любовью, а потом она накидывала мою синюю рубашку, как платье, и мы спускались вниз, садились в уголок для завтрака и читали газету, в конце концов, она доставала блокнот и начинала делать эскизы. Когда она рисовала меня, то прикусывала губу точно так же.

Две руки дотянулись до моей груди, схватили хрупкое сердце и разломили пополам.

Зачем я пришёл?

Вы верите в любовь с первого взгляда? Вот и я. Однако, я верю в сильное больше-чем-просто-физическое-влечение с первого взгляда. Я верю, что один или, может быть, два раза в жизни тебя влечёт к кому-то очень сильно, первобытно, притягивает сильнее, чем магнит. Так было и с Натали. Иногда это притяжение, так и остаётся просто притяжением. Иногда оно вырастает, вбирая тепло, и превращается в жаркое пламя. И вы знаете, что это настоящее и будет длиться вечно.

А иногда вы просто путаете первое со вторым.

Я наивно полагал, что у нас навсегда. Я, который никогда не верил в обязательства и делал всё, чтобы избежать их уз, знал сходу, к концу недели, что с этой женщиной я буду просыпаться каждое утро. Что я сложу жизнь, чтобы защитить её. Что эта женщина, как бы это банально не звучало, без которой я ничего не стою, и которая способна даже самое примитивное превратить пикантное.

Омерзительно, правда?

Священник с чисто выбритой головой что-то говорил, но у меня в ушах шумела кровь, посему я не мог разобрать ни слова. Я пялился на Натали. Я хотел, чтобы она была счастлива. Это не просто слова, не просто ложь, которую мы часто говорим сами себе, потому что, по правде говоря, если наша любимая не хочет нас, то мы хотим её с удвоенной силой. Так

ведь? Но в данном случае я действительно хотел этого. Если я буду понастоящему верить, что Натали будет счастливее без меня, то отпущу её, не важно, насколько это тяжело. Но я не верил, что она будет счастливее, независимо от того, что она говорила или делала. Или, может быть, это ещё одно эгоистичное разумное объяснение, ещё одна ложь, которой мы потчуем себя.

Натали даже не взглянула на меня, но я видел, что она сжимает губы. Она знала, что я в комнате. Она не отрывала глаз от будущего мужа. Его имя, как я недавно выяснил, Тодд. Ненавижу имя Тодд. Тодд. Наверное, обычно его зовут Тодди или Тоддмен, или Тоддстер.

Волосы Тодда были слишком длинными, и у него была четырёхдневная щетина, которую некоторые люди нашли модной, а другие, как я, зубодробительной. Его глаза плавно и самодовольно скользили по гостям, а потом останавливались на ком-нибудь, например, на мне. Одну секунду они разглядывали меня, а потом решили, что я не стою времени.

Почему Натали вернулась к нему?

Подружкой невесты была сестра Натали, Джули. Она стояла на возвышении с букетом в руках и безжизненной, механической улыбкой на губах. Мы никогда не встречались, но я видел её фотографии и слышал, как они говорили по телефону. Джули выглядела тоже ошеломлённой таким развитием событий. Я пытался встретиться с ней глазами, но у неё был отрешённый взгляд.

Я снова перевёл глаза на лицо Натали, и в моей груди словно начали взрываться маленькие бомбочки. Бум, бум, бум. О, парень, это была плохая идея. Когда шафер достал кольца, лёгкие прекратили работать. Стало трудно дышать

Хватит.

Думаю, я пришёл сюда, чтобы увидеть всё самому. Я на своём горьком опыте понял, что мне это нужно. Мой отец умер от обширного инфаркта пять месяцев назад. До этого у него никогда не было проблем с сердцем, и по всеобщему мнению он был в хорошей форме. Я помню, как сидел в комнате ожидания, как меня вызвали в кабинет доктора, где он сообщил мне опустошающую новость, и потом там и на панихиде меня спрашивали, хочу ли я увидеть его тело. Я отказался. Я понял, что не хочу помнить его, лежащим на каталке или в гробу. Я буду помнить его таким, каким он был.

Но с течением времени у меня появились проблемы с принятием его смерти. Его образ был таким ярким, таким живым. За два дня до его смерти, мы ходили на игру Нью-Йорк Рейнджерс, у отца был абонемент на весь сезон, к игре добавили дополнительное время, и мы кричали и болели,

ну и как он теперь может быть мёртв? Часть меня начала думать, что, возможно, здесь какая-то ошибка, или обман и что каким-то образом мой отец до сих пор жив. Я знаю, что это бессмыслица, но отчаяние порой может сыграть с тобой злую шутку, и если ты даёшь ему место для манёвра, то оно найдёт альтернативные ответы.

Часть меня вцепилась в тот факт, что я не видел тело отца. Я не хотел повторить ту же ошибку и в данном случае. Если следовать этой неудачной метафоре, то теперь я увидел мёртвое тело. Не нужно было проверять пульс или трогать его, или находиться рядом больше положенного.

Я постарался, чтобы мой уход был как можно незаметнее. Это практически подвиг, если вы почти двухметрового роста и крепкого сложения, по выражению Натали, "как у дровосека". У меня большие руки. Натали любила их. Она брала мои руки в свои и проводила пальчиком по линиям на ладонях. Она говорила, что это настоящие руки, руки мужчины. Она говорила, что они привлекли её, потому что рассказывают мою историю выходца из рабочей семьи, о моём профессиональном пути в колледже Лэндфорда через работу вышибалой в местном ночном клубе, и то, что я был самым молодым профессором на кафедре политической науки.

Я выбрался из маленькой белой часовни на свежий летний воздух. Лето. Так вот что это, в конце концов? Курортный роман? Мы были, словно два ребёнка, ищущие приключения в лагере, только мы взрослые, ищущие убежище от одиночества. Она занималась своим искусством, я писал диссертацию по политологии. И мы встретились в трудные для себя времена, и теперь, когда на дворе почти сентябрь, всё хорошее подошло к концу. Наши отношения характеризовались необыкновенным качеством, они позволяли нам одновременно уйти и от обычной жизни и от суетности, которая её сопровождает. Может быть, именно это и сделало их такими удивительными. Может быть, то, что мы жили в свободном от реальности мыльном пузыре, сделало наши отношения лучше, насыщеннее. Может быть, я вёл себя, как настоящий говнюк.

За дверью церкви послышались крики и аплодисменты. Это вывело меня из ступора. Служба закончилась. Тодд и Натали теперь были мистером и миссис Щетинистое лицо. Скоро они пройдут по проходу. Интересно, будут ли осыпать их рисом. Вероятнее всего, Тодду бы это не понравилось. Рис испорти бы его причёску и застрял в щетине.

В общем, я не хотел больше ничего видеть.

Я пошёл за часовню, только я скрылся с глаз, как двери открылись. Я выглянул посмотреть, что там. Ничего больше, просто посмотреть что там.

Вдалеке росли деревья. На другой стороне холма разбросаны домики. Часовня часть усадьбы художников, в которой остановилась Натали. Я же остановился дальше по дороге в усадьбе писателей. Обе усадьбы - старые вермонтские фермы, которые до сих пор были экологически чистыми.

- Привет, Джейк.

Я повернулся на знакомый голос. Там, не более чем в 10 метрах, стояла Натали. Я быстро посмотрел на безымянный палец её левой руки. Как будто прочитав мои мысли, она подняла руку, чтобы показать новое обручальное колечко.

- Поздравляю. Я счастлив за тебя.

Она проигнорировала мои слова.

- Не могу поверить, что ты здесь.

Я развёл руками:

- Я слышал, что здесь будет много бесплатной закуски. Сложно было удержаться.
  - Смешно.

Я пожал плечами, тем временем моё сердце превращалось в пыль и развеивалось по ветру.

- Все говорили, что ты не придёшь. Но я знала, что придёшь.
- Я всё ещё люблю тебя.
- Знаю.
- И ты всё ещё любишь меня.
- Нет, Джейк. Видишь?

Она помахала кольцом перед моим лицом.

- Дорогая? - Тодд и его волосатое лицо появились из-за угла. Он заметил меня и нахмурился. - Кто это?

Но было очевидно, что он знал.

- Джейк Фишер. Поздравляет с бракосочетанием.
- Где-то я вас уже видел.

Я позволил Натали разобраться с этим. Она успокаивающе положила руку ему на плечо и сказала:

- Джейк для многих делал лепнину. Наверное, ты узнал его по его работам.

Он по-прежнему хмурился. Натали вышла вперёд и сказала:

- Давай нам пару секунд, хорошо? Со мной всё будет в порядке.

Тодд посмотрел на меня. Я не двигался, не отступил и не отвёл взгляд. Тогда он сказал неохотно:

- Хорошо. Но недолго.

Он ещё раз посмотрел на меня жёстким взглядом и пошёл вокруг

часовни. Натали взглянула на меня. Я указал в направлении, где исчез Тодд.

- Кажется, он забавный.
- Почему ты здесь.
- Мне нужно было сказать, что я люблю тебя. Что я всегда буду любить тебя.
  - Всё кончено, Джейк. Двигайся дальше. И всё у тебя будет хорошо.

Я ничего не ответил.

- Джейк?
- Что?

Она слегка наклонила голову. Она знала, что такой наклон головы делает со мной.

- Обещай, что ты оставишь нас в покое.

Я не шелохнулся.

- Обещай, что ты не будешь преследовать нас, звонить или даже писать на почту.

В груди начала разливаться боль, превращаясь во что-то острое и тяжёлое.

- Обещай мне, Джейк. Обещай, что ты оставишь нас в покое.

Она внимательно смотрела мне в глаза.

- Хорошо. Обещаю.

Не сказав больше ничего, Натали пошла назад к парадным дверям часовни к мужчине, за которого только что вышла замуж. Я постоял там ещё какое-то время, пытаясь успокоить дыхание. Я пытался разозлиться, пытался не придавать этому значение, пытался отмахнуться и сказать, что это её потеря. Я пытался сделать всё это, и потом даже пытался быть взрослым, но я знал, что это всего лишь уловка, чтобы не столкнуться лицом к лицу с тем фактом, что моё сердце навсегда останется разбитым.

Я оставался там, позади часовни, пока не понял, что все ушли. Потом я обошёл вокруг неё. Священник с чисто выбритой головой стоял на ступеньках. А рядом сестра Натали, Джули. Она положила свою руку на мою:

- Ты как?
- Супер.

Священник улыбнулся мне.

- Замечательный день для свадьбы, не правда ли?

Я щурился от солнечного света.

- Похоже, - ответил я и пошёл прочь.

Я хотел сделать, как попросила Натали. Я хотел оставить её в покое. Я думал о ней каждый день, но никогда не звонил и даже не проверял онлайн

ли она. Я сдерживал своё обещание. Шесть лет.

Глава 2

ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Самая большая перемена в моей жизни, хотя тогда я и не знал, произошла между 15:29 и 15:30.

Моё занятие у первокурсников по политике морального развития только что закончилось. Я вышел из холла менестрелей. День клонился к обеду. Яркое солнце освещало свежий массачусетский полдень. В квадрате играли в алтимат фрисби. Студенты лежали повсюду, словно разбросанные гигантской рукой. В воздухе разносилась музыка. И создавалось ощущение, что кампус мечты сошёл со страницы брошюры и ожил.

Я люблю такие дни, но опять же, кто нет?

- Профессор Фишер?

Я повернулся на голос. Семь студенты сидели полукругом на траве. Девушка, которая говорила, была посередине.

- Не хотите присоединиться к нам? - спросила она.

Я с улыбкой отмахнулся от них:

- Спасибо, но у меня сейчас приёмные часы.

И пошёл дальше. Я бы не остался в любом случае, хотя я бы с удовольствием посидел с ними в такой замечательный день, а кто бы нет? Между преподавателем и студентами есть тонкая грань, и, извините, но, как бы жёстко это не звучало, я не хотел быть такого рода преподавателем, который немного больше, чем нужно, зависает со студентами, и посещает время от времени вечеринки братств, и, может быть, даже поставляет пиво футбольной тусовке. Профессор должен обеспечивать поддержку и охотно идти навстречу, но не быть приятелем или не родителем.

Когда я добрался до Кларк Хаус, миссис Динсмор приветствовала меня своим обычным хмурым выражением лица. Миссис Динсмор, классическая бой-баба, была администратором в отделе политологии, кажется, со времён президентства Гувера. Ей было, по меньшей мере, двести лет, но она была также нетерпелива и противна, как человек вдвое младше.

- Добрый день, секси, сказал я ей. Для меня есть сообщения?
- На вашем столе, ответила миссис Динсмор. Даже её голос был хмурым. И, как обычно, очередь студенток перед вашей дверью.
  - Хорошо, спасибо.
  - Похоже на кастинг у Рокеттс.
  - Понял.

- Ваш предшественник не был таким доступным.
- Ой, да ладно, миссис Динсмор. Я всё время приходил сюда к нему, когда был студентом.
  - Ага, но, по крайней мере, ваши шорты были надлежащей длины.
  - И это вас немного разочаровывало, правда?

Миссис Динсмор старалась изо всех сил, чтобы не улыбаться мне.

- Просто уйдите с моих глаз!
- Просто признайтесь.
- Вы хотите пинок под зад? Убирайтесь отсюда.

Я послал ей воздушный поцелуй и зашёл через чёрный вход, чтобы избежать очереди студенток, которые пришли на пятничные приёмные часы. У меня каждую пятницу с 15:00 до 17:00 внеплановые приёмные часы. Это время, предназначенное для внепрограммных занятий, по девять минут на студента, при этом нет расписания и заблаговременной записи. Кто первый пришёл, тот первым и будет принят. Мы строго придерживаемся отведённого времени. У вас девять минут. Ни больше, ни меньше, и ещё одна минута на то, чтобы один студент вышел, а второй занял его место. Если вам нужно больше времени или я ваш научный руководитель, то миссис Динсмор запишет вас ко мне на приём.

Ровно в 15:00 я запустил первого студента. Она хотела обсудить теории Локка и Руссо, двух политологов, которые сейчас более известны благодаря их телевизионной реинкарнации в сериале "Остаться в живых", чем философскими учениями. У второй студентки не было иной причины здесь находиться, кроме как подлизаться ко мне. Иногда мне просто хотелось выставить её вон со словами: "Лучше испеки мне печенье". Но я сдержался. Третий студентка была из отряда пресмыкающихся. Она думала, что её оценка «Б с плюсом» должна быть «А с минусом», хотя на самом деле она должна быть просто «Б».

Всё шло, как шло. Некоторые приходили ко мне в офис учиться, некоторые впечатлить, некоторые пресмыкаться, некоторые поболтать. Всё это нормально. Я не делал выводов на основании этих визитов. Это было бы неправильно. Я считал всех студентов, входящих в эти двери, одинаковыми, потому что мы здесь, чтобы учиться, если не политологии, то хотя бы критическому мышлению или даже - дышите глубже! - жизни. Если бы студенты приходили к нам полностью сформировавшимися и уверенными личностями, то был бы в этом смысл?

- Оценка Б с плюсом, - сказал я, когда она закончила свою речь. - Но спорим, за следующее эссе вы получите балл выше.

Прозвенел будильник. Да, как я и говорил, я строго придерживался

временных рамок. Сейчас было ровно 15:29. Сейчас, оглядываясь в прошлое, я знаю точно, что всё началось между 15:29 и 15:30.

- Спасибо, профессор, - сказала она и поднялась. Я встал вместе с ней.

Мой кабинет ни капельки не изменился с тех пор, как я стал деканом факультета четыре года назад, придя на смену своему предшественнику и наставнику, профессору Малкольму Юму, госсекретарю одной президентской администрации и начальнику штаба другой. Здесь до сих пор сохранилась ностальгическая эссенция академического беспорядка: старинные глобусы, больше размерные книги, пожелтевшие рукописи, отстающие от стен плакаты, картины в рамах, изображающие бородатых мужчин. В комнате не было обычного письменного стола, а был огромный дубовый стол, за которым могли разместиться двенадцать человек, точное число моих дипломников.

Везде был беспорядок. Я не потрудился сделать ремонт, не столько, потому что хотел почтить моего наставника, как я предпочитал думать, сколько, потому что, во-первых, я ленивый и не хотел утруждаться, вовторых, у меня нет персонального стиля или семейных фотографий, чтобы повесить их на стену, и меня не волнует такая ерунда, типо "кабинет - это отражение мужчины", в-третьих, я всегда считал, что беспорядок способствует самовыражению. Есть нечто в стерильности и порядке, что сдерживает спонтанность в студентах. Кажется, беспорядок приветствует свободу самовыражения, поскольку вокруг уже и так всё грязное и спутанное, они думают, "какой ещё вред может нанести моя нелепая идея?"

Но в основном, так случилось, потому что я ленивый и не хотел утруждаться.

Мы встали из-за большого дубового стола и пожали руки. Она держала мою руку на секунду дольше, чем должна была, поэтому я освободил её намеренно быстро. Нет, такое не происходит всё время. Но случается. Сейчас мне тридцать-пять, но когда я только начал работать здесь, молодым преподавателем в двадцать с хвостиком лет, такое случалось гораздо чаще. Помните сцену в "Индиана Джонс: в поисках утраченного ковчега", где одна студентка написала на своих веках "ЛЮБЛЮ ТЕБЯ"? Нечто подобное произошло и со мной в первый семестр. За исключением того, что первое слово было не "ЛЮБЛЮ", а второе заменено с "ТЕБЯ" на "МЕНЯ". Всё это мне не льстило. Нам, преподавателям, наше положение даёт большую власть. Люди, которые поддаются ей или начинают верить, что достойны такого внимания (не хочу быть сексистом, но это почти всегда мужчины), как правило, более опасные и приставучие, чем любая из студенток могла бы где-либо встретить.

Когда я сел и ждал, пока придёт следующий студент, я посмотрел на компьютер справа на столе. На мониторе было главная страница сайта колледжа. Думаю, страничка была типично университетской. Слева фотографии жизни колледжа, студентов всех цветов кожи, религий, вероисповеданий и полов, которые прилежно хорошо проводили время, общаясь друг с другом, с преподавателями, занимаясь внеучебной деятельностью, ну вы поняли. На баннере наверху страницы был размещён логотип колледжа и наиболее узнаваемые здания, включая престижную часовню Джонсона, крупномасштабную версию часовни, в которой Натали вышла замуж.

В правой стороне экрана были новости колледжа и сейчас, когда Барри Уоткинс, следующий студент согласно списку, вошёл в кабинет и сказал:

- Эй, профессор, как дела?

Я заметил в ленте некролог, который заставил меня призадуматься.

- Привет, Барри, - сказал я, не отводя глаз от экрана. - Присаживайся.

Он уселся, закинув ноги на стол. Он знал, что меня такие вещи не волнуют. Барри приходил каждую неделю. Мы разговаривали обо всём и ни о чём. Его визиты были скорее расслабляющей терапией, нежели чем-то академического толка, но опять же, я абсолютно не против.

Я внимательнее посмотрел на монитор. Меня заставила призадуматься размером с марку фотография умершего. Я на таком расстоянии я не узнал его, но он выглядел молодым. В определённом смысле, в этом не было ничего необычного для некролога. Много раз колледж, не имея более свежей фотографии, сканирует фотографию покойника с ежегодного альбома, но в данном случае, даже просто взглянув, я понял, что не в этом дело. Причёска была явно не из, скажем, шестидесятых или семидесятых. Так же фотография была не чёрно-белая, какие были в ежегодниках вплоть до 1989 года.

Всё же хоть мы и небольшой колледж, четыре сотни или около того студентов на курсе. Смерть не является чем-то необычным, но, может быть, из-за размера заведения или близких отношений между студентами и членами факультета, я всегда чувствовал какую-то личную причастность к горю, когда умирал кто-то отсюда.

- Эй, профессор?
- Одну секунду, Барри.

Теперь я сам посягнул на время, отведённое ему. Я пользовался таймером-табло с гигантскими красными цифрами, такие вы можете увидеть на баскетбольной игре в любой стране. Один друг подарил мне его, предположив, что с моим ростом, я должен играть в баскетбол. Но я не

играл, но полюбил эти часы. Поскольку они были настроены на автоматический отсчёт девяти минут, я видел, сейчас 8:49.

Я щёлкнул мышкой по маленькой фотографии. И когда она увеличилась, мне едва удалось сдержать вздох.

Покойника звали Тодд Сандерсон.

Я специально не узнавал фамилию Тодда, а на приглашении было сказано лишь: "Бракосочетание Тодда и Натали!" Но, люди, я узнал его лицо. Модная щетина исчезла. Он был свежевыбрит, волосы пострижены "ёжиком". Интересно, это влияние Натали, поскольку она всегда жаловалась, что моя щетина раздражает её кожу. А потом я задался вопросом, почему я думаю о такой глупости.

- Часы тикают, Проф.
- Секунда, Барри. И не называй меня "Проф".

Был написан возраст Тодда - сорок два. Он оказался старше, чем я ожидал. Натали сейчас тридцать четыре, всего лишь на год меньше, чем мне. Я думал, что Тодд приблизительно нашего возраста. Согласно некрологу, Тодд был нападающим в футбольной команде и финалистом стипендии Родса. Впечатляюще. Он с отличием окончил исторический факультет, основал благотворительную организацию под названием "Новое начало", и на последнем курсе был президентом Пси Ю, моего братства.

Тодд был не только выпускником моего колледжа, но мы оба связаны клятвами с одним и тем же братством. Как я мог ничего не знать об этом?

Там было много ещё чего написано, но я прокрутил страницу к последней строке:

Заупокойная служба пройдёт в воскресенье в Пальметта Блафф, Южная Каролина, неподалёку от Саванны, Джорджия. Мистер Сандерсон оставил после себя жену и двух детей.

Двух детей?

- Профессор Фишер?

В голосе Барри было что-то забавное.

- Извини, я просто...
- Не стоит. С вами всё в порядке?
- Да. В порядке.
- Вы уверены? Вы какой-то бледный. Барри скинул свои сникерсы на пол и положил руки на стол. Послушайте, я могу прийти в другое время.
  - Нет.

Я отвернулся от монитора. Это может подождать. Муж Натали умер молодым. Это печально, да, даже трагично, но не имеет ко мне никакого отношения. Нет причин отменять работу и приносить неудобство

студентам. Меня сбило с толку не только то, что Тодд умер, но и то, что он закончил мою альма-матер. Думаю, это немного странноватое совпадение, но вообще-то не из ряда вон выходящие открытие.

Может быть, Натали просто нравятся мужчины из Лэнфорда.

- Так в чём дело? спросил я Барри.
- Вы знаете профессора Бирнера?
- Конечно.
- Он полный мудак.

Так и есть, но я бы так не стал говорить.

- Это и есть проблема?

Я не увидел в некрологе причину смерти. Частенько на кампусе и не знали о ней. Я ещё раз посмотрю позже. Если её не будет там, то, может быть, я найду полный некролог где-нибудь в сети.

И опять же, почему я хочу узнать больше подробностей? Что это изменит?

Лучше держаться подальше от этого.

В любом случае это подождёт, пока не закончатся приёмные часы. Я закончил с Барри и продолжил приём. Я пытался выкинуть некролог из головы и сфокусироваться на остальных студентах. Я был не в форме, но студенты не обращали внимание. Студенты не могут даже представить, что у преподавателей есть личная жизнь так же, как и не могут представить, что их родители занимаются сексом. С одной стороны, это было прекрасно. С другой, я постоянно напоминаю им смотреть не только на себя. Человеческая природа такова, что мы все думаем, что мы абсолютно уникальны, в то время, как все остальные несколько проще. Конечно же, это неправда. У нас у всех есть своим собственные мечты и надежды, желания, страсти и душевные страдания. И мы все сходим с ума по-своему.

Мой мозг словно отправился в свободное плавание. Я смотрел, как часы медленно тащатся вперёд, как будто я был самым скучающим студентом на самом скучном занятии. Когда пробило пять часов, я снова вернулся к монитору. Я открыл полный некролог Тодда Сандерсона.

Нет, причины смерти не было.

Любопытно. Временами встречались намеки на пожертвования. Там говорилось, что вместо цветов лучше внести пожертвование в Американское онкологическое общество или куда-нибудь в том же духе. Но причина смерти не была указана. Но также не было упоминания, чем занимался Тодд, но опять же, ну и что с этого?

Дверь моего кабинета открылась, и вошёл Бенедикт Эдвардс, профессор факультета гуманитарных наук и мой ближайший друг. Он не

затруднился постучать, но и не должен был. Мы часто встречались по пятницам, в пять часов, и шли в бар, где я студентом работал вышибалой. Тогда он был новым, блестящим, современным и модным. А теперь он был старым и разбитым и таким же современным и модным, как видеокассета.

Бенедикт был физиологически моей противоположностью. Худой, узко костный афроамериканец. Его глаза увеличивали гигантские очки, как у человека-муравья, которые были похожи на защитные очки факультета химии. Апполо Крид вдохновился бы его большими усами и чересчур пышным афро. У него были тонкие пальцы женщины-пианистки, ноги, которым бы позавидовала балерина, и принять его за дровосека мог бы разве слепой.

Несмотря на это, или, может быть, благодаря этому, Бенедикт был самым настоящим "гулякой" и снял больше женщин, чем репер с радиохитом.

- Что случилось? - спросил Бенедикт.

Я пропустил "Ничего" или "Откуда ты знаешь, что что-то случилось?" и перешёл с разу к "Ты когда-нибудь слышал о парне по имени Тодд Сандерсон?"

- Не думаю. Кто он?
- Наш выпускник. Некролог о нём на сайте.

Я повернул экран к нему. Бенедикт поправил выпученные очки.

- Не узнаю его. Почему тебя это заинтересовало?
- Помнишь Натали?

Тень легла на его лицо.

- Я не слышал, чтобы ты произносил её имя уже...
- Ага, ага. В любом случае, это её, или был её, муж.
- Парень, ради которого она тебя бросила?
- Да.
- И сейчас он мёртв.
- Очевидно.
- Так, сказал Бенедикт, изогнув бровь, она снова одна.
- Уязвимая.
- Я волнуюсь. Ты мой лучший друг-помощник на двойном свидании. Я, конечно, могу легко завести разговор с любой женщиной, но зато ты хорошо выглядишь. Я не хочу терять тебя.
  - Уязвимая, повторил я снова.
  - Ты собираешься позвонить ей?
  - Кому?
  - Кондолизе Райс. Как ты думаешь, кому? Натали.

- Ага, конечно. И сказать что-нибудь типо: "Эй, парень, из-за которого ты меня бросила, умер. Не хочешь сходить в кино?

Бенедикт читал некролог.

- Подожди.
- Что?
- Здесь сказано, что у него было два ребёнка.
- И?
- Это всё осложняет.
- Ты прекратишь?
- Я имею в виду двух детей. Она должно быть теперь толстая. Бенедикт посмотрел на меня своими увеличенными глазами. Как выглядит сейчас Натали? Два ребёнка. Вероятно, она сейчас коротенькая и толстенькая, так ведь?
  - Откуда ты знаешь?
- У всех так происходит. Гугл, Фейсбук, и тому подобные источники в помощь.

Я покачал головой.

- Не у всех.
- Что? У всех. Чёрт возьми, я знаю это от моих бывших любовниц.
- И что интернет справляется с передачей такого объёма информации? Бенедикт усмехнулся.
- Мне нужен собственный сервер.
- Парень, надеюсь, это не эвфемизм.

Но за его улыбкой я увидел что-то грустное. Я вспомнил тот случай в баре, когда Бенедикт наклюкался особенно сильно, я увидел, как он смотрит на изношенную фотографию, которую держал в портмоне. Я спросил его, кто это.

- Единственная девушка, которую я любил, - сказал он пьяным голосом.

Затем Бенедикт засунул фотографию за кредитку и, несмотря на намёки с моей стороны, больше не сказал ни слова об этом.

Тогда у него была такая же грустная улыбка.

- Я обещал Натали.
- Обещал что?
- Оставить их в покое. Не искать встреч с ними и не беспокоить.

Бенедикт обдумал это.

- Кажется, Джейк, ты сдержал обещание.

Я ничего не сказал. Бенедикт соврал до этого. Он не просматривал на Фейсбуке страницы своих бывших, даже если и делал так, то без особого

энтузиазма. Как-то я ворвался к нему в кабинет, так же, как и он, я никогда не стучался, увидел, что он сидел на Фейсбуке. Я бросил быстрый взгляд и увидел страницу, которая принадлежала той же самой женщине, чью фотографию он хранил в бумажнике. Бенедикт быстро свернул браузер, но бьюсь об заклад, он просматривает эту страницу часто. Скорее всего, даже каждый день. Думаю, он рассматривал каждую новую фотографию единственной женщины, которую любил. Он смотрел на её жизнь, её семью, мужчину, с которым она делит постель, и он смотрел на них так же, как и смотрел на фотографию в бумажнике. У меня нет доказательств, просто чувство, но не думаю, далёк от истины.

Как я уже говорил, каждый сходит с ума по своему.

- Что ты пытаешься сказать? спросил я.
- Я просто говорю, что все эти "они" закончились теперь.
- Натали уже долгое время не часть моей жизни.
- Ты и в правду в это веришь? Она что взяла с тебя обещание забыть, что ты чувствуешь?
- Я думал, что ты боишься потерять своего лучшего партнёра по двойным свиданиям.
  - Ты не такой уж и симпатичный.
  - Жестокий ублюдок.

Он поднялся.

- Мы, профессоры гуманитарных наук, знаем всё.

Потом Бенедикт ушёл. Я поднялся, подошёл к окну и посмотрел на улицу. Я наблюдал за тем, как студенты прогуливаются по кампусу, и, как часто делал, когда сталкивался с какой-либо жизненной ситуацией, я задавался вопросом, чтобы я посоветовал одному из них, если бы они были в моём положении. Внезапно, без предупреждения, на меня нахлынуло всё разом, белая часовня, то, как были уложены её волосы, то, как она подняла безымянный палец, вся боль, желания, эмоции, любовь, раны. Колени подогнулись. Я думал, что я уже перестал мучиться из-за неё. Она раздавила меня, но я собрал себя по кусочкам и продолжил жить дальше.

Как глупо думать об этом сейчас. Как эгоистично. Как неуместно. Женщина, которая только что потеряла мужа, а я такое ничтожество, что волнуюсь только о последствиях для тебя. "Пусть идёт, как идёт, - сказал я себе. - Забудь её и всё остальное. Живи дальше".

Но я не мог. Я просто не такого склада.

В последний раз я видел Натали на свадьбе. Теперь я увижу её на похоронах. Некоторые бы люди нашли бы в этом иронию, но я не из их числа.

Я направился к компьютеру и забронировал рейс в Саванну.

Глава 3

Первый признак, что что-то не так, появился во время хвалебной речи.

Пальметто Блафф был не столько городом, а сколько гигантским закрытым обществом. Вновь построенная "деревня" была прекрасна - чистенькая, хорошо обслуживаемая, исторически точная. Всё это делало место стерильным, Диснеевским Эпкот-парком [1]с атмосферой, пропитанной фальшью. Всё кажется чересчур идеальным. Блестяще-белая часовня, и ещё одна на утёсе, настолько живописны, словно картинки. Жара, однако, была самой настоящей, живой, дышащей массой с влажностью такой плотности, что она спокойно могла заменить бисерные занавески.

Разум ещё раз спросил, зачем я приехал сюда, но я заткнул его. Я уже здесь, так что вопрос бессмысленный. Гостиница в Пальметто Блафф выглядела, как сошедшая с экрана телевизора. Я зашёл в милейший бар и заказал виски прямо у милейшей барменши.

- На похороны приехали? спросила она.
- Ага.
- Прискорбно.

Я кивнул и посмотрел на свой стакан. Милейшая барменша поняла намёк и больше не говорила ничего.

Я гордился тем, что просвещённый человек. Я не верил в рок, судьбу и прочую суеверную чушь, но всё же я оправдывал своё импульсивное поведение следующим образом.

"Я должен быть здесь", - говорил я самому себе.

Что-то подталкивало меня на борт того самолёта. Не знаю, почему. Я же видел своими собственными глазами, что Натали выходила замуж за другого мужчину, и всё же даже сейчас, я не могу полностью принять этого. Всё же у меня было природное стремление к завершению. Шесть лет назад Натали бросила меня с помощью записки, в которой говорилось, что она выходит замуж за своего старого кавалера. На следующий день я получил приглашение на её свадьбу. Немудрено, что до сих пор было ощущение... незаконченности. И теперь я здесь в надежде найти если не завершение, то некое окончание.

Удивительно, как мы можем всё логически обосновать, когда хотим чего-либо.

Но чего именно я хотел здесь?

Я допил, поблагодарил милейшую барменшу и с осторожностью направился к часовне. Конечно же, я старался держаться на расстоянии. Может быть, я и ужасный, чёрствый, эгоцентричный человек, но не настолько, чтобы навязываться вдове на погребении её мужа. Я встал позади крупного дерева, пальметто, чего же ещё? И мог разве что мельком взглянуть на провожающих.

Когда я услышал музыку, я понял, что побережье пустое, как и предполагалось. Быстрый взгляд подтвердил это. Все были в часовне. Я пошёл вперёд и услышал хоровое евангельское пение. Оно было, одним словом, великолепно. Не зная, что делать, я попробовал дверь часовни, она оказалась незапертой (ну, понятное дело) и направился внутрь. Я опустил голову, когда вошёл, прикрыв рукой лицо, словно желая почесать царапину.

Как вам такая маскировка для бедняков?

Но в ней не было необходимости. Часовня была заполнена. Я встал позади остальных поздно прибывших скорбящих, которым уже некуда было сесть. Хор закончил одухотворяющие пение, и мужчина, не знаю, священник или проповедник или ещё кто-то, занял места на кафедре. Он начал говорить о Тодде, как о "заботливом враче, хорошем соседе, щедром друге и великолепном семьянине". Врач. Я не знал этого. Мужчина красноречиво описывал сильные стороны Тодда: его благотворительную деятельность, личностное обаяние, щедрость духа, способность заставить почувствовать каждого человека особенным, его готовность засучить рукава и взяться за дело, когда кто-либо нуждался в помощи, и неважно друг это или незнакомец. Естественно, сейчас я описал так хорошо всем известную речь на похоронах, ибо у нас есть привычка перехваливать умершего, но я видел слёзы в глазах скорбящих, и то, как они согласно кивали во время речи, как будто это была песня, которую могли слышать только они.

Со своего места позади я пытался хотя бы мельком увидеть Натали, но на пути было слишком много голов. Я не хотел, чтобы меня заметили, поэтому прекратил. Я и так пришёл в часовню, осмотрелся и даже послушал слова похвалы покойного. Разве этого недостаточно? Что мне ещё здесь делать?

Пора было уходить.

- Первым, - сказал человек за кафедрой, - будет выступать Эрик Сандерсон.

Бледный подросток, думаю, лет шестнадцати, поднялся и пошёл к кафедре. Первой мыслью было, что Эрик, должно быть, племянник Тодда Сандерсона (а, соответственно, и Натали), но эта мысль исчезла тут же, как парень произнёс первое предложение.

- Отец был для меня героем...

Отец?

Понадобилось несколько секунд. Мысли имеют обыкновение нестись по изначально намеченному пути, не в состоянии остановиться. Когда я был ребёнком, мой отец рассказал мне старую загадку, которая, по его мнению, должна была меня одурачить.

"Отец и сын попали в аварию. Отец умер. Мальчик был срочно доставлен в госпиталь, где хирург говорит:

- Я не могу оперировать этого мальчика. Он мой сын.

Как такое возможно?"

Вот именно это я и имел в виду, говоря о намеченном пути. Для поколения моего отца, может быть, и сложно было разгадать такую загадку, но для людей моего возраста всё просто. Ответ: хирург - его мать. Это было так очевидно, что помню, как рассмеялся тогда.

- Что дальше, пап? Ты начнёшь пользоваться кассетным магнитофоном?

Здесь было что-то подобное. Теперь я задумался, как может мужчина, который женат на Натали шесть лет иметь сына-подростка? Ответ: Эрик - сын Тодда, но не Натали. Либо Тодд был женат до этого, ну или у него просто ребёнок от другой женщины.

Я снова попытался увидеть Натали в первом ряду. Я вытянул шею, но женщина, стоящая рядом, раздражённо вздохнула из-за того, что я вторгся её пространство. На подиуме сын Тодда, Эрик, накалял страсти. Он говорил красиво и трогательно. Так, что в часовне не было сухих глаз, кроме моих.

И что теперь? Просто стоять здесь? Засвидетельствовать своё почтение вдове, и тем самым смутить её и вторгнуться в её траур? Разве это было бы не эгоистично с моей стороны? Хотел бы я увидеть её лицо, увидеть, как она плачет о потерянной любви всей её жизни?

Не думаю. Я посмотрел на часы. Я забронировал билеты на вечерний рейс. Ага, быстренько туда и обратно. Без беспорядка, без суеты, без ночёвки, без оплаты отеля. Завершение по дешёвке.

Наверняка, найдутся те, кто констатирует очевидное, касательно меня и Натали, то есть, я идеализировал время, проведённое вместе, невзирая ни на что. Я понимаю это. Объективно я вижу, когда доводы обоснованы. Но сердце необъективно. Я, который преклоняюсь перед великими мыслителями, теоретиками и философами нашего времени, никогда бы не опустился до того, чтобы использовать такую банальную аксиому, как "я просто знаю". Но я знаю. Я знаю, кем мы были вместе с Натали. Я вижу это

незамутнённым взглядом, и из-за этого, я не могу понять, кем мы стали.

Короче говоря, я до сих пор не знаю, что случилось с нами.

Когда Эрик закончил и занял своё место, звуки шмыганья и тихих рыданий эхом разносились в ярко-белой часовне. Церковнослужитель, управляющий похоронами, вернулся за кафедру и использовал универсальный жест руками "пожалуйста, встаньте". Когда прихожане начали вставать, я воспользовался моментом и выскользнул на улицу. Я перешёл через дорогу, вернулся под укрытие деревьев пальметто и прислонился к стволу, таким образом, чтобы меня не было видно из часовни.

- С вами всё в порядке?

Я повернулся и увидел ту самую милейшую барменшу.

- В порядке, спасибо.
- Замечательный человек, доктор.
- Ага.
- Вы хорошо его знали?

Я не ответил. Несколькими минутами позже, двери часовни открылись. Гроб вынесли под ярко палящее солнце. Когда он оказался рядом с катафалком, те, кто несли его, один из которых был сын Тодда, Эрик, встали вокруг. Женщина в чёрной шляпе шла следующей. Одной рукой она обнимала девочку, наверное, лет четырнадцати. Рядом с ней стоял высокий мужчина. Она опиралась на него. Мужчина был немного похож на Тодда. Я подумал, что это его брат и сестра, но это была лишь догадка. Те, кто несли гроб, подняли его и засунули в катафалк. Женщину в чёрной шляпе и девочку первыми сопроводили в лимузин. Высокий «возможно-брат» открыл перед ними дверь. Эрик шёл следом. Я смотрел, как выходят остальные скорбящие.

По-прежнему, никаких признаков Натали.

Я нашёл это несколько странным. Я видел только два объяснения. Иногда жена уходит первой, сопровождая гроб, иногда даже опирается об него рукой. А иногда она идёт последней, дожидаясь, пока вся часовня опустеет, а потом храбро направляется на выход по проходу. Помню, как моя мать не хотела ни с кем общаться на похоронах отца. Она вышла чёрным ходом, чтобы избежать столкновения с семьёй и друзьями.

Я наблюдал за тем, как выходят скорбящие. Их горе, как южная жара, стала живой, дышащей массой. Оно было подлинным и ощутимым. Эти люди были здесь не из простой вежливости. Они любили этого человека. Они потрясены его смертью, но опять же, чего я ожидал? Я что думал, что Натали бросила меня ради неудачника? Не лучше ли проиграть врачу, чем

накачанному придурку?

Хороший вопрос.

Барменша по-прежнему стояла рядом со мной.

- Как он умер? прошептал я.
- Вы не знаете?

Я отрицательно покачал головой. Тишина. Я повернулся к ней.

- Его убили, - сказала она.

Слова повисли во влажном воздухе, отказываясь исчезать. Я повторил:

- Убили?
- Да.

Я открыл и закрыл рот, и попытался снова заговорить:

- Kaк? Keм?
- Думаю, в него стреляли. Точно не могу сказать. Полиция не знает, кто его убил. Они думают, что это было ограбление, которое пошло не по плану. Ну, вы знаете, парень вломился в дом и не знал, что кто-то дома.

Онемение подкралось ко мне. Поток людей, выходящих из часовни, иссяк. Я смотрел на дверь и ждал, когда появится Натали.

Но она не появилась.

Человек, который проводил службу, вышел и закрыл дверь. Он сел на переднее сидение катафалка. Катафалк тронулся с места. Следом ехал лимузин.

- Здесь есть боковой выход? спросил я.
- Что?
- Из часовни? Есть другая дверь?

Она нахмурилась.

- Нет. Здесь только одна дверь.

Процессия была уже в движении. Где, чёрт возьми, Натали?

- Вы собираетесь на кладбище? спросила барменша.
- Нет.

Она положила руку мне на предплечье.

- Похоже, вам нужно выпить.

Трудно было спорить с этим. Я почти ковылял, идя за ней в бар, и почти рухнул на тот же самый стул, на котором сидел до этого. Она налила мне ещё один стакан виски. Я, не отрываясь, смотрел на процессию, на дверь часовни, на маленькую городскую площадь.

Нигде не было Натали.

- Кстати, меня зовут Тесс.
- Джейк.
- Откуда вы знаете доктор Сандерсона?

- Мы учились в одном колледже.
- Правда?
- Да. А что такое?
- Вы выглядите моложе?
- Да, я моложе. Это была связь выпускников одного колледжа.
- Ааа, хорошо. В этом есть смысл.
- Tecc?
- Да?
- Вы знаете семью доктора Сандерсона?
- Его сын, Эрик, встречается с моей племянницей. Хороший парень.
- Сколько ему лет?
- Шестнадцать, может быть, семнадцать. Какая трагедия. Они с отцом были очень близки.

Я не знал, как перевести тему, поэтому просто спросил:

- Вы знаете жену доктора Сандерсона?

Тесс подняла голову.

- А вы нет?
- Нет, соврал я. Я никогда не встречался с ней. Мы просто встречались на нескольких мероприятиях, которые устраивал колледж. Он приходил один.
- Вы как-то слишком близко принимаете всё к сердцу для человека, который всего лишь встречался с ним на нескольких мероприятиях.

Я не знал, как ответить на этот вопрос, поэтому я просто сделал большой глоток. Потом я произнёс:

- Просто, я не видел её на похоронах.
- Откуда вы знаете?
- Что?
- Вы же только что сказали, что никогда не видели её. Откуда вы знаете?

Люди, я в правду не особенно хорош во вранье, так?

- Я видел фотографии?
- Должно быть, они были плохими.
- Что вы имеете в виду?
- Она была там. Шла сразу за гробом вместе с Кати.
- Кати?
- Их дочерью. Эрик нёс гроб. А потом вышел брат доктора Сандерсона с Кати и Делией.

Конечно же, я их помнил.

- Делией?

- Женой доктора Сандерсона.

У меня начала кружиться голова.

- Я думал, её имя Натали.

Она скрестила руки на груди и нахмурилась.

- Натали? Нет. Ей зовут Делия. Они с доктором Сандерсоном были вместе со школы. Выросли здесь, чуть дальше по дороге. Они были женаты много лет.

Я в изумлении смотрел на неё.

- Джейк?
- Что?
- Вы уверены, что попали на те похороны?

Глава 4

Я отправился в аэропорт и сел на следующий рейс домой. Что мне ещё было делать? Конечно, я мог подойти к горюющей вдове и спросить, почему её благоверный покойный супруг женился на любви всей моей жизни шесть лет назад. Но это был не самый подходящий момент. Я чувствителен к таким вещам.

Поскольку у меня был билет, который нельзя вернуть, профессорская зарплата, занятия завтра и студенты, с которыми нужно увидеться, я неохотно нырнул в один из тех "экспресс" самолётов, которые слишком малы для людей моего размера, сложив ноги так, что, казалось, колени были под подбородком, и полетел обратно в Лэндфорд. Я живу в отдельном доме из линялого кирпича на кампусе. Обстановку великодушно можно назвать "функциональной". Думаю, квартира была чистой и удобной за счёт одного из тех наборов кушетка плюс диван на двоих за 699 долларов, рекламу которых вы можете увидеть на автостраде. Думаю, общее впечатление скорее нейтральное, чем плохое, но, может быть, я просто себя убеждаю в этом. На маленькой кухне есть микроволновая печь и грильтостер, в котором имеется настоящая духовка, но не помню, чтобы когдалибо пользовался ею, и посудомоечная машина, которая часто ломается. Как вы, наверное, догадались, я развлекаюсь здесь не особенно часто.

Не сказать, что я не хожу на свидания или у меня не было хоть сколько-нибудь значимых отношений. Нет, хотя большая часть моих отношений имели трёхмесячный срок годности. Некоторые люди могли бы найти объяснение этого факта в том, что мои отношения с Натали длились чуть больше трёх месяцев, но я не был из их числа. Нет, я не жил в страданиях. Я не плакал в подушку или что в этом духе. Я говорил сам себе, что выше этого. Но я понимаю, как ничтожно и неприятно это звучит. И, нравится мне это или нет, я думаю о ней каждый день.

И теперь что?

Человек, который женился на женщине моей мечты, кажется, был женат на другой женщине, это если не упоминать о том, что он мёртв. Другими словами, Натали не было на похоронах её мужа. Кажется, это вполне себе основание, чтобы я каким-то образом мог отреагировать, не так ли?

Я помню про обещание шестилетней давности. Натали сказала:

- Обещай мне, что ты оставишь нас в покое.

Нас. Не просто его или её. Нас. Рискую прозвучать холодно или, возможно, чрезмерно буквально, но больше нет никаких "нас". Тодд умер. Это значит, что я твёрдо верю, если условия обещания уже не существуют, а "нас" больше не существует, то оно может быть объявлено недействительным.

Я загрузил компьютер, да, он был старым, и напечатал Натали Эйвери в поисковике. Выпал список ссылок. Я начал изучать их, но быстро расстроился. На её старой странице-галерее по-прежнему были картины. Но ничего не добавлялось уже шесть лет. Я нашёл несколько статей о художественных вечерах и тому подобное, но, опять же, они все были слишком старыми. Я щёлкнул на кнопку "найти ещё ссылки". Два раза выпал телефонный справочник, но одной женщине, которую звали Натали Эйвери, было семьдесят девять, и она была замужем за мужчиной по имени Харрисон. Другой - шестьдесят шесть, и она замужем за Томасом. Были и другие обычные упоминания, которые выпадают, если вы введёте любое имя: генеалогические сайты, страницы выпускников средних школ и колледжей, и всё такое.

Но, в конце концов, не нашлось ничего подходящего.

Так, что случилось с моей Натали?

Я решил попробовать погуглить Тодд Сандерсон, чтобы посмотреть, что я смогу найти. Он был на самом деле врачом, а точнее, хирургом. Его офис располагался в Саванне, штат Джорджия, и он был связан с Мемориальным университетским медицинским центром. Он специализировался на пластической хирургии. Я не знаю, что это означало тяжёлые случаи волчьей пасти или увеличение груди. Не знаю, как это может быть связано, но доктора Сандерсона нигде больше не было в сети. У него не было страницы на Фейсбуке, аккаунта в Твиттере и ничего подобного.

Было несколько упоминаний о Тодде Сандерсене и его жене, Делии, в связи с благотворительной деятельностью в фонде "Новое начало", но из них мало что можно было узнать. Я попытался набрать его имя и Натали. Но не нашёл абсолютно ничего. Я откинулся на спинку кресла и задумался. Затем я наклонился вперёд и попытался набрать имя их сына, Эрик Сандерсон. Он был всего лишь ребёнком, так что, я не думал, что найду многое, но, возможно, у него есть страница на Фейсбуке. Отсюда я и начал. Родители частенько не заводят страницы в социальных сетях, но я ещё не встречал ни одного студента, у которого её бы не было.

Несколькими минутами позже, я нашёл. Эрик Сандерсон, Саванна, Джорджия. На аватаре сообразно моменту стояла фотография Эрика с ушедшим отцом, Тоддом. Они оба широко улыбались, пытаясь удержать какую-то большую рыбу, счастливо борясь с её весом. Рыбалка отца с сыном, понял я с болью человека, который тоже хочет быть отцом. Солнце заходило за их спинами, поэтому на лица легли тени, но всё же вы могли в своё удовольствие изучить их на мониторе компьютера. Я вдруг меня поразила странная мысль.

Тодд Сандерсон был хорошим человеком.

Да, это была всего лишь фотография, и, да, я знаю, как люди могут улыбаться фальшивыми улыбками или как могут режиссировать целую жизнь, но здесь я чувствовал доброту.

Я посмотрел все остальные фотографии Эрика. В основном на них был Эрик с друзьями в школе, на вечеринках, на спортивных мероприятиях, ну вы сами знаете, он же подросток, в конце концов. Почему сейчас все делают на фотографии пухлые губки или неприличные жесты руками? В чём тут дело? Тупая мысль, но мысли направляются туда, куда направляются.

Ещё там был альбом, который был озаглавлен просто "СЕМЬЯ". Я пробежался по целому пласту лет. На одних Эрик был ребёнком. Потом поездка в Диснейленд, другие рыбалки, семейные обеды, конфирмация, игры в футбол. Я посмотрел все фотографии.

Ни на одной из них у Тодда не было длинных волос. Он всегда был чисто выбрит.

Но что это значит?

Без понятия.

Я щёлкнул на стене Эрика, или, как вы, может быть, называете её, главная страница. Там были десятки сообщения с соболезнованиями.

"Твой отец был лучшим. Сочувствую".

"Если чем-нибудь могу помочь, обращайся".

"Покойтесь с миром, доктор С. Вы крутой".

"Я никогда не забуду, как твой отец помог моей сестре".

А затем я увидел то, что заставило меня остановиться:

"Какая бессмысленная трагедия. Я никогда не понимала человеческой жестокости".

Я щёлкнул на "более старые сообщения". Там было ещё шесть, я нашёл ещё одно, за которое зацепился мой взгляд:

"Надеюсь, ты найдёшь ублюдка, который сделал это, и зажаришь eго".

Я снова открыл страницу поисковика и попытался выяснить больше.

Прошло совсем немного времени, и я наткнулся на статью:

УБИЙСТВО В САВАННЕ

Убит местный хирург

Известный местный хирург и филантроп, доктор Тодд Сандерсон, был убит в собственном доме прошлой ночью, полиция считает, что это было ограбление, которое пошло не по плану.

Кто-то дёрнул за ручку входной двери, но она была закрыта. Я услышал, как зашуршал коврик, в попытке соригинальничать, я спрятал запасные ключи под ним, и затем ключ повернулся в замке, и дверь открылась. Вошёл Бенедикт.

- Привет. Сёрфиришь интернет в поисках порно?
- Я нахмурился.
- Никто уже не использует термин "серфиришь".
- Я старомодный, Бенедикт подошёл к холодильнику и взял пиво. Как твоя поездка?
  - Неожиданно.
  - Рассказывай.

Я рассказал. Бенедикт был замечательным слушателем. Он был из тех парней, которые действительно слушают каждое слово и сосредоточены на тебе и только на тебе и никогда тебя не перебивают. Так же он никогда не фальшивил, скорее он сохранял умение слушать для своих ближайших друзей. Люди были от него в восторге. Я бы сказал, что Бенедикт лучше всего может проявить себя в качестве учителя, но скорее всего всё-таки в роли Дон Жуана. Одинокие женщины могут отшить многих простых съёмщиков, но не парня, которого волнует то, что они говорят. Подражатели жиголо, примите к сведению.

Когда я закончил, сделал глоток пива.

- Вау. Имею в виду... вау. Это всё, что я могу сказать.
- Bay?
- Угу.
- Ты уверен, что ты профессор английского языка?
- Знаешь, произнёс он медленно, что должно быть какое-то логическое объяснение этому, правильно?
  - Например?

Он потёр подбородок.

- Может быть, у Тодда было несколько семей, но они не знали о существовании друг друга.
  - Что?
  - Повеса, у которого было много жён и детей, и одна жила, скажем, в

Денвере, а другая в Сиэтле, и он распределяет своё время между ними таким образом, чтобы они не знали друг о друге. Я всё время вижу такое в новостях. Они двоеженцы или многоженцы. И это может сходить им с рук много лет.

Я скорчил рожу.

- Если это логическое объяснение, то я бы с удовольствием послушал нелогическое.
- Справедливое замечание. А если я дам тебе более очевидное объяснение?
  - Более очевидное объяснение?
  - Да.
  - Попытайся!

Бенедикт развёл руками.

- Это не тот Тодд.

Я ничего не ответил.

- Ты же не помнишь фамилию парня, так?
- Tak.
- Так ты уверен, что это тот парень? Тодд не самое редкое имя в мире. Подумай, Джек. Ты видишь фотографию спустя шесть лет, твой мозг просто играет с тобой злую шутку, и, вуаля, ты думаешь, что это твой заклятый враг.
  - Он мне не заклятый враг.
- Не был заклятым врагом. Он мёртв, помнишь? Так что, говори о нём в прошедшем времени. Но, если серьёзно, ты хочешь более очевидное объяснение?

Он наклонился вперёд.

- Это всё похоже на простую путаницу.
- Я, конечно же, уже об этом думал. Я уже даже обдумал дурацкое объяснение Бенедикта касательно двоеженца. Оба имеют больше смысла, чем... чем что? Что ещё могло быть? Какое ещё возможное, очевидное, логическое или нелогическое объяснение могло быть?
  - Ну? спросил Бенедикт.
  - В этом есть смысл.
  - Видишь?
- Этот Тодд, Тодд Сандерсон, врач, внешне отличается от Тодда Натали. Его волосы короче. Его лицо чисто выбрито.
  - Вот так то.

Я отвёл взгляд.

- Что?

- Не уверен, что такое объяснение подходит мне.
- Почему нет?
- По одной причине, человек был убит.
- И что? Если уж на то пошло, то это подтверждает мою теорию многоженства. Он выбрал не ту девушку и бабах.
  - Да ладно, ты же на самом деле не думаешь, что так и было.

Бенедикт откинулся на спинку и начал постукивать двумя пальцами по губе.

- Она оставила тебя ради другого мужчины.

Я ждал, пока он продолжит. Поскольку ничего не последовало, я сказал:

- О, да, капитан Очевидность, я знаю.
- Это было тяжело для тебя, теперь его голос был грустным, задумчивым. Я понимаю тебя. Я понимаю тебя лучше, чем ты думаешь.

Я подумал о фотографии, о любви, которую он потерял, о том, сколько же нас, слоняющихся вокруг, с разбитым сердцем и никому не показывающих это.

- Ты был влюблен. Поэтому ты просто не можешь принять то, что она могла бросить тебя ради другого мужчины?

Я снова нахмурился, но в груди появилось ощущение натянутой тетивы.

- Ты уверен, что не профессор психологии?
- Ты хочешь этого так сильно, тебе нужен второй шанс, шанс на искупление, что ты не видишь правду.
  - Так, в чём правда, Бенедикт?
- Она ушла, сказал он обыденно. Она бросила тебя. Ничего не изменит этого.

Я сглотнул, пытаясь пробраться через эту кристально-чистую правду.

- Думаю, здесь нечто большее.
- Например?
- Не знаю, признался я.

Бенедикт думал какое-то время.

- Но ты же не оставишь попытки выяснить в чём дело, так?
- Оставлю. Но не сегодня. И, возможно, не завтра.

Бенедикт пожал плечами, поднялся и взял ещё одно пиво.

- Ну, как хочешь. Так, какой твой следующий шаг?

Глава 5

У меня не было ответа на этот вопрос, да и поздно уже было. Бенедикт предложил пойти в бар и напиться. Я подумал, возможно, это отличное отвлечение, но мне нужно проверить эссе, поэтому пришлось отказаться. Я просмотрел три штуки прежде, чем понял, что мой разум был где-то в другом месте, и проверять документы сейчас нечестно по отношению к студентам.

Я сделал сэндвич и снова попытался найти имя Натали, но в этот раз я задал поиск по "картинкам". Я увидел её старую фотографию. Картинка так больно ударила меня в грудь, что пришлось её закрыть. Я нашёл её старые картины. Несколько из них изображали мои руки и торс. Болезненные воспоминания, только-только ослабнувшие, вернулись снова, они с силой распахнули дверь, и ворвались все разом. То, как она наклоняла голову, то, как солнечный свет проникал в её студию через стеклянную крышу, выражение сосредоточенности на её лице, игривая улыбка, когда она делала перерыв. Воспоминания заставили меня согнуться пополам. Я ужасно скучал по ней. Я скучал по ней, ощущая почти физическую боль, и даже нечто большее, сильное. Я заблокировал воспоминания о ней на шесть лет, но неожиданно страстное желание снова нахлынуло на меня, настолько сильное, как и в последний раз, когда мы занимались любовью на закате.

Да пошло оно всё.

Я хотел её увидеть, и к чёрту последствия. Если Натали посмотрит мне в глаза второй раз и прогонит меня. Тогда я смогу справиться с этим. Но не сейчас. Не сегодня. Сейчас мне просто необходимо её найти.

Хорошо, успокойся. Нужно докопаться до сути дела. Что мне нужно сделать? Прежде всего, мне нужно выяснить Тодд Сандерсон - это Тодд Натали или нет. Многое доказывает, как и говорил Бенедикт, что это простая путаница.

Так каким же способом это доказать?

Мне нужно больше узнать о нём. Например, что доктор Тодд Сандерсон, счастливо женатый отец двоих детей, живущий в Саванне, делал в усадьбе художников в Вермонте шесть лет назад? Нужно посмотреть фотографии с ним. Нужно лучше подготовиться, и начать следует...

Начать отсюда. С Лэндфорда.

Вот оно. В колледже до сих пор хранятся личные дела каждого студента, хотя их может посмотреть либо сам студент, либо с разрешения студента. Я смотрел своё личное дело несколько лет назад. По большей части, там не было ничего примечательного, кроме моего преподавателя по испанскому на первом курсе. Закончилось тем, что я бросил эти занятия, и записью в личном деле, что у меня проблемы с "адаптацией" и, возможно, мне нужно воспользоваться услугами психолога колледжа. Конечно же, это чушь. Я был ужасен в испанском, моей академической ахиллесовой пяте, а первокурсникам позволено бросать какой-либо предмет, чтобы сохранить свой средний балл. Запись была сделана собственноручно преподавателем, что делало её ещё хуже.

Так, по существу.

В личном деле Тодда может быть что-то, что расскажет что-нибудь о нём, если, конечно, я найду способ стащить его.

Вы могли бы спросить: "Например, что?"

Я мог бы ответить: "Без понятия, чёрт возьми".

И всё же это было начало.

Так, что ещё?

Очевидно: Найти Натали. Если я обнаружу, что она до сих пор живёт счастливо с Тоддом, то тут же брошу это дело. Самая короткая дорога, так ведь? Только вопрос, как?

Я продолжил онлайн поиск, надеясь случайно наткнуться на адрес или какую-нибудь зацепку, но не было абсолютно ничего. Я знаю, что в настоящее время мы якобы проживаем онлайн всю свою жизнь, но обнаружилось, что не в данном случае. Если человек хочет остаться в тени, то это не проблема. Это требует усилий, но вы действительно можете остаться вне сети.

Вопрос в том, зачем прилагать к этому усилия?

Я рассматривал возможность позвонить её сестре, если смогу найти её номер, но что я скажу?

"Привет, эм, это Джейк Фишер, твоей сестры бывшее, эм, увлечение. Эм, муж Натали умер?»

Как-то жёстко звучит.

Я вспомнил, как нечаянно подслушал телефонный разговор двух сестёр, во время которого Натали сентиментально рассказывала Джули: "О, сестричка, подожди, пока не встретишься с моим замечательным парнем..."

И, да, в конечном итоге мы встретились. Вроде того. На свадьбе Натали с другим мужчиной.

Её отец мёртв. Её мама, ммм, но с ней та же проблема, что и с сестрой. Друзья Натали... тут тоже сложности. Натали и я в основном проводили время в уединении в Крафтборо, штат Вермонт. В одной усадьбе фермерского типа я писал диссертацию по политологии, а в другой по соседству Натали рисовала картины. Я собирался прожить там шесть недель. Но прожил вдове больше, потому что, во-первых, познакомился с Натали, а, во-вторых, не мог больше концентрироваться на писательстве после того, как познакомился с Натали. Я никогда не был в её родном городе на севере Нью-Джерси, а она лишь однажды пришла с коротким визитом на кампус. Наши отношения остались в том Вермонтском пузыре.

Сейчас я почти вижу, как вы киваете головой. Ага, вы думаете, что это всё объясняет. Что это был летний роман, построенный в фальшивом мире без обязательств и реальности. В таких условиях можно легко вырастить любовь и одержимость, но они не смогут укорениться, а лишь увянут и умрут, когда холодный сентябрь постучится в дверь. Натали, более проницательная, увидела и приняла правду. А я нет.

Я могу понять такое мнение. И могу лишь сказать, что оно ошибочно.

Сестру Натали зовут Джули Поттам. Шесть лет назад Джули была замужем, и у неё был маленький ребёнок. Я поискал её онлайн. В этот раз много времени не понадобилось. Джули жила в Рэмси, Нью-Джерси. Я записал её номер телефона на бумажке, как и Бенедикт, я был старомоден, и уставился на него. Я слышал смех студентов на улице. На дворе полночь. Слишком поздно для звонка. Лучшим решением было лечь спать. Между тем, мне нужно было подкорректировать кое-какие документы. Ещё завтра будет занятие, к которому мне нужно подготовиться. Вот такую жизнь я веду.

* * *

Не было смысла спать. Я сконцентрировался на эссе студентов. По большей части они были до онемения утомительными и предсказуемыми, написанные таким образом, чтобы соответствовать нормативным требованиям школьного учителя. Были и студенты уровнем выше, которые знали, как писать на школьную оценку "А+", что с их вступительным абзацем, вводными фразами, поддержанием структуры и прочим делало эссе массивным и смехотворно скучным. Как я уже упоминал, моя работа заключается в том, чтобы научить их думать критически. Для меня это почти всегда было важнее, чем заставить их запомнить особенности

философских учений, скажем, Гоббса или Локка. Вы всегда можете посмотреть информацию и вспомнить о них. Скорее, на что я действительно надеюсь, так это на то, что мои студенты научатся одновременно и уважать и противоречить Гоббсу и Локку. Я хочу, чтобы они не только мыслили нешаблонно, но чтобы они могли выбраться из шаблона мышления и разнести его в клочья.

Некоторые этому научились. И всё же большинство нет. Но, эй, они не могут научиться всему и сразу, иначе, в чём бы был смысл моей работы?

Примерно в четыре утра я пошёл спальню, чтобы притвориться, что сон настиг меня. Но сон не шёл. К 7:00 утра я примирился с мыслью: "Я позвоню сестре Натали". Я вспомнил механическую улыбку в белой часовне, бледное лицо, то, как Джули спросила меня, всё ли в порядке, как будто она на самом деле всё понимала. Она могла стать союзником.

В любом случае, что я терял?

Прошлой ночью звонить было уже поздно. Сейчас слишком рано. Я принял душ и был готов к занятию по соблюдению законности в 8:00 в Уайт Холле. Позвоню сестре Натали, когда закончатся занятия.

Я ожидал, что занятие будет сонным. По понятным причинам я был рассеянным, и давайте посмотрим правде в глаза, 8:00 слишком рано для большинства студентов колледжа. Но не сегодня. Сегодня класс был чрезмерно оживлённым, руки так и взлетали вверх, противоборство точек зрения, но без враждебности. Конечно же, я не принимал ни чью сторону. Я выступал в роли арбитра и удивлялся. Студенты были в ударе. Обычно время в течение первого занятия тянулось, словно в сиропе. Сегодня же я хотел схватить эти глупые руки и остановить их, чтобы они больше не взлетали вверх. Мне нравилась каждая секунда. Девяносто минут пролетели, словно в тумане, и я ещё раз убедился, насколько мне посчастливилось иметь такую работу.

Счастливый в работе, несчастный в любви. Или что-то в этом духе.

Я пошёл в свой офис в Кларк Хаусе, чтобы позвонить, остановился возле стола миссис Динсмор и наградил её самой очаровательной и обезоруживающей улыбкой. Она нахмурилась и сказала:

- Это всё работа с сегодняшними одинокими женщинами?
- Что, очаровательная улыбка?
- Ага.
- Иногда, ответил я.

Она покачала головой.

- А говорят ещё не волноваться по поводу будущего. - Миссис Динсмор вздохнула и расправила какие-то бумаги. - Ладно, сделаем вид,

что вы меня возбудили. Что вам нужно?

Я попытался отогнать образ возбуждённой миссис Динсмор. Это было нелегко.

- Мне нужно найти личное дело одного студента.
- У вас есть разрешение студента?
- Нет.
- Из-за этого и очаровательная улыбка.
- Правильно.
- Это один из ваших нынешних студентов?

Я снова улыбнулся.

- Нет. Он никогда не был моим студентом.

Она изогнула бровь.

- На самом деле, он выпустился двадцать лет назад.
- Вы шутите, да?
- Похоже, что я шучу?
- Вообще-то, с такой улыбкой вы похожи на человека, который страдает запором. Как зовут студента?
  - Тодд Сандерсон.

Она откинулась на спинку и сложила руки на груди.

- Не его ли некролог я читала на странице выпускников?
- Его.

Миссис Динсмор изучала моё лицо. Моя улыбка исчезла. Несколько секунд спустя, она снова опустила нос очки для чтения и сказала:

- Посмотрим, что я смогу сделать.
- Спасибо.

Я пошёл в свой кабинет и закрыл дверь. Больше никаких оправданий. Уже почти 10:00. Я вытащил кусочек бумаги, посмотрел на номер, который записал прошлой ночью, взял телефон, нажал кнопку для выхода на внешнюю линию и набрал номер.

Я прокручивал в голове разговор, но ничего здравого не получалось, и понял, что придётся сочинять на ходу. В телефонной трубке раздалось два губка, потом три. Вероятно, Джули не ответит. Уже никто больше не отвечает на домашний телефон, особенно, если звонок с незнакомого номера. Номер определиться, как колледж Лэнфорд. Я не знал, поспособствует это ответу на звонок или нет.

На четвёртом гудке подняли трубку. Я сжал крепко её и стал ждать. Женщина неуверенно произнесла:

- Алло?
- Джули?

- Кто это?
- Это Джейк Фишер.

Тишина.

- Я встречался с твоей сестрой.
- Ещё раз, как вас зовут?
- Джейк Фишер.
- Мы знакомы?
- Вроде того. Имею в виду, что мы оба были на свадьбе Натали...
- Не понимаю. Кто вы?
- Прежде, чем Натали вышла за Тодда, мы с ней встречались.

Молчание.

- Алло? спросил я.
- Это шутка?
- Что? Нет. В Вермонте. Ваша сестра и я...
- Я не знаю, кто вы.
- Вы часто разговаривали с сестрой по телефону. Вообще-то, я даже слышал, что вы разговаривали обо мне. После свадьбы, вы положили руку мне на плечо и спросили, всё ли в порядке.
  - Я понятия не имею, о чём вы говорите.

Я сжал трубку так сильно, что испугался, что сломаю её:

- Как я сказал, Натали и я встречались...
- Чего вы хотите? Почему звоните мне?

Вау, это был хороший вопрос.

- Я хочу поговорить с Натали.
- Зачем?
- Я просто хотел удостовериться, что с ней всё в порядке. Я видел некролог Тодда, и подумал, что, может быть, мне стоит позвонить и, я не знаю, выразить соболезнования.

Опять молчание. Я подождал, сколько смог.

- Джули?
- Я не знаю, кто вы, и о чём говорите, но больше никогда не звоните. Понятно? Никогда.

Она положила трубку.

Глава 6

Я пытался перезвонить, но Джулия не брала трубку.

Я не понял. Неужели она действительно забыла, кто я? Это сомнительно. Я её что напугал своим звонком из ниоткуда? Не знаю. Весь разговор был сюрреалистическим и жутким. Ведь не сложно было сказать, что Натали не хочет разговаривать со мной или, что я не прав, и Тодд жив. Не важно. Но она просто не знала, кто я.

Как такое возможно?

Так что теперь? Для начала, успокойся. Дыши глубоко. Мне надо было продолжить атаку по двум направлениям. Выяснить, что случилось с покойным Тоддом Сандерсоном, и найти Натали. Второе могло бы, конечно, противоречить первому. Как только я бы нашёл Натали, узнал бы всё. Вот только как её найти. Я пытался найти её онлайн, но безрезультатно. Её сестра, так же, по-видимому, путь в тупик. Итак, что делать дальше? Не знаю, насколько будет тяжело в наши дни найти её адрес?

И меня осенила идея. Я вошёл на сайт университета и проверил расписание. У профессора Шанты Ньюлин было занятие через час.

Я позвонил миссис Динсмор.

- Вы что ждали, что я смогу получить личное дело так быстро?
- Нет. Я звоню не по этому поводу. Меня интересует, знаете ли вы, где профессор Ньюлин?
- Ну и ну. С каждым часом всё интереснее и интереснее. Вам ведь известно, что она обручена?

Я должен был догадаться.

- Миссис Динсмор...
- Не волнуйтесь. У неё завтрак с аспирантом в Валентине.

"Валентин" - университетское кафе. Я поспешил через двор туда. Странная вещь. Профессор в колледже должен быть всегда начеку. Всегда вынужден держать высоко поднятую голову. Всегда вынужден улыбаться и приветствовать каждого студента. Помнить каждое имя. Я чувствовал себя странным образом, как звезда, шагая по кампусу. Могу утверждать, это не имело значения для меня, но в тайне признаюсь, что внимание было лестным, и я воспринял его довольно серьезно. Даже сейчас, в спешке, отвлечённый, взволнованный, я был уверен, что ни один студент не почувствовал себя обделённым вниманием.

Я прошёл мимо двух основных обеденных залов. Они были предназначены для студентов. Преподаватели, которые иногда присоединялись к ним, чувствовали себя немного не в своей тарелке. Существовала некая грань, признаю, иногда нечёткая и надуманная, но я всё равно проводил её между ними и мной, и всегда держался своей стороны. Профессор Ньюлин, точно такая же, поэтому поступала аналогичным образом, именно поэтому я был уверен, что она сидит в одном из тех закрытых залов, что отведены для общения преподавателей со студентами.

Она была в Брэдбир холле. В университетском городке каждое строение, комната, стул, стол, полка и плитка была названа в честь когонибудь, кто жертвовал деньги. Некоторых людей это бесило. Я был из них. Этот оплетённый плющом институт был достаточно обособленным, как и должно быть. Нет никакого вреда в том, чтобы впускать сюда немного реального мира, холодно-денежной реальности, но время от времени.

Я заглянул в окно. Шанта Ньюлин поймала мой взгляд и подняла палец, символизирующий "одну минуту". Я кивнул и стал ждать. Пять минут спустя дверь открылась, и высыпали студенты. Шанта стояла в проходе. Когда студенты ушли, она сказала:

- Прогуляйся со мной. Мне нужно ещё кое-куда.

У Шанты Ньюлин было одно из самых впечатляющих резюме, которое я когда-либо видел. Она закончила Стэнфорд в качестве стипендиата Родса и поступила в Колумбийскую юридическую школу. Прежде, чем стать госсекретарём, она работала на ЦРУ и ФБР.

- Так в чём дело?

Её манеры, как всегда, были бесцеремонными. Когда она впервые появилась на кампусе, мы пошли пообедать. Это не было свидание. Это было скорее "давай посмотрим, захотим ли мы встречаться". Здесь есть некое тонкое различие. После этого свидания, она решила не продолжать, и я был согласен.

- Мне нужно одно одолжение.

Шанта кивнула, приглашая меня продолжать.

- Я ищу кое-кого. Старого друга. Я испробовал все стандартные методы: гугл, звонок семье, и так далее. Я так и не смог заполучить адрес.
  - И ты понял, что я со своими старыми контактами смогу тебе помочь.
  - Что-то в этом духе. Ну, вообще-то, именно так и есть.
  - Её имя?
  - Я же не сказал, что это она.

Шанта нахмурилась.

- Имя?
- Натали Эйвери.
- Когда ты видел её в последний раз, или у тебя был её адрес?
- Шесть лет назад.

Шанта продолжала идти вперёд, резко и очень быстро в военном стиле.

- Она та самая единственная, Джейк?
- Извини?

На её губах появилась слабая улыбка.

- Знаешь, почему я не захотела продолжения, после нашего первого свидания?
- Это было не совсем свидание. Это было скорее "давай посмотрим, захотим ли мы встречаться".
  - YTO?
- Не бери в голову. Я думал, что мы не продолжили встречаться, потому что тебе было это неинтересно.
- Уф, не в этом дело. Вот, что я увидела тем вечером. Ты замечательный парень, весёлый, умный, у тебя работа с полной занятостью и голубые глаза, за которые можно умереть. Ты знаешь, сколько одиноких порядочных парней с такими качествами я встречала?

Я не знал, что сказать, поэтому просто промолчал.

- Но я почувствовала это. Вот что значит быть обученным детективом. Я изучала язык жестов. Я обращаю внимание на мелочи.
  - Почувствовала что?
  - Что ты испорченный товар.
  - Вот здорово, спасибо.

Она пожала плечами.

- Некоторые мужчины продолжают сохнуть по своим бывшим, и некоторых ребят, не многих, но некоторых, это пламя поглощает полностью. Это не приносит им ничего, кроме долговременных проблем.

Я ничего не ответил.

- Так эта Натали Эйвери, которую тебе вдруг так срочно понадобилось найти, и есть то пламя?

Какой смысл было врать?

- Да.

Она остановилась и посмотрела на меня снизу-вверх.

- Это очень больно?
- Ты себе даже не представляешь.

Шанта Ньюлин кивнула и пошла дальше, оставив меня позади.

- Я найду её адрес до конца дня.

Глава 7

По телевизору детектив всегда возвращается на место преступления. Или, если подумать, то, может быть, это преступник делает так. Неважно. Я был в тупике, поэтому решил, вернуться туда, откуда всё началось.

Усадьбы в Вермонте.

Лэнфорд был всего лишь в сорока-пяти минутах езды от границы Вермонта, и ещё два часа до того места, где мы с Натали впервые встретились. Северный Вермонт - сельская местность. Я вырос в Филадельфии, а Натали была из Нью-Джерси. Мы не знали такой сельской жизни. Да, стороннему наблюдателю может отметить, что в таком уединённом месте любовь будет процветать. Возможно, я даже соглашусь, или, возможно, я укажу на то, что в отсутствии других отвлекающих факторов, как, скажем, всех отвлекающих факторов, любовь может чрезмерной близости, задохнуться ПОД тяжестью что является доказательством того, что это было нечто больше, глубже, чем просто курортный роман.

Солнце начало садиться к тому времени, когда я подъехал к своей Натуральным хозяйством. старой усадьбе ПО 14-ой дороге. расположившемся на шести акрах, управлял Дарли Уонатик, писатель в уединении, который подвергнул критике работу усадьб. Для тех, кто не знает, натуральное хозяйство - это хозяйство, которое обеспечивает основные нужды его владельца и семьи без излишков для продажи. Короче говоря, вы выращиваете урожай, едите его, но не продаёте. Для тех, кто не знает, кто такой писатель в уединении, и почему это человек может критиковать ваши тексты, и это означает, что Дарли владел собственностью и вёл ежедневную колонку о покупках в бесплатной местной газете "Бакалейщик Крафтборо". В усадьбе бывало по шесть писателей одновременно. У каждого писателя была своя спальня в главном доме и хижина или "коттедж для работы", в котором они могли писать. Мы все встречались вечером за ужином. И всё. Здесь не было интернета, телевизоров, телефонов, да, был свет, но не было автомобилей и ни одного предмета роскоши. Лишь коровы, овцы и курицы бродили вокруг. Сначала это было успокаивающим и расслабляющим, и я наслаждался отсутствием связи с внешним миром и уединением где-то, эм, три дня, а потом мои мозги начали ржаветь. Кажется, идея заключалась в том, что, если заставить писателя смертельно скучать, он или она, чтобы спастись от

скуки, будет много писать в блокноте или на ноутбуке. Это работало какоето время, а затем я у меня появилось ощущение, как будто меня заперли в одиночной камере. Однажды я провёл остаток дня после обеда за наблюдением за колонией муравьёв, которые носили хлебные крошки по полу "коттеджа для работы". Я был настолько очарован этим развлечением, что разложил хлебные крошки по разным углам, чтобы создать некое подобие эстафеты для насекомых.

И даже ужин с моими коллегами по писательскому уединению был не очень то хорошим отвлечением. Они все были псевдоинтеллектуалами, которые писали новый великий американский роман, а тему моей диссертации подбросили вверх, и она приземлилась на кухонный стол с глухим стуком кучей ослиного навоза. Иногда все эти великие американские писатели, напустив драматизма, читали свои работы. Их работы были претенциозными, утомительными, заключающими в себе всё внутреннее дерьмо авторов, написанное в прозе, лучшем описанием им могло бы послужить: "Посмотрите на меня! Пожалуйста, посмотрите на меня!" Естественно, ничего такого я не произнёс вслух. Когда они читали, я сидел застывшем на лице самым своим глупым восхищённым выражением, и кивал через равные интервалы времени, делая вид, что увлечён, а фактически спасал себя от того, чтобы начать клевать носом. Один парень по имени Ларс писал поэму на шестистах страницах про последние дни Гитлера в бункере от лица собаки Евы Браун. Его первое чтение состояло из десятиминутного лая.

- Это создаёт настроение, - объяснил он. И он был прав, если хотел создать настроение ударить его по лицу.

Усадьба Натали была другой. Она называлась "Поселение творческого восстановления" и явно имела больше склонность к защите природы, конопле, хиппи и "Камбайя [2]". Они делали перерыв, чтобы поработать в саду, выращивая всё без химических удобрений (в данном случае я говорю не только о еде). Они собирались вечером у костра и пели песни о мире и гармонии, песни, которые бы заткнули за пояс Джоан Баэз [3]. Они, что интересно, опасались незнакомцев (возможно, потому что выращивали коечто), а границу владений благоговейно охранял персонал. Площадь территории была более чем сто акров, на которых располагался главный дом, настоящие коттеджи с каминами и личными столами, бассейн, оформленный под пруд, кафе с фантастическим кофе и большим выбором сандвичей, которые на вкус были словно ростки, покрытые древесной стружкой, а на границе с самим городом Крафтборо - белая часовня, в

которой, если пожелаете, можно пожениться.

Первое, что я заметил, над входом не было надписей. Исчезла ярко окрашенная вывеска "Творческое восстановление", которая была похожа на рекламу детского летнего лагеря. Толстая цепь преградила путь моему автомобилю. Я съехал с дороги, заглушил двигатель и выбрался из машины. Было несколько знаков "ВХОД ВОСПРЕЩЁН", но они всегда были здесь. С новой цепью и без вывески "Добро пожаловать в "Поселение творческого восстановления", знаки "ВХОД ВОСПРЕЩЁН" приобрели зловещий вид.

И что делать дальше?

Я знал, что главный дом в полукилометре отсюда. Так что я мог оставить машину здесь и пройтись. Посмотреть, что к чему. Но какой в этом смысл? Я не был здесь шесть лет. Вероятно, земля продана, а новые владельцы желали уединения. Это бы всё объяснило.

И всё же казалось, что что-то здесь не так.

"Что плохого, - думал я, - в том, чтобы я пошёл и постучал в дверь главного дома?" Но опять же, толстая цепь и запрещающие знаки не похожи на коврики "добро пожаловать". Я всё ещё пытался решить, что делать дальше, когда рядом со мной остановился автомобиль крафтсборской полиции. Из него вышли два полицейских. Один - маленький и коренастый с раздутыми в тренажёрном зале мышцами. Другой - высокий и худой с зачёсанными назад чёрными волосами и маленькими усиками парня из немого кино. У обоих были солнечные очки, поэтому я не мог видеть их глаза.

Маленький и коренастый подтянул штаны и сказал:

- Вам помочь?

И оба посмотрели на меня тяжёлыми взглядами. По крайней мере, я так думаю. Я же говорил, что я не видел их глаза.

- Я хотел посетить "Поселение творческого восстановления".
- Что? спросил коренастый. Зачем?
- Потому что мне нужно творческое восстановление.
- Вы пытаетесь шутить со мной?

В его голосе были чванливые нотки. Я не люблю высокомерие. Я вообще не понимаю высокомерия, за исключением того факта, что они были копами в маленьком городе, а я, вероятно, первый парень, с которым у них произошла стычка, из-за чего-нибудь, кроме пьющих малолеток.

- Нет.

Коренастый посмотрел на худого. Худой продолжал молчать.

- Должно быть, у вас неправильный адрес.
- Я точно уверен, что это то место.
- Здесь нет никакого "Поселение творческого восстановления". Оно закрылось.
  - Так, какой ответ верный? спросил я.
  - Извините?
- Это неправильный адрес или "Поселение творческого восстановления" закрылось?

Коренастому явно не понравился мой вопрос. Он резко сорвал солнечные очки и указал ими на меня.

- Ты что собираешься здесь умничать?
- Я просто пытаюсь найти усадьбу.
- Я ничего не знаю об усадьбе. Этой землёй владеет семья Дракменов, наверное, Джерри, пятьдесят лет?
  - Как минимум, произнёс худой.
  - Я был здесь шесть лет назад.
- Я ничего не знаю об этом, сказал коренастый. Единственное, что я знаю, что вы находитесь на частной собственности, и если вы не уберётесь отсюда, я привлеку вас к ответственности.

Я посмотрел на свои ноги. Я не был на подъездной дорожке или на частной собственности. Я стоял на дороге.

Коренастый подошёл ближе, тем самым залез в моё личное пространство. Признаюсь, я был испуган, но я кое-что понял за годы работы вышибалой в баре. Никогда не показывай своего страха. Как раз это можно услышать, отправляясь в царство зверей, и поверьте мне, нет более диких животных, чем люди, заваливающие в бар поздно ночью. Поэтому, даже несмотря на то, что мне не нравится происходящее, даже несмотря на то, что у меня нет рычагов воздействия и я пытаюсь найти путь выбраться отсюда, я не отшатнулся, когда коренастый приблизился ко мне. Ему это не понравилось. Я стоял на своём и смотрел на него сверху вниз. Ему это понастоящему не понравилось.

- Дай мне какой-нибудь документ, удостоверяющий личность, отчаянный.
  - Зачем? спросил я.

Коренастый посмотрел на Худого.

- Джерри, пойди, пробей номерной знак через систему.
- Джерри кивнул и направился к машине.
- Зачем? спросил я. Я не понимаю. Я всего лишь ищу усадьбу.
- У тебя два выбора, произнёс Коренастый.

- Первый, поднял он толстый палец. Ты покажешь мне документы без разговоров.
  - Второй, ага, ещё один пухлый палец, я арестую тебя.

Всё казалось неправильным. Я посмотрел на дерево позади себя и увидел скрытую камеру, направленную на нас. Это мне тоже не понравилось. Мне не нравилось вообще всё это, но я ничего не достигну, вступив в противодействие с копами. Так что мне нужно держать свой острый язык за зубами.

Я полез в карман за бумажником, но Коренастый поднял руку и сказал:

- Спокойно. Притормози.
- Что?
- Достань бумажник, но без резких движений.
- Вы что шутите?

Это было слишком для моего острого языка.

- Похоже, что я шучу? Доставай двумя пальцами. Большим и указательным. Медленно.

Бумажник был глубоко в переднем кармане. Достать его двумя пальцами было сложно.

- Я жду, сказал он.
- Одну минуту.

Наконец, мне удалось вытащить бумажник, и я передал его полицейскому. Он начал рыться в нём, словно мусорщик. Он остановился на моём удостоверении колледжа Лэнфорд, посмотрел на фотографию, потом на меня, и нахмурился.

- Это ты?
- Да.
- Джейкоб Фишер.
- Все зовут меня Джейк.

Он хмурился, глядя на мою фотографию.

- Знаю-знаю, сказал я. Очень сложно запечатлеть на фотографии мой грубый звериный магнетизм.
  - У тебя удостоверение колледжа.
  - Я, поскольку не услышал вопрос, ничего не ответил.
  - Ты выглядишь староватым для студента.
  - Я не студент. Я профессор. Видите, здесь сказано "персонал"?

Худой вернулся. Он покачал головой. Думаю, это означало, что проверка номера не дала никакого результата.

- И зачем столь важный профессор приехал в наш маленький город? Я вспомнил кое-что, что видел по телевизору.

- Мне нужно ещё раз залезть в карман. Хорошо?
- Зачем?
- Увидите.

Я вытащил свой смартфон.

- Зачем он тебе? - спросил Коренастый.

Я протянул телефон к нему и нажал кнопку записи.

- Эта запись отправляется прямиком на домашний компьютер.

Это была ложь. Я делал запись всего лишь на свой телефон, но какого чёрта.

- Всё, что вы скажете и сделаете, увидят мои коллеги.

Ещё больше лжи, но хорошей.

- Я бы очень хотел знать, зачем вам нужны мои документы, и почему вы задаёте так много вопросов.

Коренастый снова надел очки, словно пытаясь замаскировать ярость. Он сжал губы так сильно, что они затряслись. Он отдал мой бумажник и сказал:

- Мы получили сообщение о том, что вы нарушаете границу собственности. И, несмотря на то, что обнаружили вас на частной собственности и выслушали историю об усадьбе, которая не существует, мы решили отпустить вас с предупреждением. Пожалуйста, покиньте эти владения. Хорошего дня.

Коренастый и Худой направились к полицейской машине. Сели на переднее сидение и подождали, пока я не вернулся в свою. Здесь больше нечего было делать. Поэтому я сел в машину и поехал прочь.

Глава 8

Я уехал недалеко.

Я направился к деревне Крафтборо. Если бы появился больший и внезапный приток строительства и наличности, то она могла бы вырасти до маленького американского города. Она была похоже на нечто из старого кино. Я уже даже ожидал увидеть мужской квартет "барбершоп" [4]в соломенных шляпах. Здесь был универмаг (на вывеске так было и написано УНИВЕРМАГ), старая мельница с безлюдным центром для туристов, заправка, в которой располагалась парикмахерская на одно кресло и книжный магазин-кафе. Мы с Натали провели много времени в этом кафе. Оно было маленьким, там негде было обедать, но был столик в углу, где мы с Натали сидели, читали и пили кофе. Куки, пекарь, которая сбежала из большого города, управляла кафе вместе со своей партнёршей Дениз. Она всегда играла "Redemption's Son" Джозефа Артура или "О" Дэмиена Райс. Спустя какое-то время мы с Натали стали думать об этих, буэ, альбомах как о "наших". Интересно, Куки ещё там? Куки пекла булочки, которые Натали считала лучшими за всю историю человечества. Но опять же, Натали любила любые булочки. Я же, с другой стороны, с трудом отличаю булочки от сухого, твердокаменного хлеба.

Видите? У нас были различия.

Я припарковался и пошёл по дорожке, по которой ходил шестью годами ранее. Деревянная тропинка была длинной около ста метров. На поляне я заметил знакомую белую часовню на краю владений, с которых меня только что выдворили. Закончилась служба или собрание, и люди начали выходить. Я наблюдал за щурящимися прихожанами, уходящими в сторону заката. Часовня, насколько мне известно, была неконцессионной. Это кажется более практичным, чем унитарная церковь, такое место может собрать больше людей, чем любая организация глубокого религиозного поклонения.

Я стоял, улыбаясь, как будто я свой, кивнув, как мистер Дружелюбность, около дюжине людей, прошедших мимо меня. Я всматривался в лица, но не было никого, кого бы я узнал через шесть лет. На самом деле, не удивительно.

Высокая женщина с тяжелым пучком на голове ждала на лестнице часовни. Я подошёл к ней, продолжая улыбаться, как мистер Дружелюбность.

- Могу чем-нибудь помочь? - спросила она.

Хороший вопрос. Что я надеялся здесь найти? У меня не было никакого плана.

- Вы ищите преподобного Келли? спросила она. Потому что его сейчас нет.
  - Вы работаете здесь? спросил я.
- Вроде того. Я Люси Каттинг, регистратор. Это волонтёрская должность.

Я ничего не ответил.

- Чем я могу вам помочь?
- Я не знаю, как..., начал я. А потом добавил. Шесть лет назад я был здесь на свадьбе. Я был знаком с невестой, но не знал жениха.

Её глаза немного сузились, больше от любопытства, чем от осторожности. Я продолжил.

- Как бы то ни было, я недавно увидел некролог человека по имени Тодд. Так звали жениха. Тодд.
  - Тодд довольно распространённое имя, сказала она.
- Да, конечно, но там была ещё и фотография покойного. Я знаю, как это звучит, но, похоже, это тот же человек, за которого моя подруга вышла замуж. Проблема в том, что я не знаю фамилию Тодда, поэтому не могу понять он это или нет. Если это он, я бы хотел выразить свои соболезнования.

Люси Каттинг почесала щёку.

- А вы что не могли просто позвонить?
- Хотел бы, но не могу, я собирался быть честным. Это казалось правильным. По одной причине я не знаю, где Натали, так зовут невесту, сейчас живёт. Думаю, она поменяла свою фамилию на его. Поэтому я не могу найти их. И, если быть откровенным, то у меня было прошлое с этой женщиной.
  - Понятно.
  - Поэтому, если человек, чей некролог я видел, не её муж...
  - То ваш звонок может быть неуместным, закончила она.
  - Точно.

На мгновение она призадумалась.

- А если этот человек её муж?

Я пожал плечами. Она ещё раз почесала щёку. Я пытался выглядеть сдержанным, даже застенчивым, что не очень-то работает с парнями моего размера. Я даже почти сомкнул ресницы.

- Меня здесь не было шесть лет назад.

- A.
- Но мы можем посмотреть регистрационный журнал. Здесь всегда безупречно велись записи, каждая свадьба, крещение, причастие, обрезание и так далее.

Обрезание?

- Это было бы замечательно.

Она повела меня вниз по лестнице.

- Вы помните, какого числа была свадьба?

Конечно же, я помнил. Я назвал точную дату.

Мы пришли в маленький кабинет. Люси Каттинг открыла картотеку, пробежалась по ней и вытащила одну из регистрационных книг. Когда она открыла её, то я понял, что она была права. Записи были безупречны. Там была колонка с датой, вид события, участники, начало и конец. Всё было написано от руки каллиграфическим почерком.

- Давайте, посмотрим, что сможем найти здесь...

Она надела очки для чтения, облизнула указательный палец, как учительница, и перевернула несколько страниц. Наконец, она нашла ту, которую хотела. Тот же палец двинулся вниз по странице. И когда она нахмурилась, я подумал про себя:

"Ого..."

- Вы уверены насчёт даты? спросила она.
- Абсолютно.
- В этот день не было свадеб. Была только одна двумя днями ранее. Ларри Розен женился на Хайди Флейшер.
  - Это не та свадьба.
  - Могу чем-нибудь помочь?

Голос напугал нас.

Люси Каттинг сказала:

- Здравствуйте, преподобный. Не ожидала, что вы вернётесь так быстро.

Я обернулся, увидел мужчину и чуть ли не начал обнимать его от радости. Желанная цель. Это был тот же священник с выбритой головой, что вёл церемонию на свадьбе Натали. Он протянул руку и пожал мою, натренированная улыбка была наготове, но когда он увидел моё лицо, улыбка померкла.

- Здравствуйте, сказал он. Я преподобный Келли.
- Джейк Фишер. Мы уже встречались.

Он сделал скептическое лицо и повернулся к Люси Каттинг.

- Что происходит, Люси?

- Я искала запись для этого джентльмена, начала она объяснять. Он слушал терпеливо. Я изучал его лицо, но не был уверен в том, что увидел. Мне показалось, что он старается контролировать эмоции. Когда она закончила, он повернулся ко мне и поднял ладони к небу.
  - Если этого нет в записях...
  - Вы были там, сказал я.
  - Простите?
  - Вы вели церемонию. Там мы и встретились.
  - Я не помню такого. Так много событий. Вы должны понимать.
- После свадьбы, вы стояли перед часовней с сестрой невесты. Её зовут Джули Поттам. Когда я подошёл, вы сказали, что это был чудесный день для свадьбы.

Он изогнул бровь.

- И как же я мог забыть?

Сарказм обычно не шёл церковнослужителям, но он подходил преподобному Келли, словно сшитый по заказу. Я продолжил давить.

- Невесту звали Натали Эйвери. Она была художницей из усадьбы Творческого восстановления.
  - Усадьбы чего?
  - Творческого восстановления. Они владели этой землёй, так?
  - О чём вы говорите? Эта земля принадлежит городу.

Сейчас мне не хотелось спорить о том, кто прав, кто виноват. Я решил попробовать другой путь.

- Свадьба была организованна в последний момент. Может быть, поэтому её нет в записях.
  - Извините. Мистер...?
  - Фишер. Джейк Фишер.
- Мистер Фишер, во-первых, даже если это была свадьба, организованная в последнюю минуту, то всё равно была бы соответствующая запись. Во-вторых, мне интересно, что именно вы ищите.

Люси Каттинг ответила за меня:

- Фамилию жениха.

Он бросил на неё взгляд:

- Мы не информационное бюро, мисс Каттинг.

Она потупила взор, словно наказанная.

- Вы должны помнить эту свадьбу, сказал я.
- Извините, но я не помню.

Я подошёл ближе, глядя на него сверху вниз.

- Вы помните. Я знаю.

Я услышал отчаяние в своём голосе, и это мне не понравилось. Преподобный Келли попытался встретиться со мной глазами, но у него не получилось.

- Вы называете меня лжецом?
- Вы помните. Почему вы не хотите мне помочь?
- Я не помню. Но почему вы так рвётесь найти жену другого мужчины, или, если ваша история правда, то вдову?
  - Чтобы выразить свои соболезнования.

Мои слова повисли в воздухе, который словно превратился в густую массу. Никто не двигался. Никто не говорил. Наконец, преподобный Келли нарушил молчание.

- Чтобы не послужило причиной, по которой вы ищите эту женщину, мы не заинтересованы в том, чтобы быть частью этого, - он отступил в сторону и показал на дверь. - Думаю, будет лучше, если вы уйдёте отсюда немедленно.

* * *

И снова ошеломлённый предательством и горем, я побрёл по тропинке к центру деревушки. Я даже практически понимал поведение преподобного. Даже если он не помнит свадьбу, а я подозреваю, что помнит, он не хотел давать бывшему парню Натали, которого она бросила, никакой информации, кроме той, которая у него уже была. Это очень странное предположение, но оно, по крайней мере, имеет смысл. Но что я не мог объяснить, что я не мог никоим образом понять так это, почему Люси Каттинг не нашла в до безумия опрятных записях ничего про бракосочетание Натали и Тодда. И почему, чёрт возьми, никто не слышал об усадьбе Творческого восстановления?

Я никак не мог разобраться в этих хитросплетениях.

И что теперь? Я пришёл сюда в надежде... на что? Выяснить фамилию Тодда для начала. Это могло бы положить конец всему очень быстро. Если нет, возможно, кто-нибудь до сих пор поддерживает связь с Натали. Это могло бы положить конец всему очень быстро тоже.

«Обещай мне, Джейк. Обещай, что ты оставишь нас в покое».

Это были последние слова любви всей моей жизни. Последние. И вот я здесь, шесть лет спустя, вернулся туда, где всё началось, чтобы разрушить свой мир. Я ожидал найти в этом иронию, но ничего подобного не нашлось.

Когда я добрался до центра деревушки, то ощутил нежный аромат свежих кондитерских изделий, который заставил меня остановиться.

Крафтборский книжный магазин-кафе. Любимые булочки Натали. Я вспомнил о них и решил, что стоит попытаться.

Когда я открыл дверь, зазвенел маленький колокольчик, но звук быстро затих. Элтон Джон пел о ребёнке по имени Левон, и что он вырастит хорошим человеком. Я ощутил нетерпение и дрожь. Оба столика были заняты, включая и наш любимый. Я просто стоял там и смотрел на него, как большой увалень, и в какое-то мгновение, клянусь, я услышал смех Натали. Мужчина в бордовой бейсболке вошёл за мной. Я по-прежнему стоял в проходе.

- Эм, извините, - сказал он.

Я отодвинулся в сторону, чтобы он смог пройти. Мои глаза нашли кафе-бар. Женщина с дико вьющимися волосами, одетая, ага, в фиолетовую рубашку, окрашенную методом узелковый батик, стояла спиной ко мне. Никаких сомнений. Это Куки. Сердце начало биться учащённо. Она повернулась, увидела меня и улыбнулась.

- Могу ли я что-нибудь предложить вам?
- Привет, Куки.
- Привет.

Молчание.

- Ты помнишь меня? - спросил я.

Она вытирала полотенцем с рук глазурь.

- У меня плохая память на лица, но ещё хуже на имена. Так что я могу вам предложить?
- Я бывал здесь раньше. Шесть лет назад. Мою девушку звали Натали Эйвери. Мы обычно сидели за столиком в углу.

Она кивнула, но не так, как будто вспомнила. Она кивнула, как будто хотела успокоить сумасшедшего.

- Много покупателей. Кофе? Пончики?
- Натали любила ваши булочки.
- Булочки, значит, булочки. С черникой?
- Меня зовут Джейк Фишер. Я писал диссертацию по верховенству права. Вы спрашивали меня о ней. Натали была художницей из усадьбы. Она сидела с альбомом вон в том углу, я показал на столик, как будто это имело значение. Шесть лет назад. Всё лето. Чёрт возьми, это ты обратила моё внимание на неё.
- Угу, произнесла она, перебирая пальцами бусы, как будто чётки. Видишь, это и есть положительная сторона имени Куки. Сложно забыть человека, которого зовут Куки. Такое имя застревает в голове. Но отрицательная сторона в том, что поскольку все помнят твоё имя, они

думают, что ты тоже должна помнить их. Ты понимаешь, о чём я?

- Понимаю, - сказал я и добавил. - Ты что, правда, не помнишь меня?

Она не потрудилась ответить. Я обвёл взглядом кафе. Люди за столиками начали пялиться на нас. Парень в бордовой бейсболке стоял рядом с журналами, притворяясь, что не слышит ничего. Я снова повернулся к Куки.

- Маленький кофе, пожалуйста.
- Без булочек?
- Без, спасибо.

Она взяла чашку и начала наливать в неё кофе.

- Ты всё ещё с Дениз? - спросил я.

Её тело напряглось.

- Она работала в усадьбе на верху холма. Оттуда я и знаю её.

Я увидел, как Куки сглотнула.

- Мы никогда не работали в усадьбе.
- Конечно же, ты работала. Творческое восстановление, прямо в конце дорожки. Дениз приносила кофе и твои булочки.

Она закончила наливать кофе и поставила его передо мной на прилавок.

- Послушайте, мистер. Мне нужно работать.

Я наклонился ближе к ней.

- Натали любила твои булочки.
- Ты уже говорил это.
- Вы всё время говорили о них.
- Я разговариваю со многими людьми о моих булочках, понятно? Извини, но я не помню тебя. Наверное, мне бы стоило быть вежливой и притвориться, что помню тебя и сказать: "О, конечно, ты и твоя девушка, которая любит булочки, как вы, ребята, поживаете?" Но я не буду так делать. Вот, твой кофе. Что-нибудь ещё?

Я вытащил визитку с моими номерами телефонов.

- Если что-нибудь вспомнишь...
- Что-нибудь ещё? спросила она теперь резким тоном.
- Нет.
- Тогда с тебя доллар пятьдесят. Хорошего дня.

Глава 9

Сейчас я понял, что значит ощущение, будто за тобой следят.

Как я узнал? Интуиция, возможно. Мой спинной мозг почувствовал слежку. Я ощущал её в основном на физическом уровне. Ну, и плюс, одна и та же машина, серый фургон Шевроле с вермонтскими номерами, ехала за мной с тех пор, как я покинул Крафтборо.

Я не могу ручаться, но мне показалось, что на водителе была бордовая бейсболка.

Я не знал, что делать. Я попытался рассмотреть номера, но уже было слишком темно. Если я замедлялся, то он тоже. Если я ехал быстрее, то и он. Мне в голову пришла идея. Я остановился в зоне отдыха, чтобы посмотреть, что сделает мой хвост. Я увидел, что фургон замедлился, а потом поехал дальше. С этого момента, я больше не видел его.

Так что, возможно, за мой и не следили.

Я был в десяти минутах езды от Лэнфорда, когда раздался звонок. Мой телефон был связан с Блютуз автомобиля, чтобы выяснить, как это работает, у меня ушло много времени, так что я увидел на экране радио, что это была Шанта Ньюлин. Она обещала до конца дня дать мне адрес Натали. Я ответил на звонок, нажав кнопку на руле.

- Это Шанта, сказала она.
- Ага, я знаю. У меня есть эта штуковина, которая определяет номер телефона.
- А я думала, что годы, проведённые в ФБР, сделали меня особенной, сказала она. Где ты?
  - Возвращаюсь в Лэнфорд.
  - Откуда?
  - Это длинная история. Ты нашла её адрес?
- Поэтому я и звоню, сказала Шанта. И я услышал что-то на заднем плане, похожее, мужской голос. У меня пока его нет.
- Да? сказал я, потому что, что ещё я мог сказать на это. Возникла какая-то проблема?
  - Мне нужно время до утра, хорошо?
- Конечно, ответил я, а потом повторил. Возникла какая-то проблема?

Далее последовала пауза, которая длилась чуть дольше положенного.

- Просто дай мне время до утра.

Она повесила трубку.

Какого чёрта?

Мне не понравился тон. Мне не понравился факт, что женщине, у которой огромные связи в ФБР, нужно время до утра, чтобы найти адрес обычной девушки. Мой смартфон зазвенел, сигнализируя, что получено новое сообщение на е-майл. Я не обратил на него внимание. Я не святоша, но я никогда не писал смс и писем за рулём. Два года назад студент Лэнфорда серьёзно пострадал из-за того, что писал смс за рулём. Восемнадцатилетняя девушка на пассажирском кресле и новичок на моём курсе Правопорядка погибли в аварии. Да и до этого, ещё до появления обилия информации об откровенной глупости, если не преступной халатности, переписки за рулём, я не был её поклонником. Мне нравится водить. Мне нравится одиночество и музыка. Несмотря на мои ранние опасения на счёт технологического уединения, мы должны чаще отключаться. Я понимаю, что говорю, как сварливый старикашка, но одним столом раз я вижу, как сидящие зa переписываются с невидимыми людьми, что-то ищут, словно они постоянно в поиске чего-то получше, словно идёт вечная охота за более зелёной цифровой травкой, попытка учуять запах роз, которые где-то далеко за счёт тех, кто перед вами, но бывает крайне редко, чтобы я чувствовал себя больше в мире с собой, в большей гармонии, больше Дзен, если хотите, чем, когда я заставляю себя отключиться.

Я включил радио, настроил его на первую волну музыки восьмидесятых. В песне спрашивали, где нежность? Мне тоже интересно. Где нежность? Но ещё интереснее, где Натали?

Я начинал сходить с ума.

Я припарковался перед домом, я не называл его моим домом или моей квартирой, потому что он казался студенческим жилищем на кампусе, и был таковым. Опустилась ночь, но поскольку мы были студенческим городком, здесь была куча искусственной иллюминации. Я проверил почту и увидел, что новое сообщение от миссис Динсмор. Тема сообщения была: Личное дело студента, который вы запрашивали.

"Хорошая работа, секси," - подумал я и кликнул на сообщение. Оно открылось полностью:

Насколько тщательно должен быть проработан файл "Личное дело студента, который вы запрашивали"?

Ясно, что ответ, нисколько.

Экран телефона был слишком маленьким, чтобы посмотреть прикреплённый файл, поэтому я поспешил войти и посмотреть его на

ноутбуке. Я вставил ключи в замок, открыл входную дверь и включил свет. По какой-то причине, не знаю по какой, я ожидал увидеть, что квартира лежит в руинах, перевёрнутая вверх дном. Я смотрел слишком много фильмов. Но моя квартира осталась всё такой же невзрачной.

Я подскочил к компьютеру и набросился на е-майл. Я открыл письмо от миссис Динсмор и загрузил прикреплённый файл. Как я уже упоминал, я видел своё студенческое личное дело пять лет назад. Я был немного возмущён, когда читал комментарии преподавателей, которыми они не поделились со мной. Думаю, в какой-то момент колледж решил, что старых записей накопилось слишком много, поэтому их отсканировали и превратили в цифровые файлы.

Я начал с первого курса Тодда. Здесь не было ничего особенно выдающегося, кроме того, что, эм, Тодд был выдающимся. А+ по всем Профессор Чарльз Пауэлл предметам. заметил, что Тодд был "исключительным студентом". Профессор Рут Кугельмас говорила восторженно: "особенный ребёнок". Даже профессор Малкольм Юм, человек не щедрый на похвалу, написал: ''Тодд Сандерсон сверхъестественно одарён." Мне показалось это странным. Я был хорошим студентом, и единственную запись, которую я нашёл, оказалась негативной. Все записи, которые я делал, были тоже негативными. Если всё в порядке, преподаватель не трогает личное дело, полагая, что вполне достаточно отметки. Негласное правило заполнения студенческих личных дел гласит: "Если тебе нечего сказать плохого, то не говори ничего".

Но не в случае старого доброго Тодда.

Первый семестр второго курса прошёл по той же схеме, невероятные оценки, но потом всё резко изменилось. На следующем семестре стояли большие буквы "AO".

Академический отпуск.

Хм. Я посмотрел причины, там было сказало лишь: "По личным причинам". Это было странно. Мы крайне редко, если вообще когда-либо, оставляем запись в студенческом деле "По личным причинам". Потому что личное дело закрыто и конфиденциально. Ну, или должно таким быть. Мы пишем здесь открыто.

Так, зачем такая осторожность в деле с АО Тодда?

Обычно пометка "по личные причинам" включает в себя финансовые трудности или болезнь студента или близкого члена семьи, как физическую, так и психологическую. Но эти причины всегда указываются в личном деле студента.

Здесь ничего не было указано.

Интересно.

Или нет. С одной стороны, записи в личных делах могли быть осторожнее двадцать лет назад. Но с другой... И какое отношение может иметь то, что Тодд на втором курсе взял отпуск, к тому, что он женился на Натали, а затем умер и оставил после себя другую жену?

Когда Тодд вернулся в колледж, комментарий стало ещё больше, но не тех, которые бы хотел студент. Один преподаватель описал его, как "отвлечённого". Другой говорил, что Тодд был "явно озлобленным" и "не тем, каким был раньше". Другие предлагали, чтобы Тодд взял ещё раз академический отпуск, чтобы разобраться с "ситуацией". Никто не упоминал, что это за ситуация.

щёлкнул на следующую страницу. Из-за Тодда собрали дисциплинарный совет. В некоторых школах студенты имеют дело с дисциплинарными проблемами, но у нас этим занимаются по три преподавателя по очереди. Я делал это в течение двух месяцев в прошлом году. Большая часть дел, так или иначе, была связана с двумя студенческими эпидемиями: пьянством несовершеннолетних и обманом. Остальные были мелкими кражами, угрозами насилием, разнообразными сексуальными нападениями и проявлениями агрессии, но они были слишком мелкими для заведения дела правоохранительными органами.

В данном случае дисциплинарному совету предшествовала перебранка между Тоддом и ещё одним студентом по имени Райан МакКарти. МакКарти госпитализировали с ушибами и сломанным носом. Колледж настаивал на длительном временном отстранении или даже исключении, но три преподавателя, которые тогда замещали дисциплинарный совет, полностью оправдали Тодда. Меня это удивило. Не было никаких подробностей и ни минуты самого слушания или дальнейшего обсуждения. Это меня тоже удивило.

Рукописное описание было отсканировано и сохранено в файле:

У Тодда Сандерсона, главы общины колледж Лэнфорд, был сложный период в жизни, но мы думаем, что он на пути исправления. Недавно он работал с членами преподавательского состава над благотворительной акцией, чтобы загладить вину за свои действия. Он осознаёт последствия того, что он сделал, и в связи с необычностью смягчающих обстоятельств в данном случае, мы решили не подвергать Тодда Сандерсона исключению.

Мои глаза скользнули в конец страницы, чтобы посмотреть, кто подписал заключение. И скорчил гримасу. Профессор Эбан Трейнор. Мне бы следовало понять. Я знаю Трейнора достаточно хорошо, и вряд ли нас

можно назвать друзьями.

Если я хочу узнать больше о "сложном периоде" или об этом заключении, мне придётся поговорить с Эбаном. Я не хотел этого.

Было уже поздно, но я не волновался разбудить Бенедикта. Он пользуется только мобильным телефоном и выключает его, когда ложится спать. Он ответил на третий звонок.

- Что?
- Эбан Трейнор.
- Что с ним?
- Он по-прежнему на дух не переносит меня?
- Предположу, что да. Почему ты спрашиваешь?
- Мне нужно поговорить с ним о приятеле Тодде Сандерсоне. Как думаешь, ты сможешь сгладить этот разговор?
  - Сгладить? А ты думаешь, почему меня называют Песочный человек?
  - Потому что ты усыпляешь студентов на лекциях?
- Да уж, ты умеешь умаслить человека, которого просишь об одолжении. Я позвоню тебе утром.

Мы закончили разговор. Я откинулся на спинку, не зная, что делать дальше. И тут зазвенел компьютер, сообщая, что пришло новое сообщение. Я не собирался смотреть его. Как и большинство людей, я получал очень много спама в течение всего дня. Несомненно, это одно из таких писем.

Я посмотрел на адрес отправителя: RSbyJA@ymail.com

Я, не отрываясь, смотрел на него, пока глаза не начали слезиться. В ушах шумело. Всё вокруг было тихо и недвижимо. А я всё продолжал смотреть, но письмо не менялось.

RSbyJA

Я сразу же понял, что значит это письмо: "Redemption's Son" . Альбом, который мы с Натали слушали в кафе.

Темы не было. Рука нащупала мышку, и я попытался навести курсор на письмо, чтобы открыть, но прежде, мне пришлось унять дрожь. Я сделал глубокий вдох и усилием воли заставил руки перестать дрожать. Комната по-прежнему была успокаивающе тихой. Я навёл курсор на письмо и щёлкнул по нему. Текст письма заставил моё сердце остановиться.

На экране было два слова. Всего лишь два слова, но эти два слова пронзили мою грудь, как острая коса. Я почти не мог дышать. Я обмяк на стуле, потерянный, в то время как эти два слова продолжали таращиться на меня с экрана:

Ты обещал.

Глава 10

Письмо не было подписано. Не важно.

Я быстро нажал кнопку ответа и напечатал:

"Натали? С тобой всё в порядке? Пожалуйста, ответь мне".

Я отправил сообщение.

Я бы хотел рассказать вам, как время замедлилось до скорости улитки, пока я ждал ответ на письмо, но на самом деле ничего такого не было. Думаю, мне не пришлось вообще ждать. Тремя секундами позже я услышал звонок. Моё сердце забилось сильнее, пока я не увидел имя отправителя:

ПОЧТОВЫЙ ДОМЕН

Я открыл его, но уже знал, что там будет:

"Этот почтовый адрес не существует..."

Я чуть не смахнул со стола компьютер от расстройства, как будто это был автомат со сладостями, который не дам мне Милки-вей. Я громко крикнул: "Не может быть!" Я не знал, что делать. Я просто сидел на стуле и чувствовал, что начинаю тонуть. Было ощущение, словно я погружаюсь под воду и не могу даже уцепиться за что-нибудь, чтобы выбраться на поверхность.

Я снова вернулся к гуглу. Я пробовал искать этот адрес различными способами, но это была бесполезная трата времени. Я снова прочитал её письмо:

Ты обещал.

Обещал, так ведь? И если остановиться и подумать, то почему я должен нарушить обещание? Человек умер. Может быть, это был её муж. Может быть, нет. И всё же, было ли это достаточной причиной, чтобы нарушить обещание? Может быть. Может быть, сначала. Но теперь она чётко дала понять это. Это было целью её письма. Она напомнила мне об обещании, потому что знает, что я не даю их праздно.

Вот первопричина, почему она взяла с меня обещание оставить их в покое.

И теперь я думал об этом. О похоронах, о посещение Вермонта, о студенческом личном деле. К чему всё это? Не знаю. Если сначала я оправдывался тем, что могу забрать своё слово, то теперь у меня есть доказательство, что это больше не оправдание. Сообщение Натали не могло бы быть яснее.

Ты обещал.

Я дотронулся указательным пальцем до слов на экране. Моё сердце снова разбилось вдребезги. Жаль, крутой парень. Но, несмотря на разбитое сердце, я оставлю это дело в покое. Я отступлю. Я сдержу своё обещание.

Я лёг в постель и моментально заснул. Знаю. Меня это тоже удивило, но, думаю, все потрясения с тех пор, как я прочитал некролог, водоворот воспоминаний и эмоций, горечь и смятение измотали меня, как боксера, чьё тело безропотно принимало удары в течение двенадцати раундов. В конечно итоге, меня просто свалило с ног.

В отличие от Бенедикта, я часто забывал выключить телефон. Его звонок в восемь утра разбудил меня.

- Эбан неохотно согласился встретиться с тобой.
- Ты говорил ему, почему я хочу с ним поговорить?
- Ты не сказал даже мне об этом.
- Ааа, точно.
- У тебя занятие в девять. После он будет ждать тебя у себя дома. Я почувствовал острую боль глубоко в груди.
- У себя дома?
- Ага, не думаю, что тебе это понравится. Но он настаивал.
- Поступок мудака.
- Он не так уж плох.
- Он похотливый гад.
- И это плохо, потому что?
- Ты не знаешь, какой он.
- Это ты не знаешь, какой он. Давай. Будь милым. Получи то, что тебе нужно.

Бенедикт повесил трубку. Я проверил почту и сообщения. Ничего. Этот странный эпизод моей жизни теперь казался сюрреалистичным, почти сном. Я погрузился в работу, чтобы забыть о нём. У меня на самом деле было занятие в девять часов по Закону и Конституции. Оно и было моей приоритетной задачей. Да, я решил оставить всё позади, я даже пел в душе. Оделся и пошёл по кампусу с широкой улыбкой и высоко поднятой головой. Я даже слегка подпрыгивал на ходу. Солнце окутало кампус тёплым, райским светом. Я продолжал улыбаться. Улыбаться кирпичным зданиям, увитым плющом, деревьям, сочной траве, статуям выдающихся студентов, виду, открывающемуся на спортивные поля у подножия холма. Когда студенты здоровались со мной, я приветствовал их с таким энтузиазмом, что один даже испугался, не ударился ли я неожиданно в какую-нибудь религию.

Когда началось занятие, я встал перед студентами и крикнул:

- Доброго утра всем!

Как будто заново рождённый лидер болельщиков перепил Рэд Булла.

Студенты с любопытством посмотрели на меня. Я уже начал бояться за себя, поэтому я постарался уменьшить эффект.

Ты обещал.

А что насчёт тебя, Натали? Разве не было, по крайней мере, подсознательного обещания мне в твоих словах и действиях? Как ты можешь просто завладеть чьим-то сердцем и раздавить его? Да, я большой мальчик. Я понимал риски, когда влюблялся. Но мы говорили о многом. Мы чувствовали многое. И это не было ложью. И всё же. Ты бросила меня. Ты пригласила меня на свадьбу. Почему? Зачем такая жестокость? Или ты пыталась донести до меня, что это подходящее время, чтобы двигаться дальше?

И я двинулся дальше. Ты добралась до моего сердца, выдрала его, разорвала и ушла, но я подобрал его кусочки и двинулся дальше.

Я покачал головой. Подобрал его кусочки? Фу, это ужасно. С любовью всегда так. Она заставляет тебя говорить, как в плохой песне кантри.

Натали написала мне письмо. Или я просто думаю, что это была Натали. Но кто ещё бы мог? Но с другой стороны, даже если она сказала мне держаться подальше, это была связь. Она обращалась ко мне. Обращалась? Конечно. Но она же воспользовалась этим адресом почты: RSbyJA. Она помнила. Это для неё что-то значило, что-то, что до сих пор находит отклик в её сердце, и она дала мне, не знаю, надежду. Надежда жестока. Надежда напоминает о том, что было. Надежда заставляет вернуться физическую боль.

Я вызвал Эйлин Синагра, одну из лучших студенток. Она начала пояснять тонкости документов штата Мэдисон и федеральных документов. Я кивал, подбадривая её продолжать, и тогда я увидел кое-что уголком глаза. Я пододвинулся ближе к окну, чтобы лучше рассмотреть, и замер.

- Профессор Фишер?

На парковке стоял серый фургон Шевроле. Я посмотрел на номера. Я не мог их разглядеть отсюда, но я видел цвет и форму.

Номера Вермонта.

Я не раздумывал долго. Я даже не учёл, что, возможно, это ничего не значит, что серые фургоны Шевроле не редкость, что в восточном Массачусетсе куча машин с вермонтскими номерами. Всё это ничего не меняло.

На полпути к двери я крикнул:

- Я скоро вернусь, оставайтесь на местах.

Я рванул по коридору. Пол только что помыли. Я едва не поскользнулся возле знака "МОКРЫЙ пол" и рывком открыл дверь. Парковка располагалась за отгороженной лужайкой. Так что я просто перепрыгнул через куст и на полной скорости понёсся по траве. Мои студенты, наверное, подумали, что я отправился по нужде. Меня это не волновало.

- Давайте, профессор Фишер! Я подам вам!

Студент, ошибочно решивший, что мой бег связан с желанием поучаствовать в игре, кинул мне тарелку для фрисби. Она упала, а я продолжил бежать.

- Приятель, тебе нужно поработать над приёмом.

Я не обратил внимания на голос. Я был уже близко к Шевроле, когда увидел, что зажглись фары.

Водитель тронулся с места.

Я побежал ещё быстрее. Яркий солнечный свет отсвечивал от лобового стекла, поэтому я не мог увидеть водителя. Я опустил голову и продолжил работать ногами, но машина уже выезжала с парковки. Я был слишком далеко. У меня бы ничего не получилось.

Фургон уезжал.

Я напрягся и попытался рассмотреть водителя. Не получилось. Слишком яркий свет, но, мне показалось, что я увидел...

Бордовую бейсболку?

Я никаким образом не мог в этом убедиться. Однако я запомнил номер, как будто бы это могло помочь, как будто от этого был какой-то толк. Шевроле умчалось, а я просто стоял и тяжело дышал.

Глава 11

Профессор Эбан Трайнор сидел на веранде великолепного особняка второго ампира викторианской эпохи. Я хорошо знал этот дом. Полвека он принадлежал профессору Малкольму Юму, моему наставнику. Много хорошего было в этом доме. Политологическая дегустация вина, вечеринки персонала, ночной коньяк, философские споры, литературные дискуссии. Всё это было моей академией. Но, увы, у Бога интересное чувство юмора. Жена профессора Юма, с которой они состояли в браке сорок девять лет, умерла, и его здоровье пошатнулось. В конечном итоге, он уже не мог сам следить за этим великолепным старым домом. Теперь он живёт в закрытом коттеджном посёлке в Веро Бич, штате Флорида. А профессор Эбан Трейнор, который был для меня ближе всех на кампусе к званию враг, купил этот ненаглядный дом, сделав себя новым владельцем поместья.

Я почувствовал, как зажужжал в кармане телефон. Это была Шанта: "У Джудит в час"

Анонимный автор, но я понял, что она имеет в виду. Мы должны встретиться в ресторане "У Джудит" на Мейн-Авеню в час. Хорошо. Я убрал телефон и начал подниматься по ступенькам.

Эбан встал и улыбнулся мне снисходительной улыбкой.

- Джейкоб. Так приятно тебя видеть.

Его рукопожатие было липким. Его ногти были наманикюрены. Женщинам бы он показался красивым стареющим плейбоем, с длинными непослушными волосами и большими зелёными глазами. Его кожа была восковой, как будто его лицо ещё не отошло от лечения. Я подозреваю ботокс. Его брюки были слишком обтягивающими, а рубашку можно было застегнуть хотя бы ещё на одну пуговицу. Его одеколон пах так, как будто множество европейских бизнесменов застряли с утра в одном лифте.

- Не возражаешь, если мы посидим на крыльце? - спросил он. - На улице так хорошо.

Я с готовностью согласился. Я не хотел заходить вовнутрь и смотреть, что он сделал с этим местом. Я знал, что работа была масштабной. Уверен, исчезло тёмное дерево, запах коньяка и сигар, на смену пришли светлое дерево и диваны цвета "яичной скорлупы" и "взбитого масла", и сборища, где подают только белое вино и спрайт, потому что они не окрашивают обивку.

Словно по сигналу, он предложил мне белое вино. Я вежливо

отказался. Он уже держал в руке бокал. А ведь был ещё даже не полдень. Мы сели в плетёные кресла с большими подушками.

- Так чем могу быть полезен, Джейкоб? - спросил он.

Я ходил к нему на занятия по драматургии середины двадцатого столетия на втором курсе. Он не был плохим преподавателем. Он был одновременно и впечатляющим и неестественным, такого рода преподавателем, который ничего в жизни не любил больше, чем звук своего голоса, и хотя он редко бывал скучным, губительный фактор в любой группе студентов, все лекции были слегка зацикленными на преподавателе. Он мог целую неделю читать в полный голос "Служанки" Жене, примеряя на себя каждую роль, упиваясь собственным исполнением, не говоря уже о садомазохистских сценах. Исполнение было хорошим, спору нет, но, увы, в этом он был весь.

- Я хотел спросить тебя об одном студенте.

Эбан поднял брови, как будто мои слова были одновременно и интригующими и удивительными.

- Да?
- О Тодде Сандерсоне.
- Да?

Я заметил, что он напрягся. Но не хотел, чтобы я это увидел. Но я увидел. Он отвернулся и погладил подбородок.

- Ты помнишь его, - сказал я.

Эбан Трейнор потёр ещё раз подбородок.

- Имя кажется знакомым, но...

Эбан ещё раз потёр подбородок, а потом пожал плечами.

- Извини. Столько лет, столько студентов.

И почему я ему не верил?

- Он не был в твоём классе.
- Да?

Опять это "Да?"

- Он был на дисциплинарном совете, который ты возглавлял. Это было около двадцати лет назад.
  - Ты думаешь, что я помню?
- Ты помог ему остаться на кампусе после драки. Давай-ка, я тебе покажу.

Я вытащил ноутбук, открыл скан рукописного заключения и протянул ноутбук Эбану. Он замялся, как будто в нём могла быть взрывчатка, потом взял очки для чтения и принялся изучать документ.

- Погоди, откуда у тебя это?

- Это важно, Эбан?
- Это из личного дела студента.

Улыбочка промелькнула на его губах.

- Разве чтение этого дела не нарушает правила, Джейкоб? Ты же не хочешь сказать, что пресёк границы дозволенного?

Вот как. Шесть лет назад, всего лишь за пару недель до того, как я отправился в Вермонт, профессор Эбан Трейнор устраивал вечеринку по случаю выпуска в тогдашнем своём доме. Трайнор частенько закатывал вечеринки у себя дома. На самом деле, он был любителем, как собирать их, так и посещать. Когда я был второкурсником, в колледже Джонс произошёл довольно примечательный инцидент, колледж находятся по соседству с женским институтом, в котором в три часа ночи включилась пожарная сигнализация, из-за чего все студентки выбежали на улицу, и среди них оказался наполовину одетый профессор Трейнор. Правда, что студентка, с которой он был в ту ночь, была совершеннолетней, и не являлась его студенткой. Но это так типично для Трайнора. Он похотливый любить выпить, и мне он не нравился.

На вечеринке по поводу выпуска шесть лет назад были в основном студенты, многие из которых были с младших курсов, следовательно, несовершеннолетними. Был алкоголь. Много алкоголя. Вызвали полицию кампуса. Два студента были доставлены в больницу в связи с алкогольным отравлением. В последнее время такое случается всё чаще и чаще. Или, может быть, я говорю себе так, потому что мне нравится думать, что в "моё время" всё было не так плохо.

Профессор Трейнор был осуждён администрацией за свои действия. Были даже призывы к увольнению по собственному желанию. Он отказался. Он заявил, что, да, он предлагал алкоголь своим посетителям, но только старшекурсники, которым исполнилось двадцать один, были приглашены. Если студенты младших курсов пробрались на вечеринку, он не может нести за это ответственность. Так же он высказывал предположение, что много алкоголя было употреблено ещё до его приёма в соседнем братстве на пивной вечеринке.

Преподаватели управлялись сами. Мы редко делали больше, чем хлопали друг друга по рукам. С преподавателями поступали так же, как со студентами на дисциплинарном совете. Как назло, я был в комитете, когда произошло это событие. Трейнора не могли уволить, потому что у него была должность без ограничения срока полномочий [5], но я был твёрдо убеждён, что к нему должны быть применены какие-нибудь дисциплинарные меры. Мы проголосовали, чтобы снять Трейнора с

позиции председателя отделения английского языка. Я голосовал за наказание. В его прошлом было слишком много подобных эпизодов. Интересно, что мой любимый наставник, Малкольм Юм, не согласился со мной.

- Ты что правда собираешься винить Эбана за то, что студенты пьют слишком много? спросил он.
- Есть причины, почему у нас есть правила относительно братания со студентами, когда в дело вступает алкоголь.
  - А смягчающие обстоятельства ничего не значат для тебя?

Могли бы иметь, если бы я не видел, насколько очевидно поведение Эбана. Это не был суд или вопрос о правах, это была важная работа и привилегия. На мой взгляд, его действия оправдывают увольнение, ведь мы же исключали студентов и за меньшее, и с меньшим количеством доказательств. Но раз по-другому не получается, он, по крайней мере, заслужил понижение. Несмотря на увещевания моего наставника, я проголосовал за то, чтобы лишить его руководства, но я был в меньшинстве.

Эти слушания давно закончились, но неприязнь осталась. И я использовал именно эти слова "нарушить правила", "пресекать границы дозволенного" во время якобы закрытых дебатов. Очень мило, когда мне бросают в лицо моими же собственными словами, но, возможно, это было даже справедливо.

- Этот конкретный студент мёртв, сказал я.
- Так что теперь его личное дело лёгкая добыча?
- Я здесь не для того, чтобы спорить о правовых мелочах.
- Нет, конечно же, нет, Джейкоб, ты же скорее склоняешь к комплексному представлению?

Это была пустая трата времени.

- Я не понимаю твоего молчания по поводу этого студента.
- Это меня удивляет, Джейкоб. Обычно ты такой приверженец правил. Информацию, о которой ты спрашиваешь, конфиденциальна. Я защищаю частную жизнь мистера Сандерсона.
  - Но он мёртв.

Мне не хотелось сидеть здесь, на этой веранде, где мы с моим любимым наставником провели столько замечательных часов. Я поднялся и потянулся за своим ноутбуком. Он не отдал его. Он снова начал тереть подбородок.

- Сядь, - сказал он.

Я сел.

- Ты расскажешь мне, почему это дело имеет для тебя такое значение?
- Это сложно объяснить.
- Но ведь очевидно, что это важно для тебя.
- Да.
- Как умер Тодд Сандерсон?
- Он был убит.

Эбан закрыл глаза, как будто его откровение могло сделать всё намного хуже.

- Кем?
- Полиция ещё не знает.
- Иронично.
- Почему?
- То, что он умер насильственной смертью. Я помню это дело. Тодд Сандерсон ранил сокурсника в перебранке. Вообще, эта формулировка не совсем отражает действительность. По правде говоря, Тодд Сандерсон чуть не убил сокурсника.

Эбан Трейнор снова отвёл взгляд и сделал большой глоток вина. Я хотел, чтобы он рассказал больше. Спустя какое-то время он всё-таки продолжил.

- Это произошло в четверг на пивной вечеринке Чи Пси.

Чи Пси спонсировало пивные вечеринки каждый четверг, столько, сколько я себя помню. Власти пытались прекратить эту традицию двенадцать лет назад, но богатый выпускник просто купил дом за пределами кампуса специально для этих целей. Он мог бы пожертвовать деньги и на более достойное дело. Вместо этого, он купил дом для вечеринок для своих более молодых братьев по студенческой общине, чтобы они могли пуститься в пьянство. Попробуй, пойми.

- Естественно, оба участника были пьяны, - сказал Эбан. - Сначала были оскорбления, но потом, мало кто сомневался, что именно Тодд Сандерсон превратил словесную перепалку в телесную. В конечном итоге, второй студент, извини, не помню его имя, может быть Маккарти или Маккэфри, или что-то в этом роде, был госпитализирован. У него было сломан нос и раздроблена скула. Но это было не самое худшее.

Он снова сделал паузу. Я намекнул, что жду продолжения:

- А что было худшим?
- Тодд Сандерсон чуть не задушил того студента. Понадобилось пять человек, чтобы оттащить его. Тот студент был без сознания. Его пришлось реанимировать.
  - Вау, сказал я.

Эбан Трейнор на мгновение закрыл глаза.

- Я не понимаю, какое это теперь имеет значение. Мы должны дать ему покоиться с миром.
  - Я спрашивал не из-за праздного интереса.

На его губах появилась слабая улыбочка.

- О, что ты, Джейкоб. Ты, как никто другой, праведный человек. Я уверен, что твой интерес в этом деле не иной, как разумный и благонамеренный.

Я пропустил это замечание мимо ушей.

- Так почему ты отпустил его без наказания? спросил я.
- Ты читал моё заключение.
- Читал. Что-то о необычных смягчающих обстоятельствах.
- Правильно.

Я снова ждал, полагая, что мой следующий вопрос очевиден. Но, поскольку Трейнор ничего не сказал, я выдал надлежащую фразу:

- Какие смягчающие обстоятельства?
- Тот студент, Маккарти. Так его звали. Теперь я вспомнил.

Трейнор глубоко вздохнул.

- Мистер Маккарти отпустил уничижительное замечание по поводу одного события. Когда Сандерсон услышал это замечание, он, до некоторой степени объяснимо, потерял над собой контроль.

Эбан предупредительно поднял руку, как будто я собирался возразить, хотя я и не планировал делать ничего подобного.

- Да, Джейкоб, я знаю, что не оправдываем жестокость никакими обстоятельствами. Уверен, что это была бы твоя позиция. Но мы рассматривали это необычное дело со всех сторон. Мы выслушали всех сторонников Тодда Сандерсона. Один, в частности, защищал его с большим вкусом.

Я посмотрел ему в глаза, и заметил насмешку в них:

- И кто это был, Эбан?
- Подсказка: Он жил в этом доме.

Это удивило меня.

- Профессор Юм защищал Тодда Сандерсона?
- Какое слово обычно используют адвокаты? он снова потёр подбородок. Категорически. Он даже помог ему с благотворительностью, когда разбирательство по этому делу было закончено.

Я пытался свести всё сказанное воедино. Юм питал отвращение к жестокости в любой её проявлении. Он был слишком чувствительным.

Любая жестокость заставляла его съёживаться, словно от боли. Если вы страдаете, то страдает и он.

- Признаю, - продолжил Эбан. - Что был тоже удивлён, но твой наставник всегда принимал смягчающие обстоятельства, так ведь?

Мы уже говорили не о Тодде Сандерсоне, поэтому я вернул тему в нужное русло.

- И что за смягчающие обстоятельства была в данном случае?
- Ну, для начала Тодд Сандерсон только что вернулся после долгого отсутствия. Он пропустил прошлый семестр по личным причинам.

Я был уже сыт по горло.

- Эбан?
- Да?
- Мы можем перестать ходить вокруг да около? Что случилось с Тоддом Сандерсоном? Почему он уехал из студенческого городка? Что за смягчающие обстоятельства, которые заставили Малкольма Юма, человека, выступающего против насилия, защищать Сандерсона, который проявил крайнюю жестокость?
  - Этого не было в личном деле?
- Ты же знаешь, что нет. Ничего, кроме заключения, не записано. Так, что случилось с ним?
  - Не с ним. С его отцом.

Он повернулся, взял бокал и передал его мне. Я не просил. Он просто дал мне бокал. Я взял его и позволил налить в него вино. По-прежнему не было и полудня, но я подумал, что сейчас не время комментировать утреннее пьянство. Я просто не возражал и надеялся, что это развяжет ему язык.

Эбан Трейнор сел и скрестил ноги. Он смотрел на свой бокал, как будто на магический кристалл.

- Ты помнишь инцидент в малой лиге Мартиндейла?
- Теперь был мой черёд посмотреть на бокал. Я сделал глоток.
- Скандал, связанный с педофилией?
- Да.

Это было пятнадцать, может быть, двенадцать лет назад, но я помню, потому что это был один из первых случаев такого рода, получивший широкую огласку в прессе.

- Тренер или руководитель малой лиги насиловал маленьких мальчиков, да?
  - Такое выдвигали обвинение.
  - Это неправда?

- Нет, - медленно произнес Эбан и сделал ещё один большой глоток. - Это неправда.

Какое-то время мы просто сидели в тишине.

- Так, какое это отношение имеет к Тодду Сандерсону?
- Не к нему, было что-то странное в голосе Эбана. Но к тренеру или руководителю малой лиги, как ты его назвал.

Теперь я понял.

- Он был его отецом?

Эбан показал на меня пальцем.

- Бинго.

Я не знал, что сказать на это.

- Тодд Сандерсон пропустил семестр, чтобы помочь отцу, - сказал Эбан. - Он материально поддерживал семью, естественно, его отца уволили с работы, оказывал и моральную поддержку, делал всё, что мог.

Я был удивлён и сбит с толку, но во всей череде вопросов вставал главный вопрос: Какое всё это может иметь отношение к моей Натали?

- Я не помню это дело настолько хорошо, сказал я. Чем оно закончилось? Отец Тодда был осуждён?
  - Нет. Он был признан невинным.
  - Да?
- Результат был плохо освещён прессой. Такова жизнь. Обвинения получают первую страницу. А опровержение мало кому интересно.
  - Так он был признан невиновным?
  - Правильно.
  - Вообще-то, между невинным и невиновным большая разница.
- Правда, но не в данном случае. Первая неделя суда пролила свет на то, что всё это выдумал мстительный родитель, потому что отец Тодда не позволил его сыну подавать. Ложь выросла, словно снежный ком. Но в конечном итоге с отца Тодда были сняты все обвинения.
  - И Тодд вернулся в колледж?
  - Да.
- И предполагаю, уничижительное замечание имело отношение к обвинениям против отца Тодда?

Эбан поднял дрожащей рукой насмешливый тост:

- Вы правы, сэр. Но, видишь ли, несмотря на новые доказательства, многие поверили, как и ты, что не бывает дыма без огня. Мистер Сандерсон должен был предпринять что-нибудь. Может быть, не это. Но что-нибудь. Особенно, после того, что случилось после суда.
  - Что случилось после суда?

Он снова посмотрел на бокал. Я терял его.

- Эбан?
- Сейчас я доберусь до этого.

Я ждал, предоставив ему немного времени.

- Тодд Сандерсон выходец из маленького южного города. Его отец жил там всю жизнь. Но теперь ты можешь себе представить. Он не мог найти работу. Его друзья не разговаривали с ним. Понимаешь, никто понастоящему не поверил ему. Назад дороги нет, Джейкоб. Мы учим этому здесь, так ведь? Был всего лишь один человек, который всё ещё верил в него.
  - Тодд, сказал я.
  - Да.
  - А другие члены семьи? Мать Тодда?
  - Давно умерла.
  - Так, что произошло?
- Его отец был раздавлен, но настоял, чтобы Тодд отправился обратно в колледж. Ты видел табель успеваемости Тодда?
  - Да.
- Значит, ты уже знаешь. Тодд был великолепным студентом, одним из лучших, которые когда-либо учились в Лэнфорде. У него было большое будущее. Его отец это тоже понимал. Но Тодд не хотел возвращаться. Он видел, как все покинули его отца в час нужды. Тодд наотрез отказался возвращаться, пока ситуация дома не выправится. Но, конечно же, как мы все хорошо знаем, такого рода ситуации не выправляются. Поэтому отец Тодда сделал единственное, чем, по его мнению, он мог положить конец всей этой боли и освободить сына, чтобы тот продолжил учиться.

Наши глаза встретились. Его были влажными.

- О, нет, произнёс я.
- О, да.
- Kaк...?
- Его отец вломился в школу, где раньше работал, и выстрелил себе в голову. Понимаешь, он не хотел, чтобы сын нашёл его тело.

Глава 12

За три недели до того, как Натали меня бросила, тогда мы были ещё безумно влюблены, мы тайком ускользнули из наших усадьб в Крафтборо, чтобы посетить Лэнфорд.

- Я хочу увидеть место, которое столько значит для тебя, - сказала она.

Я помню, как светились её глаза, когда она шла со мной по кампусу. Мы держались за руки. На Натали была большая соломенная шляпа, которая была одновременно странной и милой, и солнечные очки. Она чемто походила на замаскировавшуюся супер-звезду.

- Когда ты был студентом, спросила она. Куда ты водил горячих сокурсниц?
  - Прямо в постель.

Натали игриво стукнула меня по руке.

- Серьёзно. Я голодная.

Мы пошли в ресторан "У Джуди" на Мейн-Авеню. Джуди делала великолепную воздушную сдобу и яблочное повидло. Натали они сразу же понравились. Я наблюдал за ней, пока она рассматривала картины, декор, молодой персонал, меню, всё.

- Так вот куда ты водил своих девушек?
- Только классных.
- Подожди, а куда тогда ты водил не классных?
- В Бартолотти. Это забегаловка по соседству, улыбнулся я.
- Что?
- Обычно мы играли в презервативную рулетку.
- Извини?
- Не с девушками. Я пошутил. Мы ходили туда с друзьями. Там, в мужском туалете, был автомат с презервативами.
  - Автомат с презервативами?
  - Ага.
  - Что-то вроде аппарата, торгующего презервативами?
  - Точно.

Натали кивнула.

- Классно.
- Знаю.
- Так, какие были правила в презервативной рулетке?
- Да, это глупость.

- Ну, теперь ты не отделаешься так легко. Я хочу послушать.
- За этим последовала улыбка, которая сразила меня наповал.
- Хорошо. Играют четыре парня... о, это так глупо.
- Пожалуйста. Мне нравится. Продолжай. Играют четыре парня..., она показала жестом, чтобы я продолжал.
- Презервативы были четырёх цветов, объяснял я. Полуночный чёрный, вишнёво-красный, лимонно-жёлтый и оранжевый-оранжевый.
  - Два последних ты выдумал.
- Вроде того. Суть в том, что они были четырёх цветов, но ты никогда не знал, какой получишь. Так что, каждый клал в общий котёл по три доллара и выбирал цвет. Потом один из нас шёл к автомату и приносил запечатанный презерватив. Опять же, ты не знаешь, какого он цвета, пока не развернёшь. Кто-нибудь изображал барабанную дробь. Другой комментировал происходящее, как будто это был олимпийский вид спорта. Наконец, мы открывали упаковку, и тот, кто выбрал правильный цвет, получал деньги.
  - Оу, так прикольно.
- Ага. Конечно же, победитель должен был купить пиво, так что вряд ли это было финансовым золотым дном. В конечно итоге, Барсе, парень, который владел этим заведением, сделал это полноценной игрой с правилами, лигой и лидером тотала.

Она взяла мою руку.

- Мы можем поиграть в эту игру?
- Что? Сейчас? Нет.
- Пожалуйста.
- Ни за что.
- После игры, прошептала Натали, посмотрев на меня таким взглядом, который заставил мои брови подняться. Мы можем использовать презерватив.
  - Я ставлю на полуночный чёрный.

Она засмеялась. Я всё ещё слышал этот звук, когда зашёл в "У Джуди", как будто её смех был по-прежнему здесь, по-прежнему разносился эхом, издевался надо мной. Я не был "У Джуди" шесть лет. Я посмотрел на столик, за которым мы сидели. Он был пуст.

- Джейк?

Я повернулся направо. Шанта Ньюлин сидела за неприметным столиком у эркера. Она не помахала и не кивнула. Язык её тела, обычно наполненный уверенностью, сейчас говорил, что всё плохо. Я сел напротив неё. Она едва взглянула на меня.

- Привет, - сказал я.

Всё ещё глядя на стол, Шанта сказала:

- Джейк, расскажи мне всю историю.
- Зачем? В чём дело?

Она подняла глаза, пригвоздив меня в стиле дознавателя. Теперь я увидел агента ФБР.

- Она и в правду твоя бывшая девушка?
- Что? Конечно же, да.
- И почему ты вдруг захотел её найти?

Я замялся.

- Джейк?

Письмо, которое пришло мне:

Ты обещал.

- Я попросил тебя об услуге.
- Знаю.
- Либо ты рассказываешь, что узнала, либо мы просто забываем об этом. Не понимаю, почему тебе нужно знать больше.

Молоденькая официантка, Джуди всегда нанимала ребят из колледжа, дала нам меню и спросила, будем ли мы что-нибудь пить. Мы оба заказали холодный чай. Когда она ушла, Шанта повернулась и посмотрела на меня твёрдым взглядом.

- Я пытаюсь помочь тебе, Джейк.
- Может быть, мы просто забудем об этом.
- Ты шутишь?
- Нет. Она просила оставить её в покое. Наверное, я должен был послушаться.
  - Когда?
  - Когда что?
  - Когда она попросила тебя, оставить её в покое?
  - Какая разница?
  - Просто скажи. Хорошо? Это может быть важно.
- Почему? а потом я подумал, какой от этого будет вред, и добавил. Шесть лет назад.
  - Ты сказал, что был влюблён в неё.
  - Да.
  - Так, это случилось, когда вы расстались?

Я покачал головой.

- Это было на её свадьбе.

Она моргнула. Мои слова рассеяли этот твёрдый взгляд, по крайней

мере, на мгновение.

- Просто, чтобы прояснить ситуацию, ты пришёл на её свадьбу и был всё ещё влюблён в неё? Глупый вопрос. Конечно же, был. Ты и до сих пор влюблён в неё. Так, ты пришёл на свадьбу, и тогда Натали сказала оставить её в покое?
  - Да. Вроде того.
  - Наверное, это был ещё тот скандал?
- Всё было не так. Мы только что расстались. Она предпочла мне другого мужчину. Бывшего парня. Они поженились спустя несколько дней, я пытался взять себя в руки. Это просто случилось.
- Ты так думаешь? сказала Шанта, смущённо наклонив голову. Продолжай.
- Что продолжать? Я пришёл на свадьбу. Натали попросила принять её выбор и оставить их в покое. Я сказал, что так и сделаю.
  - Понятно. Ты с ней общался в течение этих шести лет?
  - Нет.
  - Ни разу?

Теперь я понял, насколько Шанта была хороша в этом деле. Сначала я собирался молчать, а теперь разговорился, не заткнуть.

- Правильно, ни разу.
- А ты уверен, что её зовут Натали Эйвери?
- В таких вещах сложно ошибиться. Хватит вопросов. Что ты нашла, Шанта?
  - Ничего.
  - Ничего?

Вернулась официантка с широкой улыбкой и холодным чаем.

- Свежая сдоба Джуди.

Её голос был наполнен радостью молодости. Сдобный аромат поднял меня из-за стола и вернул во времена моего последнего визита сюда, ага, шесть лет назад.

- У вас есть вопросы по меню? - спросила весёлая официантка.

Я не мог ответить.

- Джейк? - сказала Шанта.

Я сглотнул.

- Нет.

Шанта заказала сандвич с шампиньонами гриль. Я взял индейку с салатом, беконом, помидорами и ржаным хлебом. Когда официантка ушла, я перегнулся через стол.

- Что это значит, ты ничего не нашла?

- Какая часть "ничего" смущает тебя, Джейк? Я не нашла ничего по твоему вопросу, абсолютно ничего, фиг с маслом. Ни адреса, ни налоговых деклараций, ни счёта в банке, ни выписок по кредитной карте. Полный ноль, ничегошеньки. Вообще, нет свидетельств, что твоя Натали Эйвери существует. Тебе нужно попытаться принять это.

Шанта положила руки на стол.

- Ты хоть представляешь, насколько сложно жить, не оставляя след?
- Честно, нет.
- В наше время компьютерных технологий? Это почти невозможно.
- Может быть, этому есть какое-то разумное объяснение.
- Например?
- Может быть, она переехала заграницу.
- Но нет записей, что она уехала. Не был выдан паспорт. Нет отметок о въезде или выезде. Как я уже говорила...
  - Ничего, закончил я за неё.

Шанта кивнула.

- Она человек, Шанта. И она существует.
- Ну, она существовала. Шесть лет назад. К этому времени относятся последние данные о её адресе. У неё есть сестра, которую зовут Джули Поттам. Её мать, Сильвия Эйвери, в доме престарелых. Ты знаешь об этом?
  - Да.
  - За кого она вышла замуж?

Отвечать ли мне на этот вопрос? Я не увидел ничего в этом страшного.

- Тодда Сандерсона.

Она записала имя.

- И почему ты теперь хочешь её увидеть?

Ты обещал.

- Это не важно. Мне следовало просто забыть об этом.
- Ты серьёзно?
- Серьёзно. Это был каприз. В смысле, был шесть лет назад. Она вышла замуж за другого мужчину и взяла с меня обещание оставить её в покое. Так, на что я надеялся?
  - Но это-то мне и интересно, Джейк.
  - Что?
- Ты сдерживал обещание шесть лет. Почему неожиданно ты его нарушил?

Я не хотел отвечать, но что-то начало беспокоить меня.

- Почему тебе это так интересно?

Она не ответила.

- Я попросил тебя найти человека. Ты бы просто могла сказать, что ничего не нашла. Так, зачем ты задаёшь мне столько вопросов о ней?

Казалось, что я застал Шанту врасплох.

- Я просто пытаюсь помочь.
- Ты не говоришь мне ничего.
- Так же, как и ты. Почему сейчас, Джейк? Почему ты начал искать свою старую любовь именно сейчас?

Я смотрел на сдобу и думал о том дне в этом ресторане шесть лет назад, о том, как Натали отрывала маленькие кусочки от сдобы, о том, как она сосредоточено намазывала их маслом, и о том, как она наслаждалась всем этим процессом. Когда мы были вместе, любая мелочь имела значение. Каждое прикосновение доставляло удовольствие.

Ты обещал.

Даже теперь, после всего, что случилось, я не мог предать её. Глупо? Да. Наивно? О, вроде того. Но я не мог этого сделать.

- Поговори со мной, Джейк.

Я покачал головой.

- Нет.
- Почему, чёрт возьми, нет?
- Кто заказывал индейку с салатом, беконом и помидорами?

Это была другая официантка, на этот раз менее весёлая и более измотанная. Я поднял руку.

- И сандвич с шампиньонами гриль?
- Заверните с собой, сказала Шанта, поднимаясь. Я потеряла аппетит.

Глава 13

Первый раз, когда я встретил Натали, мы были в помещении, и на ней были солнечные очки. Что ещё больше усугубляло ситуацию, это была ночь.

Я закатил глаза, предположив, что она надела их, чтобы произвести эффект. Я подумал, что она воображала себя художницей с большой буквы. Жители усадьбы писателей и усадьбы художников собирались вместе и делились друг с другом своими работами. Я присутсовал на этом мероприятии впервые, но вскоре узнал, что такие собрания проводились еженедельно. Картины были расставлены в задней части сарая Дарли Уонатика, и установлены стулья для чтения.

Женщина в солнечных очках, её я ещё ни разу не видел, сидела в последнем ряду, сложив руки. Человек с бородой и тёмными кучерявыми волосами сидел рядом с ней. Мне стало интересно, они вместе или нет. Помните хвастуна по имени Ларс, который писал от лица собаки Гитлера? Он начал читать. Он читал очень долго. Я уже начал ёрзать. Женщина же в солнечных очках сидела по-прежнему неподвижно.

Когда я уже не мог больше слушать, грубо это или нет, я побрёл к задней части сарая, и принялся рассматривать произведения искусства, выставленные там. Большую часть из них, мягко говоря, я бы не хотел бы иметь у себя. Там была инсталляция, которая называлась "Завтрак в Америке", и представляла она собой коробки сухого завтрака и их содержимое, высыпанное на кухонный стол. Именно так. Там были коробки Сар'п Crunch, Cap'n Crunch с арахисовым маслом (один человек даже пробормотал: "Заметьте, здесь нет Cap'n Crunch с хрустящими ягодами. Почему? Что этим хотел сказать автор?"), Lucky Charms, Сосоа Puffs, Sugar Smacks, и даже мои давно любимые Quisp. Я посмотрел на засыпанные хлопьями стол. И хотя они мне не нравились, мой желудок слегка заурчал. Когда кто-кто спросил:

- Что вы думаете об этой инсталляции?

Мне очень хотелось сказать, что туда нужно добавить немного молока.

Я шёл дальше, и только одна работа заставила меня призадуматься. Я остановился у изображения маленького домика на вершине холма. С одной стороны он был освещён мягким утренним свечением с розовым оттенком, который появляется с первыми лучами солнца. Не знаю, почему она меня зацепила. Может быть, дело в тёмных окнах, как будто домик был некогда

согрет человеческим теплом, а ныне покинут. Не знаю. Но я стоял перед картиной потерянный и тронутый. Я медленно переходил от одной картины к другой. Они все были своего рода глоток свежего воздуха. Некоторые вгоняли меня в печаль. Некоторые настраивали на ностальгический лад, от других я прибывал в странном расположении духа, третьи делали меня вспыльчивым. Но ни одна не оставила равнодушным.

Избавлю вас от "большого разоблачения", эти картины были нарисованы Натали. Женщина улыбнулась, увидев мою реакцию.

- Нравится?
- Очень. Вы художник?
- Боже упаси, нет. Я управляю пекарней и кафе в городе, она подала руку. Обычно меня называют Куки-печенька.

Я пожал её руку.

- Стойте. Печенька управляет пекарней?
- Ага, знаю. Чересчур, да?
- Может быть, немного.
- Художницу зовут Натали Эйвери. Она сидит вон там.

Куки показала на женщину в солнечных очках.

- О, сказал я.
- Что "о"?

Учитывая солнечные очки в помещении, я считал её создателем "Завтрака в Америке". Ларс только что закончил читать. Публика отреагировала дежурными хлопками, но Ларс, выпятив вперёд аскотский галстук [6], поклонился, словно это было громом оваций.

Все, кроме Натали, быстро поднялись. Мужчина с бородой и кучерявыми волосами прошептал ей что-то, когда поднялся, но она попрежнему не двигалась. Она так и сидела, скрестив руки, казалось, потерявшаяся в сущности собаки Гитлера.

Я подошёл к ней. Она смотрела сквозь меня.

- Домик на вашей картине, где он находится?
- А? спросила она испугано. Нигде. Что за картина?

Я нахмурился.

- Вы Натали Эйвери?
- Я? казалось, вопрос озадачил её. Ага, а что?
- Картина с домиком. Мне она по-настоящему понравилась. Она... Не знаю. Она трогает меня.
- Домик? она села ровнее, сняла очки и потёрла глаза. Ааа, точно, домик.

Я снова нахмурился. Не знаю, какой я ожидал реакции, но явно не

такой сдержанной, как эта. Я посмотрел на неё. Иногда до меня туго доходит, но когда она снова потёрла глаза, понимание настигло меня.

- Вы спали! сказал я.
- Что? Нет, сказала она и снова потёрла глаза.
- Чёрт возьми! Так вот, почему вы надели солнечные очки. Чтобы никто не понял.
  - Шшш.
  - Вы спали всё это время.
  - Не говорите никому.

Наконец, она посмотрела на меня, и я понял, что у неё милое личико, и она красива. Вскоре я осознал, что Натали обладает тем, что я называю "медленной" красотой. Это красота такого типа, что сначала и не заметишь, а потом она начинает поглощать, затягивать. И с каждым разом, как ты её видишь, она нравится тебе всё больше. И в конечном итоге, наступает такой момент, когда ты начинаешь думать, что она никак не меньше, чем ошеломляющая. Всякий раз, когда я видел её, всё моё тело реагировало на неё, как будто это было в первый раз.

- Это было так очевидно? спросила она шепотом.
- Вовсе нет. Я просто подумал, что вы пафосная задавака.

Она изогнула бровь.

- А какая бы ещё маскировка лучше гармонировала с этой толпой? Я покачал головой.
- Я подумал, что вы гений, когда увидел ваши картины.
- Правда? казалось, она была застигнута врасплох этим комплиментом.
  - Правда.

Она прочистила горло.

- И теперь вы увидели, насколько впечатление бывает обманчиво?
- Теперь я думаю, что вы дьявольски гениальны.

Натали понравилось.

- Нельзя винить меня в этом. Этот Ларс как снотворное. Он открыл рот, и я заснула.
  - Меня зовут Джейк Фишер.
  - Натали Эйвери.
- Не хотите, ли выпить по чашке кофе, Натали Эйвери? Похоже, вам бы не помешало.

Она колебалась, изучая моё лицо до тех пор, пока я не начал краснеть. Она заправила локон чёрных волос за ухо, встала и приблизилась ко мне. Помню, как я подумал, что у неё удивительно изящная фигурка. Она была

меньше, чем я представлял, пока она сидела. Она посмотрела на меня снизу вверх, и улыбка медленно растянула её губы. Это была, должен сказать, замечательная улыбка.

- Конечно, почему нет?

Образ той улыбки, сохранившийся в голове, ярко вспухнул, а потом, смилостивившись, исчез.

Я был в Библиотечном баре с Бенедиктом. Вообще-то, Библиотечный бар был старой, отделанной тёмным деревом библиотекой на кампусе, недавно преобразованной в модное питейное ретро заведение. Владельцы были достаточно умны, чтобы не менять практически ничего в старой библиотеке. Книги по-прежнему стояли на дубовых стеллажах, рассортированные в алфавитном порядке, по десятичной системе Дьюи или что там используют библиотекари. Баром служил старый абонементный стол, подставками - старые ламинированные картотечные файлы, а светильниками - зелёные библиотечные лампы.

Молодые барменши собирали волосы в пучки и носили старомодную одежду, и, конечно же, очки в роговой оправе. Ага, фантазийные библиотечные красотки. Один раз в час из громкоговорителя раздавался громкий библиотечный тсс, и барменши срывали очки, распускали пучки на головах и расстёгивали блузки.

Банально, дёшево, глупо, но это работало.

Мы с Бенедиктом были навеселе. Я широким движением закинул руку ему на плечо и наклонился ближе.

- Знаешь, что нам нужно сделать? - спросил я.

Бенедикт скорчил гримасу.

- Протрезветь?
- Ха! Молодец. Но нет. Нам нужно устроить состязание в презервативную рулетку. На выбывание. Думаю, шестьдесят-четыре команды. Как в нашем собственном "Мартовском безумии ^[7]".
- Мы не в Бартолотти, Джейк. Здесь нет аппарата, торгующего презервативами.
  - Разве?
  - Да.
  - Жаль.
- Ага, сказал Бенедикт. А потом добавил шепотом. Пара горяченьких цыпочек на три часа.

Сначала я собирался повернуть налево, потом направо и неожиданно понял, что три часа ничего не говорят мне.

- Подожди, а где двенадцать часов?
  Бенедикт вздохнул.
- Ты лицом на двенадцать часов.
- Так три часа будут...
- Просто повернись направо, Джейк.

Вы, должно быть, догадались, что я не очень хорошо переношу спиртные напитки. Это удивляет людей. Когда они видят кого-то моего размера, то ожидают, что я перепью людей поменьше. Но я не могу. Я умею пить так же, как первокурсник на своей первой тусовке.

- И?

Я знал, какого они типажа ещё до того, как увидел их. Там сидели две блондинки, которые выглядели от просто хорошо до великолепно в приглушённом свете Библиотечного бара и от обычно до страшно в утреннем свете. Бенедикт подошёл к ним и начал общаться. Бенедикт мог бы клеиться даже к картотеке. Обе женщины смотрели мимо него на меня. Бенедикт показал знаком, чтобы я присоединился к ним.

А почему, чёрт возьми, нет?

Ты обещал.

Чертовски верно, обещал. Спасибо за напоминание. Почему бы мне и дальше не продолжать его сдерживать и попытаться найти цыпочку, правильно? Я двинулся по направлению к ним.

- Леди, познакомьтесь с легендарным профессором Джейкобом Фишером.
  - Вау, произнесла одна блондинка. Какой большой парень.
- И, поскольку Бенедикт не мог быть ещё банальнее, он подмигнул и сказал:
  - Дорогуша, ты даже не представляешь насколько.

Я подавил вздох, поздоровался и сел. Бенедикт флиртовал с ними, использую фразы-шаблоны, подобранные специально для этого бара:

- Это библиотека, так что абсолютно нормально забрать вас к себе домой.
  - Оштрафуют ли меня, если я верну вас позже положенного срока?

Блондинкам нравилось. Я пытался подключиться к беседе, но я никогда не был силён в поверхностном стёбе. Лицо Натали продолжало всплывать передо мной. И я продолжал отгонять его. Мы заказали ещё выпивку. И ещё.

Спустя какое-то время, мы наткнулись на диваны рядом с бывшим детским разделом. Моя голова откинулась назад, и, возможно, я отрубился ненадолго. Я проснулся оттого, что одна из блондинок заговорила со мной.

Я представился.

- Меня зовут Винди, сказала она.
- Венди?
- Нет, Винди. В середине "и", а не "е", произнесла она так, как будто говорила это миллион раз, хотя догадываюсь, так и было.
  - Как в песне? спросил я.

Казалось, она была удивлена.

- Ты знаешь эту песню? Ты выглядишь моложе.
- Каждый знает, что это Винди, пропел я, а потом добавил. Мой отец любил "The Association."

И на удивление беседа перетекла в серьёзный разговор. Винди было тридцать один, и она работала кассиром в банке, но училась в общественном колледже неподалёку на медсестру педиатрии. Это была работа её мечты. Она ухаживала за своим братом-инвалидом.

- У Алекса церебральный паралич, сказала Винди, показывая фотографию брата в инвалидной коляске. Лицо мальчика сияло. Я внимательно рассматривал его, как будто доброта могла сойти с фотографии и стать частью меня. Винди увидела это, кивнула и с нежностью в голосе сказала:
  - Он свет моей жизни.

Прошёл час. Может быть, два. Винди и я всё разговаривали. В течение такой ночи всегда наступает такое время, когда вы понимаете точно, гм, завершите ли вы сделку (или, если придерживаться библиотечных метафор, пробьёте ли свой читательский билет) или нет. Сейчас было такое время, и было очевидно, что ответ - да.

Дамы пошли попудрить носики. Я размяк от алкоголя. И часть меня спрашивала, смогу ли я сегодня что-либо. Но большую часть вообще ничего не заботило.

- Знаешь, что мне в них нравится? указал Бенедикт на книжные полки.
  - Они уложены. Понимаешь? Библиотека, книги, уложены?

Я застонал вслух.

- Думаю, что меня сейчас стошнит.
- Забавно. Кстати, где ты был прошлой ночью?
- Разве я тебе не рассказывал?
- Нет.
- Я был в Вермонте. В старой усадьбе Натали.

Он повернулся ко мне.

Зачем?

Странно, но когда Бенедикт выпивал и начинал говорить много, появлялся лёгкий британский акцент. Предполагаю, что он остался со школьных дней. Чем больше он пил, тем сильнее был заметен акцент.

- Чтобы получить ответ.
- Получил?
- Ага.
- Рассказывай.
- Первое, поднял я один палец. Никто не знает, кто такая Натали.
- Второе, другой палец. Никто не знает, кто я.
- Третье, я показал третий палец. В часовне нет никаких записей о свадьбе Натали. Четвёртое, священник, который вёл свадебную церемонию, клянётся, что её не было. Пятое, дама, которая владеет кофейней, в которую мы частенько ходили, и которая первая указала мне на Натали, понятия не имеет, кто я, и не помнит ни Натали, ни меня.

Я опустил руку.

- Оу, а усадьба Натали? - сказал я. - Поселение творческого восстановления? Его там нет, и все клянутся, что его никогда и не было, и что это всегда была семейная ферма. Вкратце, я думаю, что схожу с ума.

Бенедикт отвернулся и начал потягивать пиво.

- Что? спросил я.
- Ничего.

Я слегка подтолкнул его.

- Нет, говори уж. Что такое?

Бенедикт держал голову низко.

- Шесть лет назад, когда уехал в ту усадьбу, ты был действительно в плохой форме.
  - Возможно, немного. И что?
- Твой отец умер. Ты чувствовал себя одиноким. Твоя диссертация писалась плохо. Ты был расстроенным и раздражённым. Ты злился, что Трейнор отделался лёгким испугом.
  - К чему ты клонишь?
  - Ни к чему. Забудь.
  - Не мели чепуху. В чём дело?

У меня всё поплыло перед глазами. Нужно было заканчивать ещё пару стаканов назад. Я вспомнил, как однажды на первом курсе я выпил слишком много и пошёл назад в общежитие. Но так и не дошёл. Когда я проснулся, я лежал на кусте. Я помню, как пялился на звёзды на ночном небе и удивлялся, почему земля такая колючая. Вот и сейчас у меня было ощущение, словно я на лодке в бурном море.

- Натали, сказал Бенедикт.
- Что с ней?

Он посмотрел на меня своими увеличенными стеклом глазами.

- Как так получилось, что я никогда не видел её?

Моё зрение становилось нечётким.

- Что?
- Натали. Как так получилось, что я никогда не видел её?
- Потому что мы всё время были в Вермонте.
- Разве ты ни разу не приезжал на кампус?
- Один раз. Мы были "У Джуди".
- Так, почему ты не познакомил нас?

Я с чрезмерным энтузиазмом пожал плечами.

- Не знаю. Может быть, тебя не было?
- Я был всё лето здесь.

Тишина. Я пытался вспомнить. Пытался ли я познакомить её с Бенедиктом?

- Я твой лучший друг, так? спросил он.
- Taк.
- И если бы ты женился на ней, я был бы твоим шафером.
- Ты же знаешь.
- Так, тебе не кажется странным, что я никогда её не видел?
- Когда ты говоришь так... нахмурился я. Стой, что ты пытаешься сказать?
  - Ничего, тихо сказал он. Это всё просто странно.
  - Чем странно?

Он не ответил.

- Странно, словно я её выдумал? Так странно? Это ты имеешь в виду?
- Нет. Без обид, я просто говорю...
- Говоришь что?
- Тем летом. Тебе нужно было что-то, за что ты мог держаться.
- И я нашёл это. И потерял.
- Ладно, хорошо, не будем больше об этом говорить.

Но, нет и ещё раз нет. Не сейчас. Не тогда, когда во мне говорит злость и алкоголь.

- Тогда будем говорить о чём? Как я никогда не встречался с любовью всей твоей жизни?
  - О чём ты говоришь?
  - О, люди, я был пьян.
  - О фотографии в твоём портмоне. Как так получилось, что я никогда с

ней не встречался?

Было ощущение, как будто ему дали пощёчину.

- Забудь об этом, Джейк.
- Без обид, я просто говорю...
- Забудь Об Этом.

Я открыл рот, я закрыл рот. Появились девушки. Бенедикт тряхнул головой, и неожиданно улыбка вернулась.

- Какую ты хочешь? - спросил Бенедикт.

Я посмотрел на него.

- Без трёпа?
- Да.
- Винди.
- Это которая?
- Ты серьёзно?
- У меня плохая память на имена.
- Винди это та, с которой мы разговариваем всю ночь.
- Другими словами, ты хочешь ту, которая погорячее. Хорошо, как угодно.

Мы пошли домой к Винди. Мы не спешили, пока всё не получилось само собой. Это не было настоящим блаженством, но это было ужасно мило. Около трёх ночи Винди провожала меня до двери.

Я не знал, что сказать, но выбрал глупейшее:

- Мм, спасибо.
- Мм, пожалуйста?

Наши губы слегка соприкоснулись. Мы оба знали, что всё это не будет длиться долго, но это было маленькое, быстрое удовольствие, и иногда в этом нет ничего плохого.

Спотыкаясь, я побрёл назад через кампус. Студентов ещё не было на улице. Я пытался оставаться в тени, но Барри, студент, который посещает мой офис еженедельно, заметил меня и выкрикнул:

- Бурная ночка, проф?

Попался.

Я добродушно помахал ему и зигзагами продолжил путь в свою скромную обитель.

Когда я вошёл, у меня внезапно закружилась голова. Я стоял неподвижно, дожидаясь, пока ноги снова будут повиноваться мне. Когда головокружение отступило, я пошёл на кухню, схватил стакан с ледяной водой, выпил его большими глотками и налил ещё один. Никакого сомнения, завтра мне будет очень плохо.

Измождение тянуло к земле. Я вошёл в спальню и включил свет. Там, на углу кровати, сидел человек в бордовой бейсболке. От неожиданности я отскочил назад.

Мужчина дружелюбно помахал мне.

- Привет, Джейк. Ш-ш-ш, посмотри на меня. Ты пьянствовал где-то?

Секунду, не больше, я просто стоял. Мужчина улыбнулся мне, как будто это была самая обыкновенная встреча в истории человечества. Он даже прикоснулся к козырьку бейсболки, как если бы он был профессиональным игроком в гольф.

- Кто, чёрт возьми, ты такой? спросил я.
- На самом деле это не имеет никакого значения, Джейк.
- Да, чёрта с два. Кто ты?

Мужчина вздохнул, кажется, он был разочарован моим неразумным желанием узнать, кто он.

- Давай, скажем просто, друг.
- Ты был в кафе. В Вермонте.
- Виновен.
- И следил за мной. Ты был в фургоне.
- Снова виновен. Парень, ты пахнешь дешевой выпивкой и ещё более дешевым сексом. Не то, чтобы это плохо.

Я пытался стоять ровно на ногах.

- Чего ты хочешь?
- Я хочу кое-куда прокатиться.
- Куда?
- Куда? он изогнул бровь. Давай, без игр, Джейк. Ты знаешь куда.
- У меня нет ни малейшего представления, о чём ты говоришь. И вообще, как ты сюда пробрался?

Мужчина почти закатил глаза.

- О, точно, Джейк, мы будем тратить время на обсуждение того, как я смог проникнуть через заднюю дверь с дерьмовым, извини, замком. Да было бы безопаснее, если бы ты заклеил её скотчем.

Я открыл и закрыл рот, и попытался снова:

- Кто, чёрт возьми, ты такой?
- Боб. Так пойдёт, Джейк? Если ты уж никак не можешь без моего имени, то моё имя Боб. Ты Джейк, я Боб. Теперь мы можем двигаться дальше?

Мужчина встал. Я напрягся, готовый вспомнить дни, когда я работал вышибалой. Я ни за что не выпущу этого парня отсюда, пока он всё не объяснит. Если мужчина и испугался, он чертовки хорошо скрывал это.

- Теперь ты готов идти? спросил он. Или ты ещё хочешь на чтонибудь потратить время?
  - Идти куда?

Боб нахмурился, словно я его расстроил.

- Да ладно, Джейк. Куда ты думаешь? - он жестом показал на дверь позади меня. — Увидеться с Натали, конечно же. И лучше нам поторопиться.

Глава 14

Фургон был припаркован на стоянке позади общежития Мура.

Сейчас на кампусе было тихо. Музыка затихла, сменившись неустанным стрекотом сверчков. Я увидел вдалеке силуэты нескольких студентов, но по большей части, три часа утра - это глухая ночь.

Мы с Боб шли плечо к плечу, словно два приятеля, вышедшие на ночную прогулку. Алкоголь ещё властвовал над некоторыми нейронными соединениями у меня в голове, но свежий воздух и неожиданный гость отрезвили меня довольно быстро. Когда мы подошли к уже знакомому фургону Шевроле, задняя дверь отодвинулась, и вышел мужчина.

Мне это не понравилось.

Мужчина был высоким, худым, со скулами, которые могли бы нарезать помидоры кубиками, и прекрасно уложенными волосами. Он выглядел, как модель, вплоть до туманного искушённого мрачного взгляда. За время работы вышибалой, я развил шестое чувство на неприятности. Такое просто происходит, когда ты работаешь на такой работе, как эта, долгое время. Человек проходит мимо тебя, и опасность исходит от него волнами, вроде волнистых линий в мультиках. От этого парня исходили такие волны опасности, словно от взрыва суперновой.

Я напрягся.

- Кто это?
- Опять имена? сказал Боб с драматическим вздохом и добавил. Отто. Джейк, познакомься с моим другом Отто.
  - Отто и Боб.
  - Да.
  - Два палиндрома.
  - Ох, уж эти профессора и их красивые слова.

Мы подошли к фургону. Отто отступил в сторону, чтобы пропустить меня, но я не двигался.

- Входи, - сказал Боб.

Я покачал головой.

- Моя мамочка говорила мне, чтобы я не садился в машины с незнакомцами.
  - Эй, учитель!

Мои глаза распахнулись, когда я повернулся на голос. Барри почти бежал к нам. Он явно был подвыпившим, и посему его шаги сделались

похожими на шаги марионетки с перекрученными верёвками.

- Эй, учитель, быстрый вопрос, если...

Барри так и не закончил предложение. Без предупреждения и колебания Отто шагнул вперёд, поднял руку и ударил Барри в лицо. Какоето время я стоял неподвижно, шокированный внезапностью всего происходящего. Барри горизонтально полетел на землю и приземлился на асфальт с громким стуком, его голова откинулась назад. Глаза были закрыты. Кровь текла из носа.

Я опустился на одно колено.

- Барри?

Он не двигался.

Отто вытащил пистолет.

Моё тело находилось слегка слева, таким образом я мог закрыть Барри от пистолета Отто.

- Отто не будет стрелять в тебя, - сказал Боб тем же спокойным голосом. - Он просто будет отстреливать студентов до тех пор, пока ты не залезешь в фургон.

Я поддерживал голову Барри. Он дышал. Я только собрался проверить пульс, когда услышал, как кто-то закричал.

- Барри? - это был другой студент. - Где ты, бро?

Меня охватил страх, когда Отто поднял пистолет. Я обдумывал решительный шаг, но словно прочитав мои мысли, Отто отошёл подальше от меня.

Закричал ещё один студент:

- Думаю, он где-то здесь, рядом с фургоном. Барри?

Отто прицелился на голос. Боб посмотрел на меня и слегка пожал плечами.

- Хорошо! - крикнул я шепотом. - Я пойду! Не стреляйте больше ни в кого.

Я быстро залез назад фургона. Все сидения были вытащены. Напротив одной стороны стояла лавка, которая служила сидением. Отто опустил пистолет и залез следом за мной. Боб занял место водителя. Барри всё ещё был в отключке. Студенты подходили всё ближе, пока мы выезжали. Я услышал, как один крикнул:

- Что за... о, Боже! Барри?

Если Боб и Отто и волновались, что кто-то заметил номера, то не подавали вида. Боб вёл фургон на раздражающе медленной скорости. Мне же наоборот хотелось, чтобы он прибавил газу, чтобы он поторопился. Мне хотелось увести Отто и Боба, как можно скорее, подальше от студентов.

Я повернулся к Отто.

- Зачем, чёрт побери, ты его так ударил?

Отто оглянулся и посмотрел глазами, от которых у меня холодок побежал по коже. Они были безжизненными, ни малейшего намёка на свет внутри. Было ощущение, как будто я смотрел в глаза неодушевлённого предмета, например, в глаза журнального столика или картонной коробки.

Послышался голос Боба с переднего сидения:

- Кинь свой кошелёк и телефон на переднее пассажирское сидение, пожалуйста.

Я сделал так, как он просил и быстро огляделся. Мне не понравилось, что я увидел. Ковровое покрытие было вырвано, открывая голый металлический пол. Возле ног Отто стоял ржавый ящик для инструментов. Я понятия не имел, что в нём. На противоположной стене был прикреплен брусок. И я сглотнул, когда увидел наручники. Один наручник крепился к бруску. Другой наручник был открыт, ожидая чью-нибудь руку.

Отто по-прежнему держал меня на мушке.

Когда мы выехали на шоссе, Боб начал управлять автомобилем небрежно, как мой отец, когда мы ехали в магазин на выходных.

- Джейк? позвал Боб меня.
- Да.
- Куда едем?
- A?
- Всё просто, Джейк, сказал Боб. Ты расскажешь нам, где Натали.
- Я?
- Ага.
- Я не имею ни малейшего понятия, где она. Кажется, ты говорил...

Тогда Отто сильно ударил меня в живот. Воздух с шумом вышел из лёгких. Я согнулся напополам, как чемодан. Мои колени сильно ударились о металлический пол фургона. Если вас когда-нибудь били в солнечное сплетение, вы знаете, как в этот момент парализует. У вас появляется ощущение, как будто вы задыхаетесь. Всё, что вы можете, это свернуться в клубок и молиться, чтобы вернулся кислород.

Голос Боба:

- Где она?

Я не мог ответить, даже если бы знал что. Я не мог дышать. Я пытался просто переждать, пытался напомнить себе, что если постараюсь, то воздух вернётся, но было ощущение, словно кто-то держал мою голову под водой. И единственное, что мне оставалось, это верить, что в конечном итоге он меня отпустит.

Снова голос Боба:

- Джейк?

Отто сильно ударил по голове сбоку. Я перекатился на спину и увидел звёзды. Грудь начала двигаться, дыхание, наконец-то, восстанавливалось маленькими благодарными глотками. Отто снова ударил меня по голове. По углам глаз появилась темнота. Глаза закатились. Желудок мутило. Полагаю, что мне было плохо, и потому мозг работал странно, но я подумал, что это хорошо, что они вытащили ковровое покрытие, так будет легче убирать кровь.

- Где она? - снова спросил Боб.

Подорвавшись, я отполз к дальней стенке, и смог сплюнуть:

- Я не знаю, клянусь!

Я прижался спиной к стене фургона. Брусок с наручниками был как раз над моим левым плечом. Отто по-прежнему держал меня на мушке. Я не двигался. Я пытался выиграть время, чтобы отдышаться, восстановиться и начать снова адекватно мыслить. Выпивка до сих пор не выветрилась, поддёргивая всё вокруг дымкой, но боль - эффективный способ внести ясность и фокус обратно в вашу жизнь.

Я подтянул колени к груди. И ощутил что-то маленькое и зазубренное у ноги. Маленький осколок стекла, понял я, или, может быть, острая галька. Я посмотрел на пол и с возрастающим страхом увидел, что это.

Это был зуб.

Горло сдавило. Я посмотрел в сторону и увидел тень улыбки на модельном лице Отто. Он открыл коробку, явив набор ржавых инструментов. Я увидел плоскогубцы, ножовки, коробку резаков... я не стал смотреть дальше.

Боб:

- Где она?
- Я уже сказал. Я не знаю.
- Этот ответ, сказал Боб. Я видел, как качается его затылок. Очень разочаровывает.

Отто остался бесстрастным. Он по-прежнему держал пистолет, нацеленный на меня, но время от времени бросал любовный взгляд на инструменты. Мёртвые глаза начинали светиться, когда устремлялись на плоскогубцы, ножовки, резаки.

Боб снова:

- Джейк?
- Y_{TO}?
- Сейчас Отто пристегнёт тебя наручниками. И ты не выкинешь ничего

глупого. У него пистолет, и, эй, мы всегда можем вернуться на кампус и попрактиковаться в стрельбе на студентах. Ты понял?

Я снова сглотнул, голова кружилась.

- Я ничего не знаю.

Боб излишне драматически вздохнул.

- Я не спрашивал, знаешь ли ты что-нибудь, Джейк. Эм, вернее, да, спрашивал, но ранее, а теперь я спрашиваю тебя, понял ли ты то, что я сказал о наручниках и практике стрельбы по студентам. Ты понял всё это, Джейк?
  - Да.
  - Хорошо, не двигайся.

Боб включил поворотник и перестроился в левый ряд. Мы были всё ещё на автостраде.

- Давай, Отто.

У меня было мало время. Я знал это. Секунды. Как только наручники защёлкнутся на моём запястье, и я буду надежно пришпилен к стене, со мной покончено. Я посмотрел на зуб.

Хорошее напоминание о том, что должно произойти.

Отто подошёл ко мне возле задней двери. Он по-прежнему держал пистолет. Я мог бы броситься на него, но, думаю, он ожидал этого. Я думал попытаться открыть боковую дверь и выпрыгнуть, попытать удачу, если учесть, что фургон ехал со скоростью около ста километров в час по автостраде. Но дверные замки были опущены. Я бы ни за что не смог открыть её во время.

Наконец, Отто сказал:

- Хватайся левой рукой за брусок рядом с наручником. Держись всеми пальцами.

Я понял почему. Одна бы моя рука была занята. И только бы за одной я следил. Не то, чтобы это имело значение. Было нужно всего лишь пару секунд, чтобы приладить наручник на место, и тогда, гм, игра закончена. Я ухватился за брусок, и меня осенила идея.

Это было рискованное предприятие, может быть, даже невозможное, но если наручник застегнётся на запястье и прикуёт меня, то Отто на славу поработает надо мной содержимым своего маленького ящичка для инструментов...

У меня не было выбора.

Отто готовился, что я наброшусь на него. Чего он не ожидал, так того, что я пойду в другом направлении.

Я попытался расслабиться. Правильный расчёт времени решал всё. Я

высокий. И если бы не это, у меня не было бы шансов. Так же я учитывал, что Отто не собирается меня убивать, на самом деле они хотят, как намекнул Боб своей угрозой стрелять в студентов, а не в меня, чтобы я оставался живым.

У меня была секунда. Или меньше. Скорее, десятые доли секунды.

Отто потянулся к наручнику. Когда его пальцы коснулись его, я сделал шаг.

Я воспользовался рукой, которой держался за брусок, как рычагом, вскинул ногу, но не ударил Отто. Это было бы бессмысленно и ожидаемо. Вместо этого, я оттолкнулся и полетел горизонтально полу. Я не вспорхнул, как какой-нибудь ветеран боевых искусств, но если учесть мой вес и все эти проклятые упражнения, которые я выполняю, я смог выкинуть ногу, как кнут.

Я целился пяткой ботинка в голову Боба.

Отто отреагировал быстро. В тот самый момент, когда моя пятка достигла цели, Отто перехватил меня в воздухе и сбросил с силой на пол. Он схватил меня за шею и начал душить.

Но он опоздал.

Мой удар пришёлся Бобу в череп, при чём с такой силой, что его голова дёрнулась в сторону. Руки Боба инстинктивно соскользнули с руля. Автомобиль резко вильнул, и я, Отто и пистолет полетели кувырком.

Сработало.

Отто всё ещё сжимал мою шею руками, но без пистолета, это всего лишь мужчина против мужчины. Он был хорош, опытный боец. Я был хорош, опытный боец. Он был где-то метр восемьдесят ростом и весил 82 килограмма. Я почти два метра ростом и вешу 104 килограмма.

Преимущество: за мной.

Я сильно ударил его о заднюю дверь фургона. Его хватка ослабла. Я снова ударил его. Он отпустил меня. Мои глаза искали пистолет на полу.

Но не нашли.

Пока Боб пытался вернуть контроль над управлением, фургон вилял из стороны в сторону.

Я спотыкнулся и приземлился на колени. Я слышал, как что-то катается по полу туда-сюда, и в углу перед собой увидел пистолет. Я пополз вперёд, но Отто схватил меня за ногу и потянул назад. У нас завязалась короткая схватка, я пытался добраться до пистолета, он тащил меня на себя. Я пытался попасть ногой ему в лицо, но промахнулся.

Тогда Отто опустил голову и сильно укусил меня за ногу. Я испустил вопль боли.

Он вцепился зубами в мясистую часть моей икры. Запаниковав, я ударил его сильнее. Он не отпускал. Боль снова затуманила моё зрение. Фургон милостиво вильнул ещё раз. Отто отлетел вправо. Я откатился влево. Он приземлился рядом с коробкой с инструментами. Его пальцы исчезли в ней.

Где, чёрт возьми, этот пистолет?

Я не мог найти его.

С переднего сидения послышался голос Боба:

- Сдавайся, и мы не тронем студентов.

Но я не слушал эту чушь. Я посмотрел сначала налево, потом направо. Никаких признаков пистолета.

Снова показалась рука Отто. Теперь у него была резак. Он нажал на кнопку большим пальцем, и выскочило лезвие.

Внезапно, преимущество в росте перестало иметь значение.

Он начал подбираться ко мне, направив острое лезвие. Я был загнан в угол, в ловушке. По-прежнему никаких признаков пистолета. Нет никакой возможности прыгнуть на него и не порезаться хорошенько. Таким образом, у меня остался лишь один выбор.

Если вы сомневаетесь, идите по уже проторенному пути.

Я повернулся и ударил Боба по затылку.

Фургон ещё раз вильнул, заставив меня и Отто оторваться от земли. Когда я приземлился, я увидел выход. Я опустил голову и нырнул под Отто. У него по-прежнему был резак. Он набросился на меня, но я схватил его за запястье. Тогда я снова попытался использовать свой вес, как преимущество.

А спереди у Боба выдалось не простое время. Он пытался восстановить контроль над машиной.

Отто и я начали кататься по полу. Я держал одной рукой его за кисть и обхватил ногами его тело. Я вонзил свободное плечо в изгиб шеи Отто, пытаясь добраться до горла. Он опустил подбородок, блокируя меня. Тем не менее, моё плечо упиралось в его шею. Если бы я мог просто просунуть руку немного глубже...

И именно тогда это случилось.

Боб ударил по тормозам. Фургон тут же остановился. Толчок поднял нас с Отто в воздух и сильно ударил о пол. Но самое странное, что моё плечо так и осталось у его горла. Подумайте только. Мой вес плюс скорость машины и неожиданная остановка, всё это превратило моё плечо в своеобразный молот.

Я услышал ужасный треск, как будто сломался десяток влажных веток.

Трахея Отто разломилась, словно папье-маше. Моя рука сильно ударилась обо что-то, я практический чувствовал пол фургона через кожу и хрящи его шеи. Тело Отто обмякло. Я посмотрел на слащавое лицо. Его глаза были открыты, и теперь они не просто выражали безжизненность, они на самом деле были безжизненными.

Я даже надеялся, что он моргнёт. Но этого не произошло.

Отто был мёртв.

Я скатился с него.

Отто?

Это был Боб. Я увидел, что он полез в карман, и подумал, а не пистолет ли он сейчас вытащит, но у меня не было никакого настроения находиться и дальше здесь, чтобы выяснить это. Я ухватился за замок на задней двери и потянул его вверх, потом схватился за ручку и бросил последний взгляд назад прежде, чем открыть дверь.

Ага, так и есть у Боба был пистолет, и он целился в меня.

Я быстро пригнулся, и пуля просвистела над моей головой. Вот вам и нежелание, чтобы я умер. Я выкатился из фургона и больно приземлился на правое плечо. И увидел свет передних фар направляющихся на меня. Мои глаза расширились. Прямо на меня неслась машина.

Я пригнулся и перекатился ещё раз. Завизжали колёса. Машина прошла настолько близко от меня, что я почувствовал, как в лицо ударила грязь из-под колёс. Послышались гудки. Кто-то ругался.

Фургон Боба начал двигаться дальше. Облегчение разлилось по моим венам. Я с трудом переместил левое плечо в относительно безопасное место. Поскольку машины пролетали мимо, я подумал, что Боб тоже уехал.

Но он не уехал.

Фургон стоял недалеко, может быть, в двадцати метрах от того места, где я лежал, распластавшись.

По-прежнему держа в руке пистоле, Боб выпрыгнул с переднего сидения. Я выдохся. И даже не думал, что смогу двигаться, но вот, что забавно: когда у кого-то в руке пистолет, такие вещи, как боль и усталость становятся, в лучшем случае, второстепенными.

И опять же у меня был лишь один выбор.

Я прыгнул в кусты на обочине дороги. Я даже предварительно не посмотрел на них. Даже не проверил всё ли там в порядке. Я просто прыгнул. В темноте я не увидел склон. Я покатился вниз, позволяя силе тяжести унести меня прочь от дороги. Я ожидал, что скоро достигну дна, но это заняло много времени.

Я падал долго и больно. Моя голова ударилась о камень, ноги о дерево,

рёбра ... даже не знаю обо что. А я всё падал вниз. Кувырком летел сквозь заросли, всё дальше и дальше, пока глаза не начали закрываться, а мир не почернел и затих.

Глава 15

Когда я увидел свет фар, то выпустил вздох и попытался снова откатиться. Но свет преследовал меня.

- Сэр?

Я лежал, распластавшись, на спине, уставившись в небо. Интересно, как может машина светить мне прямо в лицо, если я смотрю в небо? Я поднял руку, чтобы закрыться от света. Вспышка боли разорвала сустав плеча.

- Сэр, с вами всё в порядке?

Я заслонил глаза и прищурился. Свет от двух фар объединился в свет одного фонарика. Человек, который держал его, убрал луч с моих глаз. Я моргнул и увидел рядом с собой полицейского. Я медленно сел, всё тело с криком протестовало.

- Где я? спросил я.
- Вы не знаете, где вы?

Я потряс головой, пытаясь вернуть ясность. Вокруг была непроглядная темнота. Я лежал в каком-то кустарнике. На мгновение вспыхнули воспоминания о первом курсе в колледже, тот случай, когда я так же закончил вечер неуёмного потребления алкоголя по неопытности в кустах.

- Как вас зовут, сэр? спросил полицейский.
- Джейк Фишер.
- Мистер Фишер, вы пили сегодня?
- На меня напали.
- Напали?
- Два человека с оружием.
- Мистер Фишер?
- Да?

У полицейского был тот самый снисходительно-терпеливый-полицейский тон:

- Вы пили сегодня?
- Да. Но гораздо раньше.
- Мистер Фишер, я патрульный Джон Онг. Кажется, у вас есть травмы. Вы хотите, чтобы вас доставили в госпиталь?

Я изо всех сил пытался сфокусироваться. Но каждая мысль, казалось, проходила через какую-то искажающую сетку.

- Не уверен.

- Мы вызовем скорую.
- Не думаю, что это необходимо, я огляделся. Где я?
- Мистер Фишер, можно увидеть ваши документы, пожалуйста?
- Конечно, я потянулся к заднему карману, но вспомнил, что я положил кошелёк и телефон на переднее сидение рядом с Бобом.
  - Они украли их.
  - Кто?
  - Те два мужчины, которые напали на меня.
  - Те парни с оружием?
  - Да.
  - Это было ограбление?
  - Нет.

Перед глазами замелькали картинки: моё плечо на горле Отто, резак в его руке, ящик с инструментами, наручники, тот голый, ужасный, парализующий страх, который внезапно прекратился, хлюпающий звук, когда его трахея треснула, словно ветка. Я закрыл глаза и попытался отогнать воспоминания.

А затем, больше себе, чем патрульному Онгу:

- Я убил одного из них.
- Простите?

Теперь в моих глазах появились слёзы. Я не знал, что делать. Я убил человека, но это было одновременно и несчастный случай и самозащита. Мне нужно объясниться. Я не могу держать это в себе. Но меня не проведёшь. Многие студенты, изучающие политологию, так же проходят курс введения в право. Большинство моих приятелей-преподавателей даже получили учёные степени в области права и были приняты в коллегию адвокатов. Я знаю многое о Конституции и о том, как право и наша правовая система работают. Вкратце, вам нужно быть внимательным к тому, что говоришь. Но сказанного не воротишь. И я хотел всё рассказать. Мне это нужно было. Но я не мог просто взять и сознаться в убийстве.

Я услышал сирены и увидел, как подъехала скорая.

Патрульный Джон Онг снова посветил мне в глаза. Это не могло быть случайностью.

- Мистер Фишер?
- Я хочу позвонить своему адвокату, сказал я.

* * *

У меня не было адвоката.

Я единственный профессор в колледже, у которого нет приводов в прошлом и очень мало средств. Зачем мне был бы нужен адвокат?

- Ладно, у меня есть хорошая и плохая новость, - сказал Бенедикт.

Вместо того, чтобы вызвать адвоката, я позвонил Бенедикту. Бенедикт не был членом коллегии адвокатов, но у него был курс юриспруденции в Стэнфорде. Я сидел на одной из этих каталок, которые покрывают кровенепроницаемым материалом. Я был в приёмном отделении маленького госпиталя. Дежурный врач, который выглядел почти таким же измотанным, как и я, сказал мне, что, вероятно, я получил сотрясение мозга. Моя голова болела именно так. Так же у меня были различные ушибы, порезы и, возможно, растяжение связок. Он не знал, откуда у меня следы зубов. Действие адреналина начало отступать, а боль и уверенность набирать силу. Он обещал выписать мне Перкоцет [8].

- Слушаю, сказал я.
- Хорошая новость в том, что копы думают, что ты чокнутый и не верят ни слову, что ты говоришь.
  - А плохая новость?
- Я склонен согласиться с ними, хотя думаю, что главную роль в появлении галлюцинаций сыграл алкоголь.
  - На меня напали.
- Да, я понял, сказал Бенедикт. Два мужчины с оружием на фургоне, ещё что-то там было на счёт электроинструментов.
  - Просто инструментов. Никто ничего не говорил про электро.
- Ага, точно, неважно. А ещё ты много выпил и сразу же встретил незнакомцев.

Я вытащил ногу и показал отметины от укуса на икре.

- И как ты это объяснишь?
- Венди могла оказаться ещё той дикаркой.
- Винди, поправил я его. Хотя это было бессмысленно. И что дальше?
- Я не хочу хвастаться, сказал Бенедикт. Но у меня есть для тебя первоклассный юридический совет, если ты хочешь его услышать.
  - Хочу.
  - Хватит уже сознаваться в убийстве человека.
  - Вау! И ты ещё не хотел хвастаться.
- Это есть во многих книгах по юриспруденции, сказал Бенедикт. Смотри, номер, который ты назвал? Не существует. Нет ни тела, ни признаков насилия, ни преступления, лишь незначительные нарушения с твоей стороны, ты был пьян, незаконно вкатился с холма на задний двор

человека. Копы согласились отпустить тебя, если ты уплатишь штраф. Так что давай просто поедем домой, и потом мы во всём сможем разобраться, хорошо?

С этой логикой сложно спорить. Было бы мудрым решением выбраться из этого места, вернуться на кампус, отдохнуть, перегруппироваться и восстановиться, и рассмотреть всё, что произошло в отрезвляющем свете обычного дня. Плюс, я изучал конституцию целый семестр. Пятая поправка защищает нас от самооговора. Может быть, мне следует ей сейчас воспользоваться.

Бенедикт вёл машину. Моя голова кружилась. Доктор дал мне такую дозу лекарства, что меня подняло и швырнуло прямо в страну сумасшедших. Я пытался сконцентрироваться, но, отбросив алкоголь и лекарства, от угрозы жизни не так-то легко отойти. Я буквально боролся за то, чтобы выжить. Что вообще происходит? Какое отношение ко всему этому имеет Натали?

Когда мы припарковались на стоянке для сотрудников, я увидел машину полиции кампуса рядом со своей входной дверью. Бенедикт вопросительно посмотрел на меня. Я пожал плечами и вышел из машины. Прилив крови к голове почти повалил меня на землю. Я с трудом удержал стоячее положение и осторожно пошёл по тропинке. Эвелин Стеммер, глава полиции кампуса, миниатюрная женщина, всегда готовая улыбнуться. Сейчас улыбки на её лице не было.

- Мы пытались дозвониться до вас, профессор Фишер, сказала она.
- Мой телефон украли.
- Понятно. Не возражаете пройти со мной?
- Куда?
- В резиденцию президента. Президенту Триппу нужно поговорить с вами.

Бенедикт встал между нами.

- В чём дело, Эвелин?

Она посмотрела на него так, как будто он только что вылез из прямой кишки носорога.

- Лучше, пусть президент Трипп говорит. Я всего лишь передала поручение.

Я был слишком уставшим, чтобы протестовать. Да и какой в этом был смысл? Бенедикт хотел поехать с нами, но я подумал, что не пристало мне в моём положении брать друга к боссу. На переднем сидении полицейской машины было что-то вроде компьютера. Мне нужно было сесть на заднее сидение, как настоящему преступнику.

Президент жил в двадцати-двух комнатной, каменной резиденции в 900 квадратных метров, выполненной в стиле, который некоторые эксперты называют "сдержанный неоготический". Не знаю точно, что это значит, но здание впечатляющее. Я так же не видел необходимости в полицейской машине, потому что вилла располагалась на холме с видом на спортивные площадки, может быть, в трёхстах-пятидесяти метрах от стоянки персонала. Полностью отремонтированный два года назад, дом может разместить не только молодую семью президента, но и, что важнее, служить местом для проведения мероприятий по сбору денежных средств.

Меня сопроводили в кабинет, который выглядел точно так же, как и кабинет президента в колледже, разве что изящнее и более лощённым. Если вдуматься, прямо как новый президент. Джек Трипп был изящным и лощённым с небрежной причёской и ошеломляющими зубами. Он пытался вписаться, одеваясь в твид, но твид слишком дорогостоящий и специфичный для честного преподавателя. Его нагрудные карманы были слишком ровными. Студенты насмешливо называли его "позёр". Опять же, я не уверен, что вполне понимаю смысл этого слова, но оно мне кажется подходящим.

Я ужа давно понял, насколько важны для человека стимулы, поэтому простим президенту некоторые слабости. Его работа, хотя и названа высокопарным языком научных кругов, заключалась в том, чтобы повысить доходы. И точка. Это есть, или, должно быть, его основной заботой. Как я понял, лучший президент - тот, кто это понимает, и на занятие всем остальным отводит минимальное количество времени. Если пользоваться этим определением, то президент Трипп очень хорошо выполнял свою работу.

- Присаживайся, Джейкоб, - сказал Трипп, глядя мимо меня на Стеммер. - Эвелин, не могла бы ты закрыть дверь, когда будешь уходить?

Я сделал, как просил Трипп. Эвелин Стеммер тоже.

Трип сидел за богато украшенным столом. Это был большой стол. Слишком большой и слишком заносчивый. Когда я раздражён, то замечаю, что стол мужчины, как и его машины, зачастую представляет собой, эм, компенсацию. Трипп сложил руки на столе, такого размера, что на него можно посадить вертолёт, и сказал:

- Ты чертовски плохо выглядишь, Джейкоб.

Я подавил желание сказать:

"Видел бы ты другого парня".

Потому что тогда бы последовала реплика в очень дурном тоне:

"Лучше не будем говорить о твоих полуночных деяниях".

- Похоже, ты ранен.
- Я в порядке.
- Тебе надо бы показаться врачу.
- Уже.

Я нашёл положение поудобнее. Лекарства сделали всё туманным, как будто глаза были покрыты тонкими полосками марли.

- В чём дело, Джейк?

На мгновение он раскинул руки и затем снова положил их на стол.

- Ты не хочешь рассказать мне о прошлой ночи?
- А что такого было прошлой ночью? спросил я.
- Это ты мне расскажи.

Так, мы играем в игры. Понятно. Ладно, я буду первым:

- Я выпивал с другом в баре. Перебрал. Когда я возвращался домой, двое мужчин напали на меня. Они, эм, похитили меня.

Его глаза расширились:

- Двое мужчин похитили тебя?
- Да.
- Kто?
- Они сказали, что их зовут Боб и Отто.
- Боб и Отто?
- Они так сказали.
- И где теперь они?
- Не знаю.
- Они в полиции?
- Нет.
- Но ты же сообщил в полицию?
- Сообщил. Может быть, ты расскажешь, в чём собственно дело?

Трипп поднял руку, как будто неожиданно понял, что стол липкий. Он свёл нижние части ладоней вместе, и начал барабанить кончиками пальцев.

- Ты знаешь студента, которого зовут Барри Уоткинс?

У меня ёкнуло сердце.

- Он в порядке?
- Ты знаешь его?
- Да. Один из тех людей, которые схватили меня, ударил его в лицо.
- Понятно, сказал он, как будто вообще ничего не понимал. Когда?
- Мы стояли возле фургона. Барри позвал меня и подбежал к нам. Прежде, чем я успел развернуться, один из тех парней ударил его. Барри в порядке?

Кончики пальцев забарабанили ещё сильнее.

- Он в больнице с переломами лица. Этот удар нанёс ему сильный вред.

Я откинулся назад.

- Чёрт.
- Его родители тоже расстроены. Они говорят, что хотят подать иск.

Иск - слово, вселяющее страх в сердце любого бюрократа. Я уже даже ожидал, что послышится музыка из фильмов ужасов.

- Барри Уотсон ничего не говорил о двух других мужчинах. Он помнит, что позвал тебя, побежал к тебе и всё. Двое других студентов вспомнили, что видели, как ты улепётывал в фургоне.
  - Я не улепётывал. Я сидел сзади фургона.
- Понятно, сказал он тем же тоном. Когда эти два студента подоспели, Барри лежал на земле в крови. А ты уезжал.
  - Я не был за рулём. Я сидел сзади.
  - Понятно.

Опять это "Понятно". Я нагнулся ближе к нему. Стол был абсолютно пустым, за исключением слишком аккуратной стопки бумаг и, конечно же, необходимой семейной фотографии с блондинкой-женой, двумя очаровательными детьми и собакой с небрежной шерстью, прямо как волосы у Триппа.

Больше ничего. Большой стол. И ничего на нём.

- Я хотел увести их как можно дальше от кампуса, особенно, когда они применили силу. Поэтому я быстро начал сотрудничать.
- И под ними ты подразумеваешь, двух мужчин, которые... похитили тебя?
  - Да.
  - Кто эти люди?
  - Не знаю.
  - Они, что, похитили тебя с целью получения выкупа?
- Сомневаюсь, сказал я, понимая, как идиотски это звучит. Один вломился в мой дом. Другой ждал в фургоне. Они настаивали, чтобы я поехал с ними.
  - Ты очень крупный мужчина. Сильный. Физически пугающий.

Я ждал.

- Как они убедили тебя пойти с ними?

Я пропустил часть о Натали и вместо этого кинул бомбу:

- Они были вооружены.

Его глаза снова расширились.

- Пистолетами?

- Да.
- Настоящими?
- У них были настоящие пистолеты, да.
- Откуда ты знаешь?

Я решил не упоминать, что один стрелял в меня. Интересно, могла ли полиция найти пули на автостраде. Нужно проверить.

- Ты ещё кому-нибудь говорил об этом? спросил Трипп, когда я не ответил.
  - Я рассказал полицейским, но не уверен, что они мне поверили.

Он откинулся назад и начал постукивать по губе. Я знал, что он думает: "Как отреагируют студенты, их родители и важные выпускники, если узнают, что на кампусе были вооружённые люди? Они не только были на кампусе, но если я говорю правду, что сомнительно в лучшем случае, они похитили профессор и напали на студента.

- Но ты же был довольно пьян в то время, так ведь? Ну вот. Приплыли.
- Да.
- У нас на кампусе в центре квадрата есть камера безопасности. Ты шёл мимо неё нетвёрдой походкой зигзагами.
  - Такое случается, когда выпиваешь слишком много.
- Так же нам сообщили, что ты ушёл из Библиотечного бара в час ночи... и, тем не менее, ты не был замечен нигде на кампусе до трёх часов.

Я снова ждал.

- Где ты был в течение двух часов?
- Зачем ты спрашиваешь?
- Потому что я расследую нападение на студента.
- Мы знаем, что событие произошло после трёх часов. Что, ты думаешь, что эти два часа я планировал это?
- Последнее, что тебе сейчас нужно, Джейкоб, это сарказм. Это серьёзное дело.

Я закрыл глаза и почувствовал, как комната начала вращаться. В чёмто он был прав.

- Я ушёл с дамой. Но это абсолютно не имеет значения. Я бы никогда не ударил Барри. Он приходил ко мне в офис каждую неделю.
- Да, он тоже тебя защищает. Он сказал, что ты его любимый преподаватель. Но я должен апеллировать фактами, Джейкоб. Ты понимаешь, так ведь?
  - Понимаю.
  - Факт: Ты был пьян.

- Я профессор колледжа. Выпивать это практически часть работы.
- Это не смешно.
- Но правда. Чёрт возьми, я был на вечеринках в этом доме, и ты тоже не боишься опрокинуть стаканчик-другой.
  - Ты совсем не помогаешь себе.
  - Я и не пытаюсь. Я пытаюсь рассказать правду.
- Ладно, факт: Вдруг выясняется, что пока ты был в забытье, у тебя случился секс на дну ночь.
- Мы не были в забытье. Это именно то, о чём я говорю. Ей около тридцати, и она не работает в колледже. И что с того?
  - А то, что после этого всего, на студента напали.
  - Но не я.
- И всё же, есть некая связь, сказал он, откинувшись назад. Я не вижу другого выбора, как просить уйти тебя в отпуск.
  - Из-за выпивки?
  - Из-за всего.
  - Но я сейчас в середине курса...
  - Мы найдём замену.
- У меня есть обязательства перед студентами. Я не могу просто бросить их.
- Возможно, сказал он с металлом в голосе. Тебе следовало думать об этом прежде, чем напиваться.
  - Выпивка не преступление.
- Нет, но твои действия после..., его голос затих, и улыбка растянула губы. Забавно.
  - YTO?
- Я слышал о твоей стычке с профессором Трейнором несколько лет назад. Разве ты не видишь параллели?

Я ничего не ответил.

- Знаешь, как говорили древние греки, - продолжил он. - Горбатый не видит горб на своей спине.

Я кивнул.

- Глубокомысленно.
- Ты всё шутишь, Джейкоб, но ты действительно думаешь, что непорочен?

Я не знал, что и подумать:

- Я не думаю, что я непорочен.
- А что просто лицемер? вздохнул он слишком глубоко. Мне не нравится делать это с тобой, Джейкоб.

- Я слышу "но".
- Ты знаешь, что это за "но". Полиция расследует твоё заявление? Я не знал, что ответить, поэтому решил говорить правду.
- Не знаю.
- Так, может и к лучшему, что ты возьмёшь отпуск, пока всё не разрешится.

Я собирался запротестовать, но остановился. А он прав. Если забыть обо всей политической чепухе и судебных исках. Правда в том, что я могу подвергнуть студентов опасности. Из-за моих действий, фактически, уже серьёзно пострадал один студент. Я могу придумывать какие угодно оправдания, но если бы я сдержал обещание, данное Натали, то Барри бы сейчас не лежал в больнице с переломами лицевых костей.

Могу ли я рисковать тем, что это случится ещё раз?

Нужно не забывать, что Боб ещё где-то на свободе. Он может захотеть отомстить за Отто, или, по крайней мере, закончить работу или заставить замолчать свидетеля. Оставшись здесь, разве я не поставлю под угрозу благополучие своих студентов?

Президент Трипп начал перебирать бумаги на столе, явный признак, что мы закончили.

- Пакуй вещи, - сказал он. - Я бы хотел, чтобы ты покинул кампус в течение часа.

Глава 16

К полудню следующего дня я вернулся в Пальметто Блафф.

Я постучал в дверь дома, который располагался в тихом тупике. Делия Сандерсон, Тодда Сандерсона, эм, вдова, открыла дверь с грустной улыбкой. Она обладала тем, что многие могли бы назвать особой красотой жилистой крестьянки. У неё были грубые черты лица и большие руки.

- Спасибо за то, что приехали, профессор.
- Пожалуйста, сказал я, ощутив укол совести. Зовите меня Джейк.

Она отошла в сторону и пригласила меня войти. Дом был милым, выполненный в современном искусственном викторианском стиле, который был, кажется, в моде в силу новейших изобретений. Участок примыкал к полю для гольфа. Атмосфера была зелёной и спокойной.

- Не могу передать, как сильно ценю то, что вы приехали. Ещё один укол совести.

- Пожалуйста, это честь для меня.
- И всё же. Колледж отправил профессора...
- Это не большое дело, попытался я улыбнуться. Неплохо, иногда выбраться.
- Я благодарна, произнесла Делия Сандерсон. Наших детей сейчас нет дома. Я отправила их обратно в школу. Хоть мы и горюем, нужно чтонибудь заниматься, понимаете, о чём я?
  - Понимаю.

Я не сказал ничего конкретного, когда звонил ей вчера. Я просто сказал, что я профессор в альма-матер Тодда и что я надеялся заехать к ней домой, чтобы поговорить об её ушедшем муже и выразить соболезнования. Разве я, каким либо образом намекнул, что я приеду от имени колледжа? Скажем так, я не препятствовал такому образу мыслей.

- Хотите кофе? - спросила она.

Я уже давно понял, что люди имеют склонность расслабляться, когда делают простые вещи и чувствуют, что обустроили гостей комфортно. Я ответил согласием.

Мы стояли в вестибюле. Официальные комнаты, где обычно принимают гостей, располагались справа. Жилые комнаты и кухня - слева. Я пошёл за ней на кухню, понимая, что неофициальная обстановка может так же сделать её более открытой.

Не было никаких признаков недавнего взлома, но что именно я ожидал

найти? Кровь на полу? Перевёрнутую мебель? Открытые ящики? Жёлтую полицейскую ленту?

Лощёная кухня была дорогой, и в ней было ещё больше дорогой техники, чем в медиа-зале. Огромный телевизор висел на стене. Диван был буквально завален пультами и джостиками от Xbox. Да, я знаю, что такое Xbox. У меня такой есть. Я люблю играть в Madden. Осудите меня.

Она направилась к одной из те кофемашин, в которых используют кофе в таблетках. Я сел на стул у гранитного кухонного бара. Она показала мне удивительно большой выбор кофе в таблетках.

- Какой хотите? спросила она.
- На ваше усмотрение.
- Вы любитель крепкого кофе? Спорим, что да.
- Вы выиграли спор.

Она открыла кофе машину и положила туда таблетку под названием "Реактивное топливо". Казалось, машина поглотила таблетку и начала писаться кофе. Ага, знаю, аппетитная фигура речи.

- Вы пьёте чёрный? спросила она.
- Я не настолько любитель крепкого кофе, сказал я и попросил немного молока и подсластителя.

Она передала мне кружку.

- Вы не выглядите, как профессор.

Я частенько такое слышу.

- Мой твидовый пиджак в чистке. Сожалею о вашей потере.
- Спасибо.

Я сделал глоток кофе. Зачем я здесь? Мне нужно было выяснить, был ли Тодд Делии Сандерсон Тоддом Натали. И если это был один и тот же человек, то, как такое возможно? Что значит его смерть? И какие секреты могла хранить эта женщина?

Конечно же, я не знал ответы на эти вопросы, но я хотел попытаться узнать что-нибудь. Это значит, что, возможно, мне придётся на неё надавить. Меня совсем не украсит подталкивание к нужной мне информации женщины, которая настолько явно горюет. Чтобы я не напридумывал, что произойдёт здесь, на самом деле я не имел и понятия, но Делии Сандерсон было очевидно очень больно. Можно было увидеть напряжение на её лице, поникшие плечи, красные капилляры глаз.

- Не знаю, как спросить поделикатнее... - начал я.

И остановился, надеясь, что она заглотит приманку. Она так и сделала.

- Вы хотите знать, как он умер?
- Если я вмешиваюсь не в своё дело...

- Всё в порядке.
- В газетах пишут, что это произошло во время грабежа с взломом.

С её лица сошёл цвет. Она снова отвернулась к кофе-машине. Она повертела в руках одну таблетку для кофе, подняла её, положила обратно, взяла другую.

- Извините, сказал я. Вам не обязательно дальше рассказывать.
- Это не был грабёж.

Я затих.

- В смысле, ничего не было украдено. Разве не странно? Если бы это был грабёж, то наверняка, было бы что-нибудь украдено, так? Но они просто...

Она захлопнула крышку кофе-машины.

- Они?
- Что?
- Вы сказали "они". Грабитель бы не один?

Она по-прежнему стояла ко мне спиной.

- Не знаю. Полиция не будет заниматься домыслами. Но я просто не представляю, как один человек мог сделать...

Она уронила голову. Мне показалось, что я увидел дрожь в её коленях. Я поднялся и пошёл к ней, но, чёрт возьми, кто я ей такой? Я остановился и тихо вернулся на место.

- По идее, мы должны быть здесь в безопасности, - сказала Делия Сандерсон. - Охраняемый коттеджный городок. Это должно было защитить нас от всего плохого.

Застройка была огромной, акры и акры культивированной земли. На въезде в городок были своего рода ворота, маленький домик на входе и стальной шлагбаум, который, когда нужно было проехать, поднимал охранник, кивнув и нажав на кнопку. Никто не может быть застрахован от плохих событий, не тогда, когда плохое настроено решительно. Возможно, ворота и были сдерживающим фактором для лёгких проблем. Быть может, они добавили дополнительных хлопот, посему эти проблемы решали найти добычу полегче. Но настоящая защита? Нет. Ворота были больше для показухи.

- Так почему вы думаете, что взломщиков было несколько?
- Думаю... Думаю, что просто не могу поверить, как один человек может причинить столько вреда.
  - Что вы имеете в виду?

Она покачала головой. Одним пальцем она вытерла один глаз потом другой. Повернулась и посмотрела на меня.

- Давайте поговорим о чём-нибудь другом.

Я хотел продолжить эту тему, но знал, что тогда выйду из образа. Я ведь играл роль профессора из её мужа альма-матер, приехавшего навестить её. Плюс, эм, я всё же человек. Настало время отступить и попробовать другой путь.

Я встал настолько аккуратно, насколько мог, и пошёл к холодильнику. Там были десятки семейных фотографий в форме коллажа. Фотографии были странным образом абсолютно не впечатляющими, слишком предсказуемыми: рыбалка, Диснейленд, выступления, рождественские фотографии на пляже, школьные концерты, вручение аттестата. Похоже, холодильник не пропустил ни одного мгновения жизни этого семейства. Я наклонился и принялся изучать лицо Тодда на всех фотографиях, которые мне попадались.

Тот ли это человек?

На каждой фотографии на холодильнике он был чисто выбрит. У человека, которого я видел, была модная раздражающая щетина. Её, конечно же, можно вырастить за несколько дней, но это было бы странно. Так что, я снова и снова задавался вопросом: этот ли мужчина женился на Натали?

Я спиной ощущал взгляд Делии.

- Я встречался с вашим мужем однажды, сказал я.
- Да?

Я повернулся к ней.

- Шесть лет назад.

Она взяла свой кофе, очевидно, он был чёрный, и села на другой стул.

- Где?

Я продолжал смотреть ей в глаза, когда произнёс:

- В Вермонте.

На её лице не отобразилось никакого большого потрясения или чего-то подобного, оно лишь слегка вытянулось.

- В Вермонте?
- Да. В городе Крафтборо.
- Вы уверены, что это был Тодд?
- Это было в конце августа, объяснил я. Я остановился в усадьбе.

Теперь она явно была сбита с толку.

- Не припомню, чтобы Тодд когда-либо ездил в Вермонт.
- Шесть лет назад, снова повторил я. В конце августа.
- Да, я услышала это ещё в первый раз.

Теперь в её тоне появился намёк на раздражение.

Я показал на холодильник.

- Он выглядел не совсем так.
- Не понимаю.
- Его волосы были длиннее. И у него была щетина.
- У Тодда?
- Да.

Она задумалась, а потом лёгкая улыбка появилась на её губах.

- Теперь я поняла.
- Что?
- Почему вы проделали весь этот путь сюда.

Я с нетерпением ждал продолжения.

- А я всё не могла взять в толк. Тодд ведь не был действующим членом сообщества выпускников или чего-то в этом духе. Сомневаюсь, что у колледжа был более чем мимолётный интерес к нему. А теперь все эти разговоры о мужчине в Вермонте...

Она замолчала и пожала плечами.

- Вы перепутали моего мужа с другим мужчиной. С тем Тоддом, которого вы встретили в Вермонте.
  - Нет, я абсолютно уверен, что...
- Тодд никогда не был в Вермонте. Я уверена. И каждый август на протяжении последних восьми лет, он ездил в Африку делать операции нуждающимся. Так же он брился каждый день. Я имею в виде, абсолютно каждый, даже в ленивое воскресенье. Тодд не прожил и дня, не побрившись.

Я бросил ещё один взгляд на холодильник. Могло ли такое быть? Могло ли быть всё так просто? Что это просто не тот человек. Я рассматривал такую возможность и прежде, но сейчас я, наконец, поверил в неё.

В некотором смысле, это уже ничего не меняет. По-прежнему, был емайл от Натали. По-прежнему были Отто и Боб, всё, что произошло. Но теперь я мог оставить в прошлом версию связи смерти Тодда и всего остального.

Теперь Делия открыто изучала меня.

- Что происходит? Почему вы на самом деле здесь?

Я достал бумажник и вытащил оттуда фотографию Натали.

Довольно странно, что у меня была лишь одна её фотография. Она не любила фотографии, но эту я сделал, пока она спала. Не знаю почему. Или, всё-таки, знаю. Я передал её Делии Сандерсон и ждал реакции.

- Странно, - сказала она.

- Что?
- Её глаза закрыты, она посмотрела на меня. Вы сделали эту фотографию?
  - Да.
  - Пока она спала?
  - Да. Вы её знаете?
- Нет, она снова посмотрела на фотографию. Она для вас много значит, так ведь?
  - Да.
  - Кто она?

Входная дверь открылась.

- Maм?

Она положила фотографию и крикнула в направлении, откуда шёл голос.

- Эрик? Всё в порядке? Ты рано вернулся.

Я пошёл за ней по коридору. Я узнал её сына с хвалебной речи на похоронах. Он смотрел мимо матери, сверля меня взглядом.

- Кто это? спросил он. Его тон был на удивление враждебным, как будто он подозревал, что я пришёл сюда, чтобы обидеть его мать.
- Это профессор Фишер из Лэнфорда, сказала она. Он приехал сюда, чтобы узнать о твоём отце.
  - Узнать что?
- Я просто хотел выразить свои соболезнования, сказал я, пожимая руку молодого человека. Я очень сочувствую вашей утрате. Весь колледж сочувствует.

Он пожал мою руку и ничего не ответил. Мы стояли в холле, как три незнакомца на коктейльной вечеринке, ощущающие себя неловко, поскольку их ещё не представили друг друга.

Эрик нарушил молчание.

- Я не смог найти свои бутсы, сказал он.
- Ты оставил их в машине.
- О, точно. Я только возьму их и сразу обратно.

Он выбежал на улицу. Мы посмотрели ему вслед, возможно, думая об одном и том же, его будущее без отца смутно вырисовывалось перед нами. Мне больше нечего здесь было делать. Пора оставить эту семью в покое.

- Лучше я пойду, сказал я. Спасибо, что уделили мне время.
- Пожалуйста.

Когда я повернулся к двери, то невольно взглянул на гостиную. Моё сердце остановилось.

- Профессор Фишер?

Моя рука лежала на дверной ручке. Прошли секунды. Не знаю сколько. Я так и не повернул ручку, я вообще не двигался, даже не дышал. Я просто смотрел в гостиную, мимо восточного ковра, на место над камином.

Делия Сандерсон повторила:

- Профессор?

Её голос был очень далеко.

Наконец, я отпустил ручку и пошёл в гостиную, по восточному ковру, прямо к камину. Делия Сандерсон шла за мной.

- С вами всё в порядке?

Нет. Со мной ничего не в порядке. Я не ошибался. Если до этого у меня были вопросы, теперь они закончились. Нет никакого совпадения, никакой ошибки, никаких сомнений: Тодд Сандерсон был тем мужчиной, за которого Натали выходила замуж шесть лет назад.

Я скорее чувствовал, чем видел, что Делия Сандерсон стоит рядом со мной.

- Она трогает меня, - сказала она. - Я могу стоять здесь часами и всегда нахожу что-то новое.

Я понимал. С одной стороны домик был освещён мягким утренним свечением с розовым оттенком, который появляется с первыми лучами солнца. У него были тёмные окна, как будто домик был некогда согрет человеческим теплом, а ныне покинут.

Это была картина Натали.

- Она вам нравится? спросила Делия.
- Да. Очень.

Глава 17

Я сел на диван. Делия Сандерсон в этот раз не предложила мне кофе. Она налила на два пальца дорогостоящего Макаллан [9]. Было рано, и как мы уже выяснили, я не большой то умелец пить, но я с благодарностью принял стакан трясущимися руками.

- Вы не хотите рассказать, в чём дело? - спросила Делия.

Я не знал, как объяснить всё так, чтобы не показаться сумасшедшим, посему я начал с вопроса.

- Как у вас оказалась эта картина?
- Тодд купил её.
- Когда?
- Не знаю.
- Подумайте.
- Какое это имеет значение?
- Пожалуйста, сказал я, пытаясь сохранить голос спокойным. Не могли бы вы просто сказать мне, когда и где он её купил?

Она подняла глаза и задумалась.

- Не помню где. Но когда... Это была наша годовщина. Пять, может быть, шесть лет назад.
  - Шесть, сказал я.
  - Опять эти шесть. Я ничего не понимаю.

Я не увидел причины, чтобы лгать, и что хуже, я не видел пути, как сказать правду и смягчить удар.

- Помните, я показывал вам фотографию спящей женщины?
- Это было две минуты назад.
- Точно. Она нарисовала эту картину.

Делия нахмурилась.

- О чём вы говорите?
- Её зовут Натали Эйвери. Это была она на фотографии.
- Это... она покачала головой. Не понимаю. Я думала, что вы преподаёте политологию.
  - Преподаю.
- Так, вы что своего рода историк? Эта женщина тоже выпускница Лэнфорда?
  - Нет, ничего подобного. Я оглянулся на домик на холме. Я ищу её.
  - Художницу?

- Да.

Она начала изучать моё лицо.

- Она пропала?
- Не знаю.

Наши глаза встретились. Я не кивнул, она тоже.

- Она много значит для вас.

Это был не вопрос, но я всё равно ответил.

- Да. Но я так понимаю, что это не имеет значения.
- Нет, согласилась Делия. Но вы верите, что мой муж знал что-то о ней. Поэтому вы здесь.
  - Да.
  - Почему?

Опять же я не видел смысла лгать.

- Это прозвучит, как безумие.

Она ждала.

- Шесть лет назад, я видел, как ваш муж женился на Натали Эйвери в маленькой часовне в Вермонте.

Делия Сандерсон моргнула два раза. Встала с дивана и начала отступать от меня.

- Думаю, вам лучше уйти.

Пожалуйста, просто выслушайте меня.

Она закрыла глаза, но, эй, вы не можете закрыть уши. Я говорил быстро. Я рассказал то, что произошло на свадьбе шесть лет назад, о том, как увидел некролог Тодда, как пришёл на похороны, о том, что верил, что, возможно, я ошибся.

- Вы ошиблись, сказала она, когда я закончил. По-другому и быть не может.
  - Так что тогда, эта картина совпадение?

Она ничего не ответила.

- Миссис Сандерсон?
- Так, чего вы хотите? спросила она мягким голосом.
- Я хочу найти её.
- Зачем?
- Вы знаете зачем.

Она кивнула.

- Потому что вы её любите.
- Да.
- Даже, несмотря на то, что видели, как она выходит замуж за другого мужчину шесть лет назад.

Я не потрудился ответить. Дом был невыносимо тихим. Мы оба повернулись и посмотрели на домик на холме. Мне хотелось изменить чтонибудь. Я хотел, чтобы солнце поднялось чуть выше или увидеть свет в окне.

Делия Сандерсон отошла на несколько метров от меня и вытащила телефон.

- Что вы делаете? спросил я.
- Вчера после того, как вы позвонили, я искала информацию о вас в интернете.
  - Хорошо.
  - Я хотела быть уверена, что вы тот за, кого себя выдаёте.
  - А кем я ещё мог быть?

Делия Сандерсон проигнорировала вопрос.

- На сайте Лэнфорда есть ваша фотография. И прежде, чем открыть дверь, я посмотрела на вас в глазок.
  - Я не понимаю.
- Думаю, лучше перебдеть, чем недобдеть. Я боялась, что может быть тот, кто убил моего мужа...

Теперь я понял.

- Вернулся за вами?

Она пожала плечами.

- Но вы увидели, что это я.
- Да. Поэтому и позволила вам войти. А теперь я в раздумьях. В смысле, вы пришли сюда под ложный предлогом. Откуда мне знать, что вы не один из них?

Я не знал, что ответить.

- Так что я буду держаться от вас подальше, если вы не против. Я стою рядом с входной дверью. Если я увижу, что вы начали поднимать, я нажму на кнопку набора 911 и убегу. Вы поняли?
  - Я не...
  - Вы поняли?
- Конечно, сказал я. Я не сдвинусь с места. Но могу я задавать вопрос?

Она жестом показала продолжать.

- Откуда вы знаете, что у меня нет пистолета?
- Я наблюдала за вами с тех пор, как вы пришли. В вашей одежде нет места, чтобы спрятать его.

Я кивнул. А затем сказал:

- Вы же на самом деле не думаете, что я пришёл сюда, чтобы

причинить вам вред?

- Не думаю. Но, как я уже говорила, лучше перебдеть, чем недобдеть.
- Знаю, что история о свадьбе в Вермонте выглядит бредовой.
- Так и есть. И всё же она слишком бредовая, чтобы быть ложью.

Мы замолчали на мгновение. Наши глаза снова устремились на домик на холме.

- Он был таким хорошим человеком, - сказала Делия. - Тодд мог сделать состояние на частной практике, но почти всё время работал в "Новом начале". Вы знаете, что это такое?

Название не было абсолютно незнакомым, но я не мог вспомнить, где его слышал.

- Боюсь, что нет.

Она улыбнулась.

- Вау, вы совсем не подготовились до прихода сюда. "Новое начало" - это благотворительный фонд Тодда и ещё нескольких выпускников Лэнфорда. Он был его страстью.

Теперь я вспомнил. В некрологе было упоминание об этом, хотя я и не знал, что здесь была связь с Лэнфордом.

- Чем занимается "Новое начало"?
- Оперировали волчьи пасти заграницей. Работали с ожогами и шрамами и выполняли другие необходимые косметические операции. Их вмешательство в жизнь людей носило судьбоносный характер. Как следует из названия, они давали людям новую жизнь. Тодд посвятил этому всю жизнь. Когда вы говорите, что видели его в Вермонте, то я понимаю, что это не может быть правдой. Тогда он работал в Нигерии.
  - Вот только, сказал я. Он не работал там.
  - Так, вы хотите сказать вдове, что её муж лгал ей.
- Нет. Я говорю, что Тодд Сандерсон был в Вермонте двадцать восьмого августа, шесть лет назад.
  - Женился на вашей бывшей девушке-художнице?

Я не потрудился ответить.

Слеза побежала по её щеке.

- Они поранили Тодда прежде, чем убить. Они поранили его очень сильно. Зачем кому-то такое делать?
  - Не знаю.

Она покачала головой.

- Когда вы говорите, что они ранили его, произнёс я медленно. Вы имеет в виду, что они не просто его убили?
  - Да.

Я снова не знал, как спросить помягче, посему спросил прямо: - Каким образом они его поранили? Но ещё до того, как она ответила, я, кажется, знал ответ.

- Инструментами, - сказала Делия и рыдания вырвались из её горла. -Они привязали его к креслу и пытали инструментами.

Глава 18

Когда мой самолёт приземлился в Бостоне, на телефон пришло новое сообщение от Шанты Ньюлин.

- Слышала, тебя вышвырнули с кампуса. Нам нужно поговорить.

Я перезвонил ей по пути через терминал аэропорта. Когда Шанта сняла трубку, то спросила, где я.

- В аэропорте Логана.
- Хорошая поездка?
- Восхитительная. Ты писала, что нам нужно поговорить.
- Лично. Приезжай прямо из аэропорта ко мне в офис.
- Мне не рады на кампусе.
- О, точно, совсем забыла. Тогда, давай "У Джуди"? Через час.

Когда я пришёл, Шанта сидела за угловым столиком. Перед ней стоял напиток. Коктейль был ярко-розового цвета с ананасом наверху. Я показал на него.

- Осталось ещё маленький зонтик добавить.
- Ты что думал, что я больше люблю такие напитки, как виски с содой?
- За минусом соды.
- Извини. По мне фруктовый напиток лучше.

Я сел на стул напротив неё. Шанта взяла коктейль и сделала глоток через соломинку.

- Слышала, ты участвовал в эпизоде с нападением на студента.
- Ты теперь работаешь на профессора Триппа?

Она нахмурилась.

- Что случилось?

Я рассказал ей всю историю: о Бобе и Отто, о фургоне, о самозащите и убийстве, о побеге из фургона, о падении с холма. Выражение её лица не изменилось, но я заметил по глазам, как в её мозгу задвигались шестерёнки.

- Ты рассказал об этом полиции?
- Вроде того.
- Что это значит?
- Я был сильно пьян. Кажется, они подумали, что я выдумал ту часть, где меня похитили, и я убил человека.

Она посмотрела на меня, как будто я был самым большим дураком когда-либо жившим на этой планете.

- Ты что и вправду рассказал об этом полиции?
- Сначала. Затем Бенедикт напомнил мне, что, возможно, не самая лучшая затея сознаваться в убийстве человека, даже если это была самооборона.
  - Ты что консультировался с Бенедиктом по юридическим вопросам?

Я пожал плечами. Ещё раз я подумал, что мне нужно держать язык за зубами. Меня же уже предупреждали, так? А ещё было обещание. Шанта откинулась на спинку и сделала глоток. Подошла официантка и спросила, что я желаю. Я показал на фруктовый коктейль и сказал, что хочу такой же. Не знаю почему. Я всегда ненавидел фруктовые коктейли.

- Так что ты на самом деле выяснила о Натали?
- Я уже говорила.
- Точно, ничего, абсолютно ничего, фиг с маслом. Так, зачем ты хотела встретиться со мной?

Принесли сандвич с шампиньонами гриль ей и индейку с салатом, беконом, помидорами и ржаным хлебом мне.

- Я взяла на себя смелость сделать заказ за тебя.

Я даже не притронулся к сандвичу.

- Что происходит, Шанта?
- Именно это я и хочу узнать. Как вы познакомились с Натали?
- Какое это имеет значение?
- Просто сделай мне одолжение.

Ещё раз она задала мне все вопросы, а я дал ответы. Я рассказал ей, как мы познакомились в усадьбе в Вермонте шесть лет назад.

- Что она рассказывала о своём отце?
- Только то, что он мёртв.

Шанта смотрела мне в глаза.

- Больше ничего?
- Например?
- Например, не знаю, она сделал большой глоток и театрально пожала плечами, что он был здесь профессором.

Мои глаза расширились.

- Её отец?
- Ага.
- Её отец был профессором в Лэнфорде?
- Нет, в ресторане "У Джуди", сказала Шанта, закатив глаза. Конечно же, в Лэнфорде.

Я всё ещё пытался ясно соображать.

- Когда?

- Он начал преподавать около тридцати лет назад. Он преподавал здесь семь лет. На кафедре политологии.
  - Ты шутишь?
- Да, за этим то я тебе и позвонила. Потому что я первостатейная шутница.

Я занялся подсчётами. Натали была совсем маленькой, когда её отец начал здесь преподавать, и ещё ребёнком, когда он ушёл отсюда. Может быть, она не помнила, что была здесь. Может быть, поэтому она не сказала ничего. Но ведь Натали должна была знать об этом? Почему она не сказала:

"Эй, мой отец преподавал здесь тоже. На той же кафедре, что и ты".

Я вспомнил, как она пришла на кампус в солнечных очках и шляпе, как ей хотелось увидеть побольше, как она становилась всё задумчивее во время прогулки.

- Почему она не сказала мне? спросил я вслух.
- Не знаю.
- Его уволили? После этого они переехали?

Она пожала плечами.

- Интереснее другой вопрос, почему мать Натали начала использовать девичью фамилию?
  - YTO?
- Её отца звали Аарон Клейнер. Девичья фамилия матери Натали Эйвери. Она вернула её. И так же изменила фамилии Натали и Джули.
  - Стой, так, когда умер её отец?
  - Натали тебе не говорила?
- У меня просто создалось впечатление, что это было давным-давно. Может быть, так и было. Может быть, он умер, и они уехали с кампуса.

Шанта улыбнулась.

- Не думаю, Джейк.
- Почему?
- Потому что здесь и начинается самое интересное. Папуля такой же, как и его маленькая девочка.

Я ничего не ответил.

- Нет никаких записей, что он умер.

Я сглотнул.

- Так, где он?
- Как отец, так и дочь, Джек.
- Что, чёрт возьми, это значит?

Но я уже и так знал.

- Я искала, где сейчас находится профессор Аарон Клейнер.

Догадайся, что я нашла?

Я ждал.

- Правильно. Ничего, ноль, фиг с маслом. С тех пор как он покинул Лэнфорд четверть века назад, нигде нет никаких следов профессора Аарона Клейнера.

Глава 19

Я нашёл старые ежегодники в школьной библиотеке.

Они хранились в подвале. Книги пахли плесенью. Глянцевые страницы склеились. Но мне удалось его найти. Профессор Аарон Клейнер. Фотография была ничем непримечательной. Он был довольно симпатичным мужчиной с обычной улыбкой на камеру, он стремился, чтобы она была счастливой, вместо этого она была ближе к неловкой. Я изучал его лицо, стараясь найти какие-нибудь сходства с Натали. Наверное, они были. Сложно сказать. Как мы все знаем, разум может сыграть злую шутку.

Мы имеем склонность видеть то, что хотим видеть.

Я разглядывал его лицо, как будто оно могло дать мне ответы. Но не было никаких ответов. Я просмотрел другие ежегодники. Больше нечего было изучать. Я просмотрел страницы, посвящённые факультету политологии, и остановился на групповой фотографии перед Кларк Хаусом. На ней был весь профессорский состав и вспомогательный персонал. Профессор Клейнор стоял рядом с деканом факультета Малкольмом Юмом. Улыбки на фотографии были расслабленными, более естественными. Миссис Динсмор выглядела абсолютно так же, как будто ей сто лет.

Подождите. Миссис Динсмор...

Я спрятал один ежегодник под мышку и поспешил в Кларк Хаус. Это было нерабочее время, но миссис Динсмор жила в офисе. Да, я был подозреваемым и должен был держаться подальше от кампуса, но я сомневался, что полиция кампуса откроет огонь. Так что я прошёл через двор, где прогуливались студенты, с книгой, которую стащил из библиотеки. Посмотрите на меня, я хожу по грани.

Я вспомнил тот день шесть лет назад, когда гулял здесь с Натали. Почему она не сказала ничего? Были ли какие-нибудь признаки? Стала ли она тише или замедлила шаг? Не помню. Помню только, что болтал о кампусе, как какой-нибудь первокурсник, перебравший Ред Булла.

Миссис Динсмор посмотрела на меня поверх очков для чтения.

- Я думала, что вы уехали.
- Возможно, физически, но сердцем я всегда с вами.

Она закатила глаза.

- Чего вы хотите?

Я положил перед ней ежегодник и открыл его на групповой фотографии. Я показал на отца Натали.

- Вы помните профессора Аарона Клейнера?

Миссис Динсмор молчала некоторое время. Очки для чтения крепились к цепочке вокруг её шеи. Она сняла их, протёрла дрожащими руками и снова надела. Её лицо было по-прежнему каменным.

- Я помню его, сказала она тихо. Почему вы спрашиваете?
- Вы знаете, почему его уволили?

Она посмотрела на меня.

- Кто сказал, что его уволили?
- Или почему он уволился? Можете ли вы что-нибудь рассказать о том, что случилось с ним?
- Его уже нет здесь двадцать пять лет. Вам, наверное, было десять лет, когда он ушёл.
  - Знаю.
  - Так, почему вы спрашиваете?

Я даже не знал, как увильнуть от этого вопроса.

- Вы помните его детей?
- Девочки. Натали и Джули.

Даже без запинки. Это меня удивило.

- Вы помните их имена?
- Что такое с ними?
- Шесть лет назад я познакомился с Натали в усадьбе в Вермонте. Мы были влюблены.

Миссис Динсмор ждала, пока я скажу больше.

- Знаю, что это звучит безумно, но я пытаюсь найти её. Думаю, она может быть в опасности, и, возможно, это как-то связано с её отцом.

Миссис Динсмор смотрела на меня одну-две секунды. Потом сняла очки и опустила их на грудь.

- Он был хорошим преподавателем. Вам бы он понравился. Его уроки были живыми. Он умел зарядить энергией студентов.

Её глаза вернулись к фотографии в ежегоднике.

- В наши дни некоторые преподаватели работали дежурными по общежитию. Аарон Клейнер был одним из них. Он с семьёй жил на нижнем этаже общежития Тингли. Студенты любили их. Помню, однажды студенты сложились и купили качели для девочек. Они собирали их всё субботнее утро во дворе за Праттом.

Её взгляд стал тоскливым.

- Натали была очаровательной маленькой девочкой. Как она теперь

выглядит?

- Она самая красивая женщина в мире.
- Миссис Динсмор криво улыбнулась мне.
- Вы романтик.
- Что с ними произошло?
- Сразу несколько событий. Ходили слухи об их браке.
- Какие слухи?
- А какие всегда ходят в студенческих городках? Маленькие дети, рассеянная жена, привлекательный мужчина на кампусе с привлекательными студентками. Я дразню вас по поводу молоденьких девушек, выстраивающихся в очередь перед вашим кабинетом, но я видела слишком много разрушенных жизней из-за соблазна.
  - У него были интрижки со студентками?
- Может быть. Не знаю. Это были слухи. Вы слышали о вицепредседателе Рое Гордаке?
  - Я видел его имя на нескольких почётных табличках.
- Аарон Клейнер обвинил Гордака в плагиате. Обвинение так и не было предъявлено, поскольку вице-председатель очень высокий пост. Аарон Клейнер был понижен в должности. Затем, он был вовлечён в скандал с мошенничеством.
  - Профессор жульничал?
- Нет, конечно же, нет. Он выдвинул обвинение против одного или двух студентов. Я уже не помню подробности. Наверное, это и было его погибелью. Не знаю. Он начал пить. Он стал вести себя всё более и более эксцентрично. Тогда и появились слухи.

Она снова посмотрела на фотографию.

- Поэтому его попросили написать заявление об увольнении?
- Нет, ответила миссис Динсмор.
- Тогда, что случилось?
- Однажды его жена вошла в эти самые двери. Она показала на дверь позади себя. Я знал эти двери. Я проходил через них тысячи раз, но всё же посмотрел на них, как будто мама Натали может снова появиться там.
- Она плакала. Истерически. Я сидела на том же, где и сейчас, на том же самом месте, за тем же самом столом...

Её слова затихли.

- Она хотела увидеться с профессором Юмом. Его не было на месте, поэтому я позвонила ему. Он поспешил сюда. Она рассказал ему, что профессор Клейнер исчез.
  - Исчез?

- Он собрал вещи и сбежал с другой женщиной. Бывшей студенткой.
- С кем?
- Не знаю. Как я уже говорила, у неё была истерика. В течение следующих нескольких дней он не перезванивал. А мы в свою очередь не могли дозвониться до него. Мы ждали. Помню, что у него были занятия после обеда. Он так и не появился. Профессор Юм был вынужден заменять его. А потом и другие преподаватели по очереди заменяли его до конца семестра. Студенты были по-настоящему расстроены. Родители звонили, но профессор Юм успокоил их, поставив всем оценку "А". Она пожала плечами, подвинула ежегодник ко мне и притворилась, что вернулась к работе.
  - Мы никогда больше ничего не слышали о нём.

Я сглотнул.

- А что случилось с его женой и дочерями?
- Тоже, думаю.
- Что это значит?
- Они переехали в конце семестра. И я больше ничего о них не слышала. Я всегда надеялась, что они, в конце концов, переехали в другой колледж, и всё наладилось. Но, полагаю, этого не случилось, так?
  - Да.
  - Так, что с ними произошло? спросила миссис Динсмор.
  - Не знаю.

Глава 20

Кто бы мог знать?

Ответ: Сестра Натали, Джули. Она отшила меня по телефону. Интересно, удачливее ли я буду при личной встрече?

Я шёл назад к машине, когда зазвонил телефон. Я посмотрел на номер телефона. Код - 802.

Вермонт.

Я нажал кнопку ответа и сказал "алло".

- Эм, привет. Ты оставил свою визитку в кафе.

Я узнал голос.

- Куки?
- Нам нужно поговорить, сказала она.

Я сжал телефон сильнее.

- Слушаю.
- Я не доверяю телефонам, сказала Куки. В её голосе была слышна дрожь. Ты не мог бы приехать сюда?
  - Если хочешь, я могу сейчас же выехать.

Куки объяснила, как добраться до её дома, который располагался недалеко от кафе. Я поехал по 91 на север и безуспешно пытался не торопиться. Сердце билось в груди, казалось, под ритм любой песни. К тому времени, когда я доехал до границы штата, была уже полночь. Я начал это утро с того, что прилетел, чтобы увидеть Делию Сандерсон. Это был длинный день, и в какой-то момент я ощутил, на сколько измотан. Я вспомнил, как в первый раз увидел картину Натали с коттеджем на холме. Тогда Куки подошла сзади и спросила, нравится ли она мне.

"Почему, - снова спросил я себя, - когда я был в кафе в последний раз, Куки вела себя так, как будто не помнила меня?"

Мне ещё кое-что вспомнилось. Кто-то сказал мне, что не было никакого "Поселения творческого восстановления", но когда мы с Куки разговаривали, она сказала: "Мы никогда не работали в усадьбе".

Тогда я не обратил на это внимание, но если не было никакого поселения на холме, разве вы не ответите что-то в духе:

- А? Какое поселение?

Я замедлился, когда проезжал мимо кафе Куки. Здесь было только два уличных фонаря, оба были на длинных ногах, откидывая угрожающие тени. Ни намёка на людей. Центр маленького городка был абсолютно

тихим, слишком тихим, как в сцене фильма о зомби перед тем, как герой будет окружён хищниками-пожирателями. Я свернул направо, проехал ещё около километра, повернул ещё раз направо. Здесь не было фонарей. Только свет, исходящий от фар. Во всех домах и строениях, которые я проехал, был тоже выключен свет. Похоже, никто здесь не оставлял свет, чтобы обезопасить себя от грабителей. Умный ход. Я сомневался, что грабители смогут найти дома в темноте.

Я сверился с GPS и увидел, что я в километре от пункта назначения. Ещё два поворота. Что-то похожее на страх начало разливаться по груди. Мы все читали о том, как некоторые животные и морские существа могут чувствовать опасность. Они на самом деле могут ощутить угрозу или даже надвигающуюся природную катастрофу, словно если бы у них был радар на выживание или невидимые щупальца, распластавшиеся во все углы. Где-то глубоко внутри меня первобытный человек должен был тоже обладать этой способностью. И все эти приспособления для выживания остались у нас. Возможно, они просто дремлют. Если их не использовать, то они могут отмереть. Но инстинкты неандертальца всегда с нами, скрываясь под нашими рубашками.

Используя термины из молодёжных комиксов, мои паучьи чувства обострились.

Я выключил фары и притормозил у тротуара в кромешной темноте практически на ощупь. Здесь не было камней, обрамляющих улицы. Тротуар просто сменялся травой. Я не знал, что буду делать дальше, но чем больше я думал об этом, тем больше осознавал, что, возможно, такие предосторожности в порядке вещей.

Я решил идти отсюда пешком.

Я вылез из машины, и, когда закрыл дверь и свет исчез, я понял, насколько же темно вокруг. Тьма казалась живой, поглощающей меня, застилающей глаза. Я подождал минуту или две, пока глаза не привыкли. Умение глаз приспосабливаться к темноте - ещё один талант, который, несомненно, достался нам от первобытного человека. Когда мои глаза привыкли настолько, что я смог увидеть, по крайней мере, дорогу в метре от себя, я пошёл вперёд. Ещё у меня был смартфон. На нём было загружено приложение, которым я никогда не пользовался, но, которое было, наверное, особенно полезным и наименее технически сложным. Это был простой фонарик. Я подумывал включить его, но потом решил, что не стоит.

Если здесь и таилась какая-нибудь опасность, хотя я и не мог представить, что это за опасность может быть и какую форму она может

принять, я не хотел никого насторожить светящимся фонариком. Разве не для этого я запарковал машину и теперь тихонько крался вперёд?

Я вспомнил, как был в ловушке в фургоне. У меня не было угрызений совести по поводу того, что я сделал, чтобы сбежать, я бы сделал это снова, тысячу раз, но так же у меня не было никаких сомнений, что последние моменты жизни Отто будут преследовать меня до конца моих дней. Я всегда буду слышать влажный хруст ломающейся шеи, всегда буду помнить ощущение, когда кость и хрящ прогибается и заканчивается жизнь. Я убил живое существо. Разрушил жизнь человека.

Затем мои мысли вернулись к Бобу.

Я замедлил шаг. Что делал Боб после того, как я скатился по холму? Должно быть, он вернулся в фургон, уехал, скорее всего, выкинул где-то тело Отто, а потом...

Пытался ли он найти меня?

Я подумал о напряжении в голосе Куки. Что она хотела сказать мне? И почему вдруг так срочно? Зачем звонить мне сейчас, поздней ночью, даже не давая мне возможности подумать?

Я вошёл в квартал Куки. В нескольких окнах горели ночники, придавая домам жуткое, похоже на хеллоуинские тыквы, свечение. Только в одном доме в тупике было больше света, чем во всех остальных.

В доме Куки.

Я переместился влево, чтобы оставаться и дальше незамеченным. Её парадное крыльцо было освещено, так что не было возможности приблизиться к дому незаметно. Дом был одноэтажный, неестественно расползшийся и длинный и немного неровный, как будто пристройки делали, как попало. Пригнувшись, я обошёл дом, стараясь оставаться в темноте. Последние десятки метров до освещённого окна я буквально прополз.

И что теперь?

Я неподвижно стоял под окном на четвереньках, пытаясь прислушаться. Ничего. Тишина, сельская тишина, тишина, которую можно услышать и до которой можно дотронуться, тишина, обладающая текстурой и дальностью. Она окружала меня. Настоящая, реальная, сельская тишина.

Я слегка переместил вес тела. Колени захрустели, этот звук, казалось, кричал в тишине. Я пождал ноги, сильно согнул колени, положил руки на бёдра. Я готовился выскочить вверх, как человеческий поршень, таким образом, я мог заглянуть в окно.

Скрывая большую часть лица, я подтянулся к углу окна так, чтобы

лишь один глаз и правая часть лица была открыта. Я моргнул от неожиданного света и заглянул в комнату.

Куки была там.

Она сидела на диване, словно проглотив аршин. Её губы были сжаты. Дениз, её партнёрша, сидела рядом. Они держались за руки, но их лица были бледными и вытянутыми. Напряжённость исходила от них волнами.

Не нужно быть экспертом в языке жестов, чтобы понять, что их что-то волновало. Спустя несколько минут я понял что.

В кресле напротив них сидел мужчина.

Он был спиной ко мне, так что сначала я смог рассмотреть только верхушку его головы.

Моей первой мыслью было паническое: Боб?

Я приподнялся ещё на несколько сантиметров, стараясь получше разглядеть мужчину. Безуспешно. Кресло было большим и плюшевым. Мужчина сидел глубоко в нём, спрятавшись от посторонних глаз. Я переместился к другой стороне окна, изменив часть лица, которую было видно. Теперь я увидел, что у него седые кучерявые волосы.

Не Боб. Определённо, не Боб.

Мужчина что-то говорил. Обе женщины сосредоточено слушали, кивая в унисон, чтобы он не сказал. Я повернулся и прижал ухо к окну. Стекло было холодным. Я пытался разобрать, что он говорит, но всё равно звук был приглушён. Я снова посмотрел в комнату. Мужчина в кресле немного наклонился вперёд, стараясь донести мысль. Потом он наклонил подбородок достаточно, чтобы я смог разглядеть его профиль.

Наверное, я вздохнул вслух.

У мужчины была борода. Это было зацепкой. Именно, поэтому я и смог опознать его, борода и кучерявые волосы. Я мысленно вернулся к нашей первой встрече с Натали, когда они сидела в солнечных очках в помещении. А рядом с ней справа сидел мужчина с бородой и кучерявыми волосами.

Этот мужчина.

Что...?

Парень с бородой поднялся из плюшевого кресла и начал расхаживать по комнате, неистово жестикулируя. Куки и Дениз напряглись. Они так сильно ждали руки, что, клянусь, было видно, как костяшки их рук побелели. И тогда я и заметил то, что заставило меня покачнуться, меня, словно громом, поразило осознание, насколько же важно было пойти на разведку прежде, чем слепо идти в западню.

У бородатого мужчины был пистолет.

Я застал в полуприседе. Ноги начали трястись, не знаю от чего именно от страха или напряжения. Я опустился вниз. Что теперь?

Спасаться бегством.

Ага, кажется, это лучший выход. Бегом вернуться в машину. Позвонить копам. Пусть они разбираются с этим. Я попытался мысленно проиграть этот сценарий. Во-первых, сколько времени потребуется копам, чтобы добраться сюда? Минуточку, а они вообще поверят мне? Не позвонят ли они сначала Куки и Дениз? Приедет ли группа захвата? И тогда я подумал, а что именно здесь происходит? Бородатый похитил Куки и Дениз и заставил их позвонить мне или же они в сговоре? И если они в сговоре, что случиться после моего звонка? Появится копы, а Куки и Дениз будут всё отрицать. Бородатый спрячет оружие и будет утверждать, что ничего не знает.

Но опять же, какие были варианты? Я должен привести полицейских, так ведь?

Бородатый продолжал расхаживать. Напряжённость в комнате зашкаливала. Бородатый посмотрел на часы, вытащил мобильный телефон, держа его на манер рации, и начал отрывисто говорить по нему.

С кем он говорил?

"Ух ты!" - подумал я. - А что если были другие? Пора было идти. Звонить копам, не звонить копам, не важно. Парень был вооружён. Я нет.

"Эста луэго ^[10], придурки."

Я последний раз взглянул в окно, и тут услышал, как собака загавкала позади меня. Я замер. Бородатый же наоборот. Его голова рывком повернулась в сторону лая и, соответственно, я дёрнулся, как на шарнирах.

Наши глаза встретились. Я увидел, как его глаза расширились от удивления. Какое-то мгновение, сотые секунды, никто из нас не двигался. Мы просто в шоке уставились друг на друга, не знаю, что каждый из нас сделает, до тех пор, пока Бородатый не поднял пистолет, наставив его на меня, и нажал на курок.

Я повалился на спину, когда пуля разбила стекло.

Я ударился о землю. Осколки стекла посыпались на меня. Собака продолжала лаять. Я перекатился, порезавшись о стекло, и поднялся на ноги.

- Стоять!

Слева от меня послышался голос другого мужчины. Я не узнал голос, но этот парень был снаружи. О, люди, мне нужно отсюда выбираться. Нет времени на раздумья и колебания. Я завернул за угол на трясущихся ногах. И был почти в безопасности.

Или я так думал.

Ранее я приписывал своему паучьему чутью умение предостеречь меня от опасности. Если это так, то на этот раз это самое чутьё ужасно подвело меня.

Другой мужчина стоял прямо за углом. Он ждал меня с бейсбольной битой наготове. Мне с трудом удалось остановить ноги, но уже не осталось времени ни для чего другого. Бита уже летела на меня. Не было никакой возможности как-то увернуться от удара. Не было никакой возможности сделать хоть бы что-нибудь, кроме как встать как вкопанный идиот. Удар пришёлся мне по лбу.

Я упал на землю.

Возможно, он ударил меня ещё раз. Не знаю. Мои глаза закатились, и я потерял сознание.

Глава 21

Первое, что появилось, когда я очнулся, боль.

Всё, о чём я мог думать, это о сильной, всепоглощающей боли и как облегчить её. Было ощущение, словно мой череп раскрошился, и малюсенькие кусочки костей цеплялись краями и разрывали особо чувствительнее ткани мозга.

Я слегка передвинул голову в сторону, но это лишь сделало зазубренные обломки ещё злее. Я остановился, моргнул, снова моргнул, пытаясь открыть глаза, и сдался.

- Он очнулся.

Голос принадлежал Куки. Я ещё раз попытался заставить глаза открыться, разве что не использовал пальцы, чтобы разлепить веки. Превозмогая боль через какое-то время мне удалось открыть глаза. Ещё несколько секунда я пытался сфокусироваться, чтобы начать изучать новую окружающую действительность.

Я уже был не на улице.

Можно было быть уверенным наверняка. Я посмотрел на деревянные балки крыши. Но я был и не в доме Куки. У неё был одноэтажный дом. Это же строение больше походило на амбар или старый сельский дом. Я лежал на деревянном полу, не грязном, посему я исключил амбар.

Куки была здесь. И Дениз тоже. Бородатый подошёл и посмотрел на меня с чистой, неприкрытой ненавистью. Без понятия почему. Я увидел другого человека, который стоял у двери слева от меня. Третий человек сидел перед экраном компьютера. Я не узнал никого из них.

Бородатый ждал, глядя на меня. Вероятно, он думал, что я скажу чтонибудь очевидное вроде: "Где я?" Я не сказал. Я использовал это время, чтобы успокоиться и собрать мысли в кучу.

Я не имею ни малейшего понятия, что происходит.

Я продолжал осматриваться, пытаясь уловить общее настроение в комнате, и найти путь для побега. Я увидел одну дверь и три окна, все закрыты. Дверь охранялась. Я вспомнил, что, по крайней мере, один из них был вооружён.

Нужно быть терпеливее.

- Говори, - сказал мне Бородатый.

Я не заговорил. Он ударил меня по рёбрам. Я застонал, но не двинулся с места.

- Джед, - сказала Куки. - Не нужно.

Бородатый Джед уставился на меня. В его глазах плескалась ярость.

- Как ты нашёл Тодда?

Это привело меня в замешательство. Не знаю, что я ожидал от него услышать, но точно, не это.

- Что?
- Ты слышал. Как ты нашёл Тодда?

У меня закружилась голова. Очевидно, что ложь мне никак не поможет, поэтому я решил говорить правду:

- Его некролог.

Джек посмотрел на Куки. Теперь на их лицах читалось замешательство.

- Я увидел его некролог, - продолжил я. - На сайте колледжа. Таким образом, я и попал на его похороны.

Джед намеревался ещё раз ударить меня, но Куки остановила его, покачав головой.

- Я говорю не об этом, выплюнул Джед. Я спрашиваю, как ты нашёл его до этого.
  - Что?
  - Не прикидывайся дурачком. Как ты нашёл Тодда?
  - Я не понимаю, о чём ты говоришь.

От злости из его глаз посыпались искры. Он вытащил пистолет и наставил его на меня.

- Ты врёшь.

Я ничего не ответил.

Куки подошла к нему ближе.

- Джед?
- Назад, рявкнул он. Ты же знаешь, что он сделал. Знаешь?

Она кивнула и сделала, как её просили. Я всё это время оставался абсолютно неподвижным.

- Говори, снова сказал он мне.
- Я не знаю, что ты хочешь, чтобы я сказал.

Я посмотрел на парня, сидящего за компьютером. Он выглядел испуганным. Так же, как и парень у двери. Я вспомнил Боба и Отто. Они не выглядели испуганными. Не знаю, что это означало, за исключением того, что у меня были большие проблемы.

- Ещё раз, начал Джед через стиснутые зубы. Как ты нашёл Тодда?
- Я уже говорил.
- Ты убил его! выкрикнул Джед.

- Что? Нет!

Джед бросился на колени и приставил дуло пистолета к моему виску. Я закрыл глаза и ждал выстрела. Он приблизил губы к моему уху.

- Если ты снова врёшь, - прошептал он. - Я убью тебя прямо здесь и сейчас.

Куки:

- Джед?
- Заткнись!

Он вдавил дуло настолько сильно, что, наверняка, остался след.

- Говори.
- Я не... Его глаза сказали мне, что одно слово отрицания и моя судьба решена. Зачем мне его убивать?
  - Это ты расскажи нам. Но сначала я хочу знать, как ты его нашёл.

Рука Джеда тряслась, дуло ударялось о висок. В его бороде запуталась слюна. Боль прошла, сменившись голым страхом. Джед хотел нажать на курок. Он хотел убить меня.

- Я уже говорил тебе как. Пожалуйста. Послушай меня.
- Ты врёшь!
- Я не...
- Ты пытал его, но он не заговорил. Тодд бы в любом случае не помог бы тебе. Он не знал. Он был лишь беззащитным и храбрым, а ты, ты, ублюдок...

Я был на волоске от смерти. Я слышал раздражение в его голосе и знал, что он не прислушается к голосу разума. Мне нужно сделать чтонибудь, рискнуть вырвать пистолет, но я был распластан на спине. И любое движение займёт слишком много времени.

- Я бы никогда не причинил ему вред, клянусь.
- Ты ещё скажи, что не приходил к его вдове сегодня.
- Приходил, сказал я быстро и радостно от того, что могу согласиться с ним.
  - Но они не знала ничего, так ведь?
  - Знала о чём?

Дуло пистолета вонзилось ещё сильнее.

- Зачем тогда ты разговаривал с вдовой?

Мы встретились глазами.

- Ты знаешь зачем, сказал я.
- Что ты ищешь?
- Не что, а кого. Я ищу Натали.

Он кивнул. Холодная улыбка расползлась по его лицу. Эта улыбка

сказала мне, что я дал правильный ответ и одновременно неправильный.

- Зачем? спросил он.
- Что значит зачем?
- Кто нанял тебя?
- Никто не нанимал меня.
- Джед!

В этот раз это была не Куки. Это был парень за компьютером.

Джед повернулся, раздражённый тем, что его прервали.

- Что?
- Тебе стоит посмотреть на это. У нас компания.

Джед отвёл пистолет от моей головы. Я испустил протяжный вздох облегчения. Парень за компьютером повернул монитор так, чтобы Джеду был виден экран. Это было чёрно-бело видео с камеры наблюдения.

- Что они делают здесь? спросила Куки. Если они найдут его здесь...
- Они наши друзья, сказал Джед. Давайте не будем волноваться пока...

Я не стал больше ждать. Я увидел шанс и воспользовался им. Без предупреждения я вскочил на ноги и помчался к парню, который заграждал входную дверь. Казалось, как будто я двигался в замедленном действии, как будто мне понадобилось слишком много времени, чтобы добраться до двери. Я опустил плечи, готовый протаранить его.

- Стой!

Я был, наверное, в двух шагах от парня, охранявшего дверь. Я присел, готовясь к атаке. Мой мозг продолжал работать в том же режиме, высчитывая и пересчитывая. За какие-то доли секунды, за какую-то наносекунду я разложил сценарий всех предстоящих событий. Сколько у меня займёт повалить этого парня? В лучшем случае, две-три секунды. Затем мне нужно дотянуться до ручки, повернуть её, распахнуть дверь и выбежать.

Сколько времени всё это займёт?

Вывод: слишком много.

Два мужчины и, возможно, две женщины будут к тому времени рядом со мной. Или, может быть, Джед просто выстрелит в меня. На самом деле, если он отреагирует достаточно быстро, то, скорее всего, сможет выпустить целую очередь прежде, чем я доберусь до парня у двери.

Вкратце, рассмотрев различные возможности, я понял, что у меня не было шансов выбраться отсюда через дверь. И всё же я бежал на всех парах к сопернику. Он был наготове. Он ожидал, что я подбегу к нему. Так же, как и другие.

Не стоило быть такими уверенными, да?

Мне нужно был удивить их. В самый последний момент я резко повернул всё тело направо и, не оглядываясь и без малейшего колебания, рванул вперёд и нырнул в окно.

Всё ещё в воздухе, окружённый осколками разбитого стекла, я услышал, как Джед закричал:

- Держите его!

Я подогнул руки и голову, приземлился клубком, надеясь использовать силу импульса, чтобы встать плавно на ноги. Это была лишь фантазия. Я действительно смог перекатиться на ноги, но сила импульса на этом не остановилась. Она заставила меня двигаться дальше, ударив о землю, отправив меня кувыркаться. Когда я, наконец, остановился, то ощутил, что взбешён.

Где, чёрт возьми, я?

Нет времени думать. Я был на заднем дворе, похоже. Я увидел лес. Я предположил, что дорога и передняя часть дома были у меня за спиной. Я пошёл в том направлении, но услышал, как входная дверь открылась. Появились три человека.

Ой-ёй-ёй.

Я повернулся и побежал к лесу. Тьма поглотила меня целиком. Я не видел дальше, чем в нескольких шагах от себя, но замедлиться было не вариантом. Меня преследуют люди и, по крайней мере, у одного есть оружие.

- Туда! услышал я чей-то крик.
- Мы не можем, Джед. Ты же видел, что было на экране.

Я побежал. Я быстро и упорно бежал через лес и в конечном итоге впечатался лицом в дерево. Это было, как когда Хитрый койот [11]с разбега наступает на грабли, раздаётся глухой стук и видны последующие вибрации. Мои мозги начали трястись. Удар повали меня на землю. Моя и без того разрывающаяся голова завопила от боли.

Я увидел, что луч фонарика приближается ко мне.

Я попытался откатиться в какое-нибудь укрытие. Я ударился боком о другое дерево, чёрт, может быть, это было то же самое дерево. Моя голова протестующе кричала. Я перекатился в другую сторону, пытаясь лечь, как можно ровнее. Луч фонарика скользнул прямо надо мной.

Я слушал, что шаги приближаются.

Нужно двигаться.

Я услышал хруст шин по гравию возле дома. По дорожке ехал автомобиль.

- Джед?

Это был резкий шёпот. Фонарик прекратил двигаться. Кто-то ещё раз позвал Джеда. Теперь фонарик выключился. Я снова был в непроглядной темноте. Шаги начали удаляться.

Вставай и беги, тупой осёл!

Но голова не слушалась. Я полежал так ещё какое-то время, а потом посмотрел на старый фермерский дом вдалеке. Теперь, наконец-то, я смог увидеть его с улицы. Я лежал тихо и смотрел. Земля подо мной, кажется, начала уходить.

Это был главный дом Поселения творческого восстановления.

Меня держали в доме, где жила Натали.

Что, чёрт возьми, происходит?

Машина остановилась. Я немного приподнялся, чтобы посмотреть. Когда я увидел машину, я ощутил абсолютно новое чувство облегчения.

Это была полицейская машина.

Теперь я понял, почему они паниковали. У Джеда и остальных была камера наблюдения на входе. Они увидели, как полицейская машина едет меня спасать, и запаниковали. Теперь всё обрело смысл.

Я направился к своим спасителям. Джед и его последователи теперь не убьют меня. Не перед копами, которые пришли меня спасать. Я был почти у кромки леса, наверное, в трёхстах метрах от полицейской машины, когда меня посетила мысль.

Откуда копы знают, где я?

На самом деле, как копы узнали, что у меня проблемы? И почему, если они приехали, то едут так неспешно? Почему Джед сказал эту фразу, что они "наши друзья"? Я шёл всё медленнее, и облегчение начало уходить, в голове появилось ещё несколько вопросов. Почему Джед идёт к полицейской машине с большой улыбкой и обыденно машет рукой? Почему двое полицейских, не вылезая из машины, так же обыденно машут в ответ? Почему они все пожимают друг другу руки и обмениваются похлопываниями, как старые приятели?

- Привет, Джед, крикнул один из полицейских.
- О, чёрт. Это был Коренастый. А другой Худой Джерри. Я решил остаться на месте.
  - Привет, парни, сказал Джед. Ну как вы?
  - Хорошо, когда ты вернулся?
  - Пару дней назад. Что случилось?

Коренастый сказал:

- Ты знаешь парня по имени Джейк Фишер?

Вау. Может быть, они здесь всё-таки, чтобы спасти меня?

- Нет, не думаю, сказал Джед. На улицу вышли все остальные. Опять пожатие рук и похлопывания.
  - Вы знаете... повтори имя.
  - Джейкоб Фишер.

Все покачали головами и пробормотали что-то, обозначающее незнание.

- Он был у въезда на вашу территорию, - сказал Коренастый. - Профессор. Похоже, он убил человека.

У меня кровь застыла в жилах.

Худой Джерри добавил:

- Дурак даже сознался в этом.
- Похоже, он опасен, но не знаю, какое он отношение может иметь к нам.
- Прежде всего, пару дней назад мы заметили, что он пытается пробраться на твою землю.
  - Мою землю?
  - Ага. Но мы здесь не поэтому.

Я нырнул в кусты, даже не зная, почему до сих пор здесь.

- Видишь ли, мы отследили GPS на его телефоне, сказал Коренастый.
- И, добавил Худой Джерри, его GPS привёл нас сюда.
- Я не понимаю.
- Всё просто, Джед. Мы можем отслеживать его телефон. Это не сложно в наши дни. Чёрт, да у меня даже на телефоне ребёнка есть прибор слежения, с ума сойти. И теперь он сказал нам, что наш преступник в этот самый момент находится здесь, на территории твоей собственности.
  - Опасный убийца?
  - Возможно, да. Почему бы вам всем не подождать внутри?

Он повернулся к своему напарнику.

- Джерри?

Джерри подошёл к машине и вытащил на свет переносной прибор. Он изучал его несколько минут, дотронулся до сенсорного экрана, а затем заявил:

- Он в пятидесяти метрах в эту сторону.

Худой Джерри указал туда, где я прятался.

Сразу несколько сценариев промелькнуло у меня в голове. Один из них, самый очевидный - сдаться. Поднять руки, выйти из леса, высоко держа их над головой и крикнуть насколько можно громче: "Я сдаюсь!" Под стражей полиции мне больше ничего не грозит, я буду защищён от

Джеда и его банды.

Я серьёзно обдумывал такой ход, поднять руки, крикнуть, сдаться, но тут я увидел, что Джед достал пистолет.

Ого.

Коренастый сказал:

- Джед, что ты делаешь?
- Это мой пистолет. Легально. И мы на моей земле, так ведь?
- Так, и что?
- То, что убийца..., начал Джед.

Теперь я убийца.

- Он может быть вооружён и опасен. Мы не позволим вам преследовать его без прикрытия.
  - Нам не нужно ваше прикрытие, Джед. Убери его.
  - Но это всё равно моя земля, так?
  - Taк.
  - Так что, если вы не возражаете, то я останусь здесь.

Самый очевидный сценарий теперь не казался таким очевидным. Джед был полон решимости убить меня по двум причинам. Первая, он думал, что я имею какое-то отношение к убийству Тодда. Вот, почему они схватили меня. А теперь причина номер два, мертвецы не говорят. Если бы я сдался, то мог бы рассказать копам, что произошло сегодня, как они похитили меня и стреляли в меня. Конечно, это было бы моё слово против их, но в доме Куки нашлась бы пуля, подходящая его пистолету. Так же были бы телефонные записи звонка Куки. Возможно, его сложно было бы пришить к делу, но бьюсь об заклад, Джед не хотел рисковать.

Но если Джед застрелит меня сейчас, даже если я буду пытаться сдаться, это будет выглядеть, как самооборона, или, в самом худшем случае, как палец соскочил с курка. Он выстрелит, убьёт меня и скажет, что думал, что у меня пистолет или что-то в этом духе и в самом деле я уже убил одного человека, по утверждению Коренастого и Худого Джерри. И все остальные вермонтские приятели подтвердят историю Джеда, а единственный человек, который мог бы возразить им, ваша правда, станет пищей червям.

Было над, чем подумать. Если я сдамся, насколько я застряну в полиции? Я был уже близко к истине. Я чувствовал. Они думают, что я убил кого-то. Чёрт возьми, я же сам признался в этом. Насколько они меня задержат? Уверен, надолго.

Если они меня сейчас арестуют, то я, вероятно, так и не смогу поговорить с сестрой Натали, Джули, с глазу на глаз.

- Сюда, - сказал Худой Джерри.

Они направились ко мне. Джед поднял пистолет, держа его наготове.

Я начал пятиться назад. Было ощущение, словно моя голова потонула в патоке.

- Если кто-нибудь есть в лесу, - крикнул Коренастый, - выходи с поднятыми руками.

Они подходили всё ближе. Я отполз ещё на несколько шагов и нырнул за дерево. Лес был густым. Если бы я смог подальше углубиться в него, я был бы в безопасности, хотя бы на время. Я поднял камень и швырнул его как можно дальше. Все повернулись. Фонарики засветили в том направлении.

- Туда, - крикнул кто-то.

Джед шёл впереди, держа пистолет наготове.

Сдаться? О, не думаю.

Коренастый шёл следом за Джедом. Джед ускорил шаг, теперь он практически бежал, но Коренастый вытянул руку, чтобы остановить его.

- Помедленнее, - сказал Коренастый. - Он может быть вооружён.

Конечно же, Джед знал лучше.

Худой Джерри не сдвинулся с места.

- Эта штуковина говорит, что он до сих пор там.

Он снова указал в моём направлении. Они были в сорока-пятидесяти метрах от меня. Пригибаясь, я быстро закопал телефон, вторая потеря за последние три дня, под кучей листьев и насколько возможно тихо поспешил прочь. Я начал двигаться назад, углубляясь в лес, изо всех сил пытаясь не шуметь. В руке я держал несколько камней. Кину их, если нужно будет отвлечь преследователей.

Остальные столпились вокруг Джерри, медленно двигаясь к телефону.

Я ускорился, удаляясь всё глубже и глубже в лес. Теперь я видел лишь свет фонарей.

- Он уже близко, сказал Худой Джерри.
- Или, добавил Джед, светя фонарём, его телефон.
- Я, пригнувшись, продолжал двигаться дальше. У меня не было никакого плана. Я понятия не имел, в каком направлении и как далеко простирается лес. Может быть, я и сбежал от них, может быть, я и в состоянии продолжать путь, но в конечном итоге, пока не найду выхода из леса, я не имею ни малейшего представления, как выбраться отсюда.

Возможно, следует, повернуть назад к дому.

Я услышал неясный гул голосов. Они теперь были слишком далеко, чтобы увидеть их. Это хорошо. Я увидел, что движение прекратилось.

Фонарики потухли.

- Его здесь нет, - сказал кто-то.

Коренастый раздражённо ответил:

- Вижу.
- Может быть, твой прибор сломался.

Думаю, они были прямо на том месте, где я вслепую зарыл телефон. Интересно, сколько это даст мне времени. Немного, но, наверное, достаточно. Я поднялся, чтобы бежать дальше, и тут это произошло.

Я не доктор и не учёный, поэтому на самом деле не могу сказать, как действует адреналин. Я лишь знаю, что он действует. Он помог мне двигать дальше, несмотря на боль от удара по голове, от прыжка в окно, от жёсткого приземления. Он помог мне оправиться от столкновения с деревом, даже, несмотря на то, что мои губы опухли, и ощущался горький вкус крови на языке.

Но что я знаю, что я выяснил в тот самый момент, что адреналин не бесконечен. Это лишь ограниченный гормон в нашем теле, не более того. Возможно, это один из самых мощных всплесков, которые мы только знаем, но эффект, как я быстро понял, был краткосрочным.

И этот эффект в конечном итоге закончился.

Боль только отступила, как тут же заявила о себе, резанув, словно острой косой. Вспышка боли разорвала голову, сбив меня с ног. Я закрыл рукой рот, чтобы не закричать.

Я услышал, как подъезжает другая машина. Неужели Коренастый вызвал подмогу?

Вдалеке я услышал голоса:

- Это его телефон.
- Что за... он закопал его!
- Раскопайте его!

Я услышал шорох позади себя. Хорошо ли закрывают меня деревья от фонарей и пулей? Вероятно, не очень хорошо. Я ещё раз обдумал идею, сдаться и воспользоваться шансом. Но она мне снова не понравилась.

Я снова услышал Коренастого:

- Назад, Джед. Мы сами справимся.
- Это моя земля, ответил Джед. Для вас она слишком большая.
- И всё же...
- Моя собственность, Джерри, голос Джеда был резким. Ты находишься на ней без ордера.
- Ордера? сказал Коренастый. Ты серьёзно? Мы просто волнуемся о твоей безопасности.

- Я тоже, ответил Джед. Ты понятия не имеешь, где прячется убийца, так?
  - Hy...
- Ко всему прочему ты знаешь, что он может быть в доме. Прятаться. Ждать нас. Ни за что, брат! Мы остаёмся здесь с вами.

Тишина.

"Вставай", - сказал я самому себе.

- Всем оставаться на виду, - сказал Коренастый. - Не геройствовать. Увидите что-нибудь, зовите на помощь.

Послышалось согласное бормотание, затем темноту прорезали лучи фонарей. Они разделились. В темноте я не видел людей, только подпрыгивающие лучи света. Этого было достаточно, чтобы понять, что я попал.

Вставай, тупой осёл!

Голова закружилась от боли, но я смог встать на ноги и побрёл вперед, как какой-нибудь монстр из фильма на негнущихся ногах. Я сделал три, может быть, четыре шага, когда луч фонаря скользнул за моей спиной.

Я быстро прыгнул за дерево.

Заметили ли меня?

Я ждал, что кто-нибудь закричит. Но этого не случилось. Я прижался спиной к коре дерева. Единственный звук, который я слышал, было моё дыхание. Попал ли я в луч света? Я был абсолютно уверен, что попал. Но не знал наверняка. Я стоял на том же месте и ждал.

Шаги приближались ко мне.

Я не знал, что делать. Если кто-то заметил меня, мне конец. Пути для побега не было. Я ждал, что этот кто-то позовёт на помощь.

Ничего, кроме приближающихся шагов.

Минуточку. Если меня заметили, почему никто не зовёт на помощь? Может быть, я в безопасности. Может быть, меня перепутали с деревом.

Или, может быть, никто не зовёт на помощь, потому что хочет пристрелить меня?

Я попытался хладнокровно взглянуть на ситуацию. Допустим, например, это Джед. Разве стал бы он звать на помощь? Нет. Если он позовёт на помощь, я могу убежать, и Коренастый и Худой Джерри пустятся за мной в погоню, тогда меня будет сложнее убить. Но, предположим, он заметил меня в луче света. Что тогда? Если он на самом деле заметил меня, если он знает, что я прячусь за этим деревом, эм, может быть, Джед подкрадётся ко мне с пистолетом наготове, и...

Бабах.

Шаги становились громче.

Мой мозг опять пытался провернуть эту штуковину с быстрым присчитыванием вариантов. Она меня уже спасла. Но спустя секунду или две активной работы нейронов, я пришёл к потрясающе очевидному заключению:

Мне конец. Выхода не было.

Я пытался собрать всю силу для одного большого рывка, но, в самом деле, что это даст? С уверенностью можно сказать, что я себя разоблачил, и в таком состоянии, я ни за что не убегу далеко. Меня либо застрелят, либо схватят. Подумайте только, у меня всего лишь два выбора: быть застреленным или схваченным. Я выбираю "быть схваченным", спасибо большое. Остаётся только вопрос, как увеличить мои шансы быть схваченным?

Без понятия.

Луч света танцевал передо мной. Я прижался спиной к дереву и встал на носочки. Как будто это могло помочь. Шаги всё ближе. Судя по звуку и яркости света, я понял, что кто-то находится в десяти метрах от меня.

Варианты влетали в голову и вылетали. Я мог остаться на месте и накинуться на преследователя. Если это, например, Джед, я мог разоружить его. Но любое движение, лишь раскроет моё местоположение, а если это не был Джед, если это был, например, Коренастый, тогда на меня откроют охоту за нападение на полицейского при исполнении.

Так, что же делать?

Надеяться, что меня не заметили.

Конечно же, надежда это не план и даже не выбор. Это лишь мечты. Отдам свою судьбу в руки, эм, судьбы.

Шаги были уже в одном-двух метрах от меня. Я приготовился, не знаю, что делать, положиться на чутьё, и тогда я услышал шепот.

- Ничего не говори. Я знаю, что ты за деревом.

Это была Куки.

- Я пройду мимо тебя, сказала они тихим голосом. Выходи и иди сразу за мной. Держись как можно ближе к моей спине.
  - YTO?
- Просто делай, как я сказала, её тон не располагал к дискуссиям. Вплотную ко мне.

Куки прошла мимо моего дерева, почти ударившись об него, и пошла дальше. Я не колебался, пристроился сзади и последовал за ней. Я видел свет фонарей вдалеке справа и слева от меня.

- Ты же этого не планировал? - сказала Куки.

Я не знал, о чём она.

- Ты любил Натали, правда?
- Да, прошептал я.
- Я отведу тебя как можно дальше. Мы найдём дорожку. Направо. Пригибайся и не показывайся на глаза. Дорожка ведёт прямо к белой часовне. Ты знаешь, как выбраться оттуда. Я попытаюсь задержать их. Настолько долго, насколько смогу. Не иди домой. Тебя там найдут.
  - Кто меня найдёт?

Я пытался двигаться синхронно с ней, сопоставляя наши шаги, как раздражающий ребёнок, который копирует другого.

- Джейк, тебе нужно остановиться.
- Кто меня найдёт?
- Всё сложнее, чем ты даже можешь представить. Ты не представляешь, с чем ты столкнулся. Ни капельки.
  - Расскажи мне.
- Если ты не остановишься, ты погубишь всех нас, Куки свернула влево. Я за ней. Дорожка идёт прямо. Я сверну налево, а ты иди направо. Понял?
  - Где Натали? Она жива?
  - Через десять секунд мы будет на дорожке.
  - Скажи мне.
  - Ты не слушаешь меня. Не лезь в это дело.
  - Тогда скажи мне, где Натали.

Было слышно, как вдалеке Коренастый кричит что-то, но я не мог разобрать слова. Куки замедлила шаги.

- Пожалуйста, - сказал я.

Её голос был отстранённым, пустым:

- Я не знаю, где Натали. Не знаю, жива она или мертва. Так же, как и Джед. И все остальные.

Мы вышли на дорожку, которая была сделана из измельчённого камня. Она начала поворачивать налево.

- И, Джейк, последнее.
- Что?
- Если ты вернёшься, я больше не буду спасать тебя, Куки показала пистолет в руке. Тогда я положу всему этому конец.

Глава 22

Я узнал дорожку.

Справа был маленький пруд. Мы с Натали плавали здесь ночью. Мы как-то выбрались сюда, рисовали, купались, лежали обнажёнными, обнявшись и прижавшись друг к другу.

- У меня никогда такого не было - произнесла она медленно. - В смысле, у меня бывало так, но... никогда такого.

Я понял. И одновременно не понял.

Я прошёл мимо старой скамейки в парке, где мы с Натали сидели после кофе с булочками Куки. Впереди я увидел слабые очертания часовни, но едва взглянул на неё, сейчас совсем не время притормаживать из-за воспоминаний. Я пошёл по дорожке к городу. Моя машина была в полукилометре отсюда. Я задавался вопросом, определили полицейские её местонахождение или нет. Не знаю, как бы они могли это сделать. Я не смогу много проехать на ней, вполне вероятно, что на ней тоже есть устройство слежения, но не видно другого пути выбраться отсюда. Мне придётся рискнуть.

Улица была такой же тёмной, я смог найти машину только по памяти. Я практически напоролся на неё. Когда я открыл дверь, внутренний свет ворвался в темноту. Я быстро забрался вовнутрь и закрыл дверь. Что теперь? Похоже, теперь я в бегах. Мне вспомнилось несколько сериалов, где беглец переставляет номера с другой машины. Может быть, это поможет. Может быть, мне стоит найти припаркованную машину и снять с неё номера. Правильно, только, конечно же, у меня не было отвёртки. Как это сделать без отвёртки? Я порылся в карманах и вытащил десятицентовую монетку. Сойдёт ли она за отвёртку?

Это займёт довольно много времени.

У меня была цель. Я поехал на юг, аккуратно, не быстро и не медленно, постоянно нажимая газ и тормоз, как будто подобающая скорость могла каким-то образом сделать меня невидимым. Дорога была тёмная. Вероятно, это поможет. В голове постоянно вертелось, что устройство слежения не всемогущее. Возможно, у меня будет достаточно времени, если я съеду с главной дороги.

Мой телефон теперь, конечно же, пропал. Я чувствовал себя обнажённым и бессильным без него. Забавно, как привязываешься ко всем эти девайсам. Я продолжил путь на юг.

Что теперь?

У меня было всего шесть долларов. На этом далеко не уедешь. Если я воспользуюсь кредитной картой, то полицейские быстро вычислят меня и сразу же схватят. Ну, не сразу же. Сначала им нужно увидеть, как прошла оплата, потом послать полицейский автомобиль за мной. Не знаю, сколько времени на это потребуется, но сомневаюсь, что всё произойдёт моментально. Полицейские многое могут. Но и они не всесильные.

На самом деле у меня не было выбора. Но нужно рассчитать риск. Трасса 91, главная дорога в этом районе, шла прямо. Я поехал по ней до первого места отдыха и припарковался в наименее освещённом месте, какое только смог найти. Я поднял воротник, чтобы замаскироваться и направился вовнутрь. Когда я шёл мимо маленького круглосуточного магазина, мой взгляд за что-то зацепился.

Там продавались ручки и маркеры. Немного, но может быть...

Я раздумывал секунду или две, а затем вошёл в магазин. Когда я изучить маленький выбор пишущих инструментов, разочарование, постигшее меня, оказалось сильнее, чем я ожидал.

- Вам помочь?

Девушке за прилавком не могло быть больше двадцати. У неё были светлые волосы с розовыми прядями. Ага, розовыми.

- Мне нравятся ваши волосы, сказал я, как обольститель.
- Розовые? она показал на пряди. Это пропаганда профилактики рака молочной железы. Скажите, вы в порядке?
  - Конечно, а что?
  - У вас на голове большая шишка. Кажется, из неё идёт кровь.
  - О, это. Точно. Я в порядке.
  - У нас в продаже есть аптечки первой помощи. Если вам нужно.
- Ага, может быть, я снова повернулся к ручкам и маркерам. Мне нужен красный маркер, но нигде его не вижу.
  - Мы не завозили их. Только чёрные.
  - O.

Она изучающе посмотрела на моё лицо.

- Хотя у меня есть один, - она выдвинула ящик и достала красный маркер. - Мы используем его для инвентаризации, чтобы вычёркивать товары.

Я попытался не показать, как я был взволнован.

- Могу ли я как-нибудь его купить?
- Не думаю.
- Пожалуйста. Это, правда, очень важно.

Она задумалась.

- Знаете, что. Вы покупаете аптечку первой помощи и обещаете, что займётесь шишкой. А я добавлю к ней маркер.

Мы ударили по рукам, и я поспешил в туалет. Часы тикали. Полицейская машина могла бы уже приехать к магазину и проверить машины, правильно? Или нет? Без понятия. Я пытался дышать ровно и гладко. Я посмотрел на лицо в зеркале. Уф. На лбу была припухлость и открытый порез над глазом. Я, как мог, очистил раны, но большая повязка привлекла бы ко мне слишком много внимания.

Банкомат стоял рядом с торговыми автоматами, но мне нужно было подождать ещё несколько минут.

Я выскочил из машины. Номер моей машины - 704 LI6. Надписи помассачусетски красные. С помощью маркера я исправил 0 на 8, L на E, I на T и 6 на 8. И отступил назад. Он никого не проведёт на близком расстоянии, но в отдалении номер выглядел, как 784 ET8.

Я бы умилился своей изобретательности, но не было времени. Я пошёл назад к банкомату и по пути обдумывал, как лучше подойти к нему. Я знал, что у всех банкоматов есть камеры, да и кто об этом не знает, но даже, если я не попаду в её поле зрения, власти всё равно узнают, что это моя карта.

Здесь важна скорость. Если у них есть моя фотография, то ничего здесь уже не поделаешь.

У меня две кредитки. Я снял максимум наличности с них и поспешил в машину. Я свернул с главной дороги на следующем съезде и поехал по просёлочным дорогам. Добравшись до Гринфилда, я припарковал машину в переулке в центре. Я собирался сесть на ближайший автобус, но это было бы слишком очевидно. Посему я нашёл такси и добрался на нём до Спрингфилда. Естественно, я платил наличными. Потом сел на автобус компании "Питер Пэн", идущий оттуда до Нью-Йорка. На протяжении всего путешествия мои глаза постоянно изучали пространство, ожидая увидеть, не знаю, полицейского или плохого парня, которые найдут меня и схватят.

Паранойя?

Добравшись до Манхэттена, я взял другое такси и поехал в Рамси, штат Нью-Джерси, где по мои сведениям жила Джули Поттам, сестра Натали.

Когда мы прибыли в Рамси, водитель спросил:

- Хорошо, приятель, теперь куда?

Было четыре часа утра, очевидно, что слишком поздно (или, в

зависимости, от вашего отношения, слишком рано) для визита к сестре Натали. Плюс мне нужно было отдохнуть. Голова болела. Нервы были на пределе. Всё тело трясло от истощения.

- Давайте найдём отель.
- Дальше по дороге есть "Шератон [12]".

Они наверняка потребуют удостоверение личности и, возможно, карту.

- Нет, что-нибудь... подешевле.

Мы нашли один из тех отелей, где не нужно регистрировать, предназначенный для дальнобойщиков, неверных супругов и нас, беглецов. Он прямо в точку назывался "Честный мотель". Я люблю честность: мы не великолепны, мы даже не хороши, мы "честные". Знак над навесом заявлял: "Почасовая оплата" (прямо как в отеле "Риц-Карлтон"), "Цветное телевидение" (насмехаясь над конкурентами, которые до сих пор использовали чёрно-белое) и моя любимая часть - "И теперь полотенца с рисунком!"

Здесь не требовалось ни удостоверение личности, ни кредитная карта, ни даже наличие пульса.

Женщине за стойкой было семьдесят. Она посмотрела на меня глазами, которые видели всё. На бирке было написано её имя - Мейбл. Её волосы были похожи на сено. Я попросил комнату в задней части мотеля.

- Вы резервировали? спросила она.
- Вы шутите, да?
- Да, шучу, ответила Мейбл. Но все задние комнаты заняты. Все хотят задние комнаты. Наверное, всё дело в виде на помойку. У меня есть милая комната с видом на продуктовый магазин, если желаете.

Мейбл дала мне ключи от 12 комнаты, которая в конечном итоге оказалась не такой кошмарной, как я ожидал. Комната выглядела абсолютно чистой. Я пытался не думать о том, что за свою жизнь видела этого комната, но опять же, если на минутку задуматься, то и в Риц-Карлтон мне не хотелось бы думать о том же.

Я свалился в постель в одежде и заснул одним из тех снов, когда ты не помнишь, как уснул и понятия не имеешь, сколько времени, когда просыпаешься. Когда наступило утро, я потянулся к тумбочке за телефоном, но вспомнил, что у меня, увы, его больше нет. Зато у полиции есть. Интересно, лазили ли они по нему? Посмотрели ли они все поисковые запросы, все сообщения, которые я отправил, все е-майлы, которые получил? Сделали ли они тоже с компьютером дома на кампусе? Если они получили ордер на отслеживание моего телефона, то нет причин, чтобы не получить ордер на обыск квартиры. Но и что тогда? Они не найдут там

ничего криминального. Смущающее, может быть, но кто не искал в интернете чего-нибудь постыдного?

Голова по-прежнему болела. Очень сильно. От меня пахло, как от козла. Даже душ не поможет, если я не сменю одежду. Я прищурился от яркого утреннего солнца, прикрыв глаза рукой, как вампир или человек, который провёл в казино всю ночь. Мейбл была по-прежнему за стойкой.

- Вау, во сколько вы заканчиваете работать? спросил я.
- Вы что решили приударить за мной?
- Эм, нет.
- Потому что вам не мешало бы привести себя в порядок перед тем, как сделать следующий шаг. У меня высокие требования.
  - У вас не найдётся аспирина или Тайленола?

Мейбл нахмурилась, взяла сумочку и вытащила целый арсенал болеутоляющих: Тайленол, Адвил, Алив, Байер. Я выбрал Тайленол, выдавил две таблетки и поблагодарил её.

- В магазине дальше по дороге есть отдел для крупных людей, - сказала Мейбл. - Может быть, вы хотите купить новую одежду.

Хорошее предположение. Я отправился туда и купил джинсы и фланелевую рубашку, не забыв о нижнем белье. Так же я купил зубную щётку для путешественников, зубную пасту и дезодорант. В мои планы не входило оставаться в бегах долгое время, но в одну вещь всё-таки я хотел сделать до того, как сдамся властям.

Поговорить с сестрой Натали с глазу на глаз.

Последняя покупка: одноразовый телефон. Я позвонил Бенедикту на мобильный, домашний и рабочий телефон. Ни одни не отвечал. Вероятно, слишком рано для него. Я задумался, кого ещё набрать и решил позвонить Шанте. Она ответила на первом же гудке.

- Алло?
- Это Джейк.
- С какого номера телефона ты звонишь?
- Это одноразовый телефон.

Последовала пауза.

- Не хочешь рассказать, что происходит?
- Два вермонтских полицейских ищут меня.
- Зачем?

Я быстро объяснил.

- Подожди, сказала Шанта. Ты что сбежал от полицейских?
- Я не был уверен в благополучном исходе. Я думал, что эти люди могли меня убить.

- Так, сдайся сейчас.
- Прямо сейчас не могу.
- Джейк, послушай. Если ты в бегах, если правоохранительные органы ищут тебя...
  - Мне просто сначала нужно кое-что сделать.
  - Тебе нужно сдаться.
  - Сдамся, но...
  - Но что? Ты рехнулся?

Может быть.

- Эм, нет.
- Где ты, чёрт возьми?

Я ничего не ответил.

- Джейк? Это не игрушки. Где ты?
- Я перезвоню.

Я быстро отключился, злясь на себя. Звонок Шанте был ошибкой. Она друг, но в данном случае у неё есть другие обязательства и приоритеты.

Ладно, дыши глубоко. Что теперь?

Я позвонил сестре Натали.

Алло?

Это была Джули. Я отключился. Она дома. Это-то мне и нужно было знать. Номер такси лежал на видном месте в моём номере. Догадываюсь, что многим людям не нравится приезжать и уезжать из "Честного мотеля" на своей машине. Я позвонил по номеру и вызвал такси к магазину. Я заскочил в мужской туалет, вымылся насколько позволила раковина и переоделся в новые шмотки.

Спустя пятьдесят минут я звонил в дверной звонок Джулии Поттам.

У неё была стеклянная дверь перед деревянной, таким образом, она могла открыть одну, посмотреть, кто там, и при этом оставаться за запертой стеклянной дверью. Когда Джули увидела, кто стоял на пороге, её глаза расширились, а дрожащая рука закрыла рот.

- Ты по-прежнему будешь притворяться, что не знаешь меня? спросил я.
  - Если ты не уйдёшь сейчас же, я вызову полицию.
  - Зачем ты врала мне, Джули?
  - Убирайся отсюда.
- Нет. Ты можешь вызвать полицейских, они уведут меня, но я вернусь. Или прослежу за тобой до работы. Или приду ночью. Я никуда не уйду, пока ты не ответишь на мои вопросы.

Глаза Джули метались туда-сюда. Её волосы были по-прежнему

невзрачного коричневого цвета. Она не сильно изменилась за прошедшие шесть лет.

- Оставь мою сестру в покое. Она счастлива в браке.
- В браке с кем?
- Что?
- Тодд мёртв.

Это остановило её.

- О чём ты говоришь?
- Он убит.

Её глаза расширились.

- Что? О, Боже мой, что ты сделал?
- Что? Я? Нет. Ты думаешь...?

Этот разговор быстро выходил из-под контроля.

- Это не имеет ко мне никакого отношения. Тодда нашли в доме, в котором он жил вместе с женой и двумя детьми.
  - Детьми? У них нет детей.

Я посмотрел на неё.

- В смысле, она говорила мне... голос Джули затих. Казалось, как будто она в трансе. Я не ожидал такого. Я понял, что она знает, что происходит, по крайней мере, частично. Чем бы, чёрт возьми, это не было.
- Джули, сказал я медленно, пытаясь обратить на себя её внимание, почему ты притворялась, что не знаешь меня?

Её голос по-прежнему был далеко.

- Где? спросила она.
- Ч_{то?}
- Где убили Тодда?
- Он жил в Пальметто Блафф, Южная Каролина.

Она покачала головой.

- Бессмыслица какая-то. Ты ошибся. Или врёшь.
- Нет.
- Если бы Тодд был мёртв, или, исходя из твоих слов, убит, Натали рассказала бы мне.

Я облизал губы, стараясь, чтобы в моём голосе не было слышно отчаяние.

- Так, вы поддерживаете связь?

Ответа не последовало.

- Джули?
- Натали волновалась, что это может случиться.
- Что случиться?

Её глаза, наконец, сфокусировались. Они сверлили меня.

- Натали думала, что однажды ты придёшь ко мне. Она даже сказала, что тебе сказать в таком случае.

Я сглотнул.

- Что она сказала?
- "Напомни ему об обещании".

Тишина.

Я сделал шаг к ней.

- Я сдерживал обещание. Шесть лет. Можно мне войти, Джули?
- Нет
- Тодд мёртв. Пока он был жив, я хранил обещание. Теперь этому настал конец.
  - Я не верю тебе.
  - Посмотри сайт Лэнфорда. Там ты увидишь его некролог.
  - Что?
  - На компьютере. Тодд Сандерсон. Посмотри некролог. Я подожду.

Не говоря ни слова, она отступила назад и закрыла дверь. Я не знал, что это значит. Пошла ли она смотреть сайт или решила, что достаточно со мной разговаривала. Мне не куда было идти. Поэтому я остался там, смотрел на дверь и ждал. Через десять минут Джули вернулась. Она отперла стеклянную дверь и жестом показала мне войти.

Я сел на диван. Джули, оглушённая, напротив меня. Её глаза были похожи на разбитые стеклянные шарики.

- Я не понимаю. Там говорится, что он женат, и у него есть дети. Я думала...
  - Думала что?

Она резко покачала головой.

- В любом случае, почему ты так заинтересован? Натали бросила тебя. Я видела тебя на свадьбе. Я думала, что ты ни за что не придёшь, но Натали знала лучше. Почему? Ты что мазохист?
  - Натали знала, что я приду?
  - Да.

Я кивнул.

- Что? спросила она.
- Она знала, что мне нужно увидеть всё самому.
- Почему?
- Потому что иначе бы я не поверил.
- Что она может влюбиться в другого мужчину?
- Да.

- Но она влюбилась. И взяла с тебя обещание держаться подальше от них.
- Я знал, что это обещание было ошибкой. Несмотря на то, что дал его, несмотря на то, что видел, как она обменивается клятвами с другим мужчиной, я никогда не прекращал верить, что Натали любит меня. Знаю, складывается ощущение, как будто я фантазёр. Знаю, что это звучит, словно я ношу самые толстые за всю историю человечества розовые очки, или, что я такой эгоист, что не могу принять правду. Но я знаю. Знаю, что ощущал, когда был с ней, и знаю, что чувствовала она. Всё эти сопливоромантические бредни, над которыми мы издеваемся, когда два сердца бьются, как одно, когда солнце светит даже в облачный день, когда связь между двумя людьми выходит за рамки физического и даже духовного, теперь я неожиданно понял, всё это у нас с ней было. Об этом невозможно лгать. Если в такого рода любви найдётся фальшивая нота, ты её услышишь. Было слишком много моментов, от которых у меня перехватывало дыхание. Я жил ради её смеха. Когда я смотрел в её глаза, я видел вечность. Когда я держал её в руках, я знал, впервые в жизни, что приношу кому-то счастье. Мы нашли то самое место, редкое и особенное, место с цветом и фактурой, и если ты так же даришь кому-то счастье, как и я тогда, то будешь сожалеть обо всех тех моментах, которые провёл не в этом месте, потому что они походят на пустую трату времени. Тебе становится жалко других людей, потому что они не ощущают этих непрерывных вспышек страсти. Натали заставила меня чувствовать себя живым. Она делала всё вокруг нас игривым и удивительным. Вот, что я чувствовал, и я знаю, что Натали чувствовала то же самое. Мы не были ослеплены любовью. Как раз таки напротив. Мы оба начали видеть всё отчётливо, и вот, почему я никак не могу её отпустить. Мне нельзя было давать это обещание. Может быть, в моей голове и был беспорядок, но не в сердце. Мне нужно было слушать своё сердце.

Когда я закончил, то увидел, что по её лицу бегут слёзы.

- Ты и вправду веришь в это?

Я кивнул.

- И неважно, что ты говоришь.
- И всё же... сказала Джули.

Я закончил за неё мысль.

- И всё же Натали порвала со мной и вышла замуж за своего бывшего парня.

Джули скорчила гримасу.

- Бывшего парня?

- Да.
- Тодд не был её бывшим.
- Что?
- Они только встретились. Всё произошло до смешного внезапно.

Я попытался ясно мыслить.

- Но она сказала, что они встречались, что они жили вместе, были влюблены, потом расстались, но поняли, что созданы друг для друга...

Джули покачал головой. Пол начал уходить из-под ног.

- Это был бурный роман, - произнесла она. - Так Натали мне сказала. Я не могла понять, зачем так спешить пожениться. Но Натали, эм, она творческая личность. Она непредсказуемая. У неё бывают, как ты и говорил, вспышки страсти.

Бессмыслица какая-то. Абсолютно всё бессмыслица. Или, может быть, первый раз неразбериха ведёт к какой-то ясности.

- Где Натали? - спросил я.

Джули заправила волосы за ухо и отвела взгляд.

- Пожалуйста, скажи мне.
- Я ничего не понимаю.
- Знаю. Я хочу помочь.
- Она предупреждала меня. Она просила ничего тебе не говорить.

Я не знал, что на это ответить.

- Думаю, лучше тебе уйти.

Здесь без шансов, но, может быть, стоит зайти с другой стороны, вывести её из равновесия.

- Где твой отец? - спросил я.

Когда я появился у её двери, то оглушил её известием о смерти Тодда. Теперь же было ощущение, словно я ударил её по лицу.

- Что?
- Он преподавал в Лэнфорде на моей кафедре. Где он сейчас?
- Какое он имеет ко всему этому отношение?

Хороший вопрос. Даже замечательный вопрос.

- Натали никогда мне о нём не рассказывала.
- He рассказывала? Джули вяло пожала плечами. Может быть, вы не были так близки, как ты думал.
- Она приходила со мной на кампус, и ни слова не сказала о нём. Почему?

Джули задумалась на мгновение.

- Он ушёл двадцать-пять лет назад. Мне было пять лет. Натали девять. Я едва помню его.

- Куда он ушёл?
- Какое это имеет значение?
- Пожалуйста. Куда он ушёл?
- Он сбежал со студенткой, но она была не последней. Моя мама... Она не простила его. Он снова женился и начал жить с новой семьёй.
  - Где они?
- Не знаю, и меня это не волнует. Моя мать сказала, что он переехал на запад. Это всё, что я знаю. Остальное мне неинтересно.
  - А Натали?
  - А что она?
  - Она интересовалась отцом?
  - Интересовалась? От неё это не зависело. Он сбежал.
  - Натали знает, где он?
- Нет. Но... Думаю, он причина, по которой Натали всегда так не везло с мужчинами. Когда мы были маленькими, она была убеждена, что однажды отец вернётся, и мы будем жить одной семьёй. Даже когда он женился. Даже когда у него появились другие дети. Мама говорила, что он нехороший человек. Он умер для неё и меня.
  - Но не для Натали.

Джули не отвечала. Казалось, она погрузилась в размышления.

- Что? спросил я.
- Моя мама сейчас в больнице. Осложнения при диабете. Я пытаюсь ухаживать за ней, но... Её голос затих. Понимаешь ли, мама так и не вышла снова замуж. У неё не было личной жизни. Мой отец всё у неё забрал. И всё же Натали ждала какого-то примирения. Она по-прежнему думала, не знаю, что ещё не поздно. Натали такой мечтатель. Было ощущение, что она хотела найти способ доказать свою точку зрения, найти мужчину, который никогда не оставит её, тем самым доказав, что отец тоже не собирался от нас уходить.
  - Джули?
  - Что?

Я убедился, что она смотрит мне в глаза.

- Она встретила такого мужчину.

Джули посмотрела в окно и заморгала. Слёзы побежали по её щекам.

- Где Натали? - спросил я.

Джули покачала головой.

- Я не уйду, пока ты не скажешь. Пожалуйста. Если она по-прежнему не хочет видеть меня...
  - Конечно же, она не хочет видеть тебя, рявкнула Джули, внезапно

рассердившись. - Если бы она хотела, разве бы она сама не связалась бы с тобой? Ты был прав.

- В чём?
- Что ты фантазёр. Что ты носишь розовые очки.
- Тогда помоги мне снять их, равнодушно сказал я. Раз и навсегда. Помоги мне увидеть правду.

Не знаю, попали ли мои слова в цель. Меня было не переубедить. Я смотрел на неё, и, может быть, она поняла это. Может быть, поэтому она в конечном итоге сдалась.

- После свадьбы, Натали и Тодд переехали в Данию. Там они жили, но много путешествовали. Тодд работал врачом в благотворительной организации. Забыла, как она называется. Что-то связанное с началом.
  - Новое начало.
- Да, точно. Они ездили по бедным странам. Тодд проводил медицинские процедуры нуждающимся. Натали занималась рисованием и преподавала. Она обожала это. Они были счастливы. Или я так думала.
  - Когда в последний раз ты её видела?
  - На свадьбе.
  - Стой. Ты не видела сестру шесть лет?
- Да. После свадьбы Натали рассказала, что её жизни с Тоддом будет одним большим грандиозным путешествием. Она предупредила, что, возможно, пройдёт много времени прежде, чем я её увижу снова.

Я не мог поверить в то, что слышу.

- И ты никогда не летали к ним, чтобы навестить? И она никогда не приезжала сюда?
- Нет. Как я уже говорила, она предупреждала меня. Я получала письма из Дании.
  - А общение по электронной почте или по телефону?
- У неё их нет. Она думает, что современные технологии затмевают сознание и мешают работе.

Я состроил гримасу.

- Она так сказала?
- Да.
- И ты купилась? А что если возникнет срочная необходимость? Джули пожала плечами.
- Она хотела такой жизни.
- И тебе не показалось всё это странным?
- Да. На самом деле я привела те же аргументы, которые приводишь ты. Но что я могла сделать? Она дала чётко понять, именно этого она хочет.

Это было начало целого нового путешествия. Кто я такая, чтобы стоять на её пути?

Я покачал с недоверием головой.

- Когда последний раз ты получила от неё письмо?
- Давно. Несколько месяцев назад, может быть, полгода.

Я откинулся на спинку.

- Так в действительности, ты не знаешь, где она?
- Я бы сказала, что в Дании, но, по правде, я не знаю. Я так же не понимаю, как её муж мог жить с другой женщиной в Южной Каролине и всё остальное. В смысле, всё это не имеет смысла. Я не знаю, где она.

Резкий стук в дверь испугал нас. Джули потянулась к моей руке, как будто ей нужно было утешение. Последовал второй стук, а затем голос:

- Джейкоб Фишер? Это полиция. Дом окружён. Выходите с поднятыми руками.

Глава 23

Я отказывался говорить что-либо, пока не появился мой адвокат, Бенедикт.

Это заняло какое-то время. Сотрудник полиции представился, как Джим Малхолланд, сотрудник полиции Нью-Йорка. Я так и не понял, при чём здесь Нью-Йорк. Колледж Лэнфорда находится в Массачусетсе. Я убил Отто на 91 шоссе, которое проходит в самом штате. Гнались за мной в Вермонте, а арестовали в Нью-Джерси. Если не считать, что я пользовался общественным транспортом на Манхеттене, то я не мог понять, каким образом Нью-Йоркская полиция была причастна к этой беспорядку.

Малхолланд был плотным мужчиной с густыми усами, которые наводили на мысль о частном детективе Магнуме [13]. Он подчеркнул, что меня не арестовали и что я могу уйти в любое время, но они очень, очень оценят моё сотрудничество. Пока он вёз меня в полицейский участок в районе Мидтауна, то разговаривал вежливо, но бессодержательно. Он предложил на выбор содовую, кофе, сандвич. Неожиданно я понял, что голодный, поэтому принял предложенное. Я уже собирался насладиться едой, когда вспомнил, что под стражей едят только виновные люди. Я читал где-то об этом. Виновные знают, что их ждёт, поэтому они могут спать и есть. В то время как невиновные слишком сбиты с толку и слишком нервничают, чтобы это делать.

Так кто же я тогда?

Я съел сандвич и даже насладился каждым кусочком. И каждый раз Малхолланд или его напарница, Сьюзен Телеско, высокая блондинка в джинсах и водолазке, пытались вовлечь меня в разговор, я отделывался от них, напоминая, что ссылаюсь на своё право не говорить без адвоката. Через три часа появился Бенедикт. Мы вчетвером, Малхолланд, Телеско, Бенедикт и ваш покорный слуга, устроились за столом в комнате для допроса, которая была оформлена не слишком уж и пугающе. Конечно же, у меня не было особого опыта с комнаты для допроса, но я всегда представлял её холодной и пустой. Эта же была бежевой.

- Вы знаете, почему вы здесь? спросил Малхолланд. Бенедикт нахмурился.
- Вы серьёзно?
- Что?
- И какой вы ответ ждёте на этот вопрос? Возможно, признание? "О,

да, детектив Малхолланд, я знаю, что вы арестовали меня за стрельбу в двух винных магазинах". Можем мы просто пропустить эту бессмысленную часть и просто перейти к делу?

- Прослушайте, сказал Малхолланд, подобнее устраиваясь в кресле. -Мы на вашей стороне.
  - О, да ладно.
- Нет, я серьёзно. Нам просто нужно выяснить некоторые детали, а затем мы все пойдём домой лучшими людьми, чем были до того, как всё произошло.
  - О чём вы говорите? спросил Бенедикт.

Малхолланд кивнул Телеско. Она открыла папку и толкнула листы бумаги по столу. Когда я увидел дырочки от пуль, вид спереди, вид сбоку, кровь застыла в венах.

Это был Отто.

- Вы знаете этого мужчину? спросила Телеско.
- Не отвечай.

Я и не собирался, но Бенедикт положил мне руку на плечо на всякий случай.

- Кто он?
- Его зовут Отто Деверо.

От этого имени меня бросило в холод. Они не скрывали свои лица и использовали настоящее имя Отто. Это могло означать только одно, они не собирались отпускать меня живым из фургона.

- Недавно, ваш клиент заявил, что у них с человеком, по описанию похожим на Отто Деверо, произошла перебранка на шоссе в Массачусетсе. В этом заявлении ваш клиент сообщил, что он был вынужден убить мистера Деверо в целях самообороны.
- Мой клиент отказался от этого заявления. Он был сбит с толку и в состоянии алкогольного опьянения.
- Вы не понимаете, сказал Малхолланд. Мы здесь не для того, чтобы предъявлять обвинения. Если бы мы могли, мы бы дали ему медаль.

Он распростёр руки.

- Мы на вашей стороне.
- Да?
- Отто Деверо был настоящим подонком почти библейских масштабов. Мы могли бы обрисовать полную картину, но это займёт слишком много времени. Так что давайте просто приведём несколько основных моментов. Убийства, нападения, вымогательство. Его называли Хозяйственным складом, потому что он любил применять инструменты к своим жертвам.

Он входил в банду легендарных братьев Эйк, пока кто-то не решил, что он слишком жесток для них. Потом он работал один или с кем-нибудь отчаянным, кому нужен был настоящий псих, - он улыбнулся мне. - Послушайте, Джейк, не знаю, как вам удалось справиться с этим парнем, но то, что вы сделали - благословение для общества.

- Так, сказал Бенедикт. Теоретически говоря, вы здесь, чтобы поблагодарить нас?
- Совсем даже не теоретически. Вы герой. Мы бы хотели пожать вам руку.

Но никто никому не пожал руку.

- Скажите, сказал Бенедикт. Где вы нашли его тело?
- Это неважно.
- Что стало причиной смерти?
- Так же неважно.

Бенедикт сказал, широко улыбаясь:

- Что вот так, по-вашему, обращаются с героем?

Он кивнул в мою сторону.

- Если у вас ничего нет, то мы пойдём.

Малхолланд посмотрел на Телеско. Мне показалось, что увидел улыбку на её лице. Мне это не понравилось.

- Хорошо, сказал он. Если вы так хотите играть.
- В смысле?
- Ничего. Вы можете идти.
- Простите, что не смогли помочь, сказал Бенедикт.
- Не волнуйтесь. Как я говорил, мы просто хотели поблагодарить человека, который убил этого парня.
  - Угу, мы оба встали. Мы найдём выход.

Мы были почти у двери, когда Сьюзан Телеско сказала:

- Профессор Фишер?

Я обернулся.

- Вы не возражаете, если я покажу вам ещё одну фотографию?

Они смотрели на меня, как будто абсолютно не волновались, как будто у них было всё время мира, и мой ответ не имел значения. Я мог посмотреть на фотографию или мог уйти. Ничего страшного! Я не двигался. Они не двигались.

- Профессор Фишер? - сказала Телеско.

Она подтолкнула ко мне фотографию картинкой вниз, как будто мы играли в Блэкджек в казино. В её глазах появился блеск. Температура упала градусов на десять.

- Показывайте.

Она перевернула фотографию. Я застыл.

- Вы знаете эту женщину?

Я не отвечал. Я, не отрываясь, смотрел на фотографию. Да, конечно же, я знал эту женщину. Это была Натали.

- Профессор Фишер?
- Я знаю её.

Фотография была чёрно-белой. Она была похожа на стоп-кадр с камеры видеонаблюдения. Натали спешила куда-то по коридору.

- Что вы можете рассказать о ней?

Бенедикт положил руку мне на плечо.

- Почему вы спрашиваете об этом моего клиента?

Телеско придавила меня взглядом.

- Вы навещали её сестру, когда мы нашли вас. Вы не против рассказать нам, что вы там делали?
  - И ещё раз, почему вы спрашиваете об этом моего клиента?
- Женщину зовут Натали Эйвери. Ранее мы разговаривали с её сестрой, Джули Поттам. Она утверждает, что её сестра живёт в Дании.

В этот раз заговорил я:

- Что вам нужно от неё?
- Мы не можем это обсуждать.
- Тогда и я.

Телеско посмотрела на Малхолланда. Он пожал плечами.

- Хорошо. Тогда вы можете идти.

И так мы стояли там, играя в игру "Кто первый струсит?" Продолжая использовать метафоры, у меня не было карт, поэтому я первый моргнул.

- Мы встречались.

Они ждали продолжения.

Бенедикт сказал:

- Джейк... но я отмахнулся от него.
- Я ищу её.
- Зачем?

Я взглянул на Бенедикта. Казалось, он был так же заинтересован, как и полицейские.

- Я любил её. Да никогда и не прекращал на самом деле. Поэтому я надеялся... Не знаю. Я надеялся на примирение.

Телеско что-то записала.

- Почему сейчас?

В памяти всплыло анонимное сообщение:

Ты обещал.

Я сел, приблизил фотографию и с трудом сглотнул. Плечи Натали были сгорблены. Её прекрасное лицо... Я ощутил, что начинаю закипать... она была напугана. Я пальцем дотронулся до её лица, как будто каким-то образом она могла почувствовать моё прикосновение и ощутить поддержку. Я не мог видеть всё это. Я не хотел видеть её такой напуганной.

- Где эта фотография была сделана? спросил я.
- Неважно.
- Да чёрта с два. Вы тоже её ищите, так? Зачем?

Они снова переглянулись. Телеско кивнула.

- Давайте просто скажем, начал Малхолланд медленно. Что Натали человек, который вызывает интерес у следствия.
  - У неё проблемы?
  - Не с нами.
  - И что это значит?
- A что вы думаете, это значит? в первый раз я увидел, как с Малхолланда слетела маска, на его лице промелькнула вспышка злости.
- Мы искали её, он схватил фотографию Отто. Но он и его друзья тоже. Кто, бы ты хотел, чтобы нашёл её первым?

Я, не отрываясь, смотрел на фотографию, моё зрение затуманилось и тут же прояснилось, когда я заметил кое-что. Я пытался не двигаться, пытался не измениться в лице. В нижнем правом углу стояла дата и время: 23:47 24 мая... шесть лет назад.

Эта фотография была сделана за несколько недель до того, как мы познакомились с Натали.

- Профессор Фишер?
- Я не знаю, где она.
- Но вы её ищите?
- Да.
- Почему сейчас?

Я пожал плечами.

- Я скучаю по ней.
- Но почему сейчас?
- Это могло произойти годом позже, годом ранее. Это было всего лишь делом времени.

Они не поверили мне. Плохо.

- И поиски увенчались успехом?
- Нет.
- Мы можем помочь, сказал Малхолланд.

Я ничего не ответил.

- Если друзья Отто найдут её первыми...
- Почему они ищут её? Почему, чёрт возьми, они её ищут?!

Они сменили тему.

- Вы были в Вермонте. Два полицейских опознали вас, и мы нашли ваш телефон там. Зачем?
  - Мы там встретились.
  - Она жила тогда на ферме?

Я говорил слишком много.

- Мы встретились в Вермонте. Она вышла замуж в местной часовне.
- И как ваш телефон оказался там?
- Он, должно быть, обронил его, сказал Бенедикт. Кстати, мы можем забрать его?
  - Конечно. Можно устроить, не проблема.

Тишина.

Я посмотрел на Телеско.

- Вы искали её на протяжении последних шести лет?
- В начале. Но потом нет.
- Почему? спросил я. В смысле, эм, хочу задать тот же вопрос, что и вы мне: Почему сейчас?

Они снова обменялись взглядами. Малхолланд сказал Телеско:

- Расскажи ему.

Телеско посмотрела на меня:

- Мы прекратили её искать, потому что были уверены, что она умерла. Каким-то образом я даже ожидал такого ответа:
- Почему вы так думали?
- Это вас не касается. Вы должны помочь нам здесь.
- Я ничего не знаю.
- Если вы расскажите то, что знаете, сказала Телеско, и тут её голос неожиданно стал жёстким. Мы забудем об Отто.

Бенедикт:

- Что это, чёрт возьми, значит?
- А что вы думаете, это значит? Ваш клиент заявляет, что это была самооборона.
- Вы спрашивали о причине смерти. Так вот ответ: сломанная шея. И у меня есть для вас новость. Сломанная шея редко бывает результатом самообороны.
  - Прежде всего, мы отрицаем причастность к смерти этого парня... Она подняла руки.

- Давайте не будем.
- Это не важно, сказал я. Вы можете угрожать, как вам угодно. Я всё равно ничего не знаю.
  - Отто в это не поверил, так?

Голос Боба: "Где она?"

Малхолланд наклонился ко мне.

- Неужели вы такой глупый, чтобы думать, что это конец? Вы думаете, что они теперь просто о вас забудут? В первый раз они вас недооценили. В следующий раз они не допустят такую ошибку.
  - Кто эти "они"? спросил я.
  - Серьёзные плохие люди. Это всё, что тебе нужно знать.
  - Бессмыслица, сказал Бенедикт.
- Слушайте меня внимательно. Они могут найти Натали первыми или это можем сделать мы. Ваш выбор.

Я повторил снова:

- Я и вправду не знаю ничего.

Что было правдой. И более того, у Малхолланда осталась последняя надежда, которая казалась маловероятной.

Что я смогу найти её.

Глава 24

Бенедикт вёл машину.

- Не хочешь объясниться?
- Это длинная история.
- Это длинный путь. Кстати говоря, где мне тебя высадить?

Хороший вопрос. Я не мог вернуться на кампус, не только потому, что мне там не рады, но и потому что, как напомнили детективы Малхолланд и Телеско, очень плохие люди хотят меня найти. Я задавался вопросом, Джед и Куки относятся к этим плохим людям, как Боб и Отто, или это две разные группировки плохих людей, которые охотятся за мной. Боб и Отто были хладнокровными профессионалами. Просто забрали меня практически из офиса. Джед и Куки были неуклюжими любителями - неуверенными, злыми, испуганными. Я не понимал, что это значит, но подозревал, что это важно.

- Не знаю.
- Я поеду на кампус, хорошо? А ты пока просветишь меня, что происходит?

Так мы и сделали. Бенедикт не сводил глаз с дороги, постоянно кивая в процессе рассказа. Его лицо оставалось неподвижным, руки лежали на десять и на два часа на руле. Когда я закончил, он несколько мгновений не говорил ничего, а потом:

- Джейк?
- Да?
- Тебе нужно остановиться.
- Сомневаюсь, что могу.
- Куча людей хочет убить тебя.
- Начнём с того, что я вообще никогда не был популярен.
- Правда, но в этот раз ты столкнулся с серьёзными каками.
- Ты профессор гуманитарных наук и используешь такие слова.
- Я не шучу.

Я и так знал это.

- Эти люди в Вермонте, сказал Бенедикт. Кто они?
- Старые друзья в каком-то роде. В смысле, это самая странная часть всего этого. Джед и Куки оба присутствовали, когда я впервые встретился с Натали.
  - А теперь они хотят убить тебя?

- Джед думает, что я как-то связан с убийством Тодда Сандерсона. Но я никак не могу понять, почему это его волнует и откуда он знал Тодда. Между ними должна быть какая-то связь.
  - Связь между этим Джедом и Тоддом Сандерсоном?
  - Да.
  - Ответ очевиден, разве нет?

Я кивнул.

- Натали.
- Ага.

Я задумался.

- Первый раз, когда я увидел Натали, она сидела рядом с Джедом. У меня даже закралась мысль, а не встречаются ли они.
  - Так вот сейчас это звучит, как будто у вас у троих есть какая-то связь.
  - В смысле?
  - Половые сношения с Натали.

Мне это не понравилось.

- Ты не знаешь наверняка, слабо запротестовал я.
- Могу я сказать кое-что очевидное?
- Если хочешь.
- Я знаю женщин, сказал Бенедикт. Рискну прослыть хвастуном, но некоторые даже назвали бы меня экспертом в этом вопросе.

Я сделал гримасу.

- Рискнёшь?
- Некоторые женщины это ходячие неприятности. Ты понимаешь, о чём я?
  - О неприятностях.
  - Правильно.
- И, похоже, ты собираешься сказать, что Натали одна из таких женщин.
- Ты, Джед, Тодд, сказал Бенедикт. Без обид, но этому есть только одно объяснение.
  - И какое?
  - Твоя Натали сумасшедшая шлюха.

Я нахмурился. Мы проехали ещё немного.

- У меня есть гостевой домик, который я использую, как офис, сказал Бенедикт. Ты можешь остановиться там, пока всё не рассосётся.
  - Спасибо.

Мы проехали ещё немного.

- Джейк?

- Да?
- Мы всегда сильнее всего влюбляемся в сумасшедших. Это проблема всех мужчин. Мы все заявляем, что ненавидим драму, но на самом деле это не так.
  - Очень глубокомысленно, Бенедикт.
  - Могу я спросить ещё кое-что?
  - Конечно.

Мне показалось, что он сильнее сжал руль.

- Как так получилось, что ты увидел некролог Тодда?

Я повернулся к нему.

- YTO?
- Его некролог. Как ты увидел его?

Я гадал, отразилось ли смятение на моём лице.

- Он был на главной странице сайта колледжа. Что конкретно ты пытаешься узнать?
  - Ничего. Мне просто интересно, вот и всё.
- Я же тебе рассказывал об этом в моём кабинете. И ты подстрекал меня отправиться на похороны, помнишь?
  - Помню. И теперь я подстрекаю тебя оставить это дело.

Я не отвечала. Мы ехали некоторое время в тишине. Потом Бенедикт нарушил её.

- Меня ещё кое-что волнует.
- Что?
- Как полиция нашла тебя в доме сестры Натали?

Меня волновал тот же вопрос, но теперь я понял, что ответ очевиден.

- Шанта.
- Она знала, где ты?

Я рассказал, что звонил ей, и что по глупости оставил одноразовый телефон. Если полиция может отследить ваш телефон по номеру (который, наверняка, определился у Шанты), следовательно, они могут отслеживать и одноразовый телефон тоже. Он всё ещё был у меня в кармане, и я раздумывал, не выкинуть ли его в окно. Нет нужды. Не по поводу полицейских я волновался больше всего.

После того, как президент Трипп попросил, чтобы я уехал с кампуса, я упаковал вещи в чемодан и положил их в офисе в Кларк Хаус. Меня мучил вопрос, мог ли кто-нибудь, я не знаю, следить за моим домом или офисом на кампусе. Это казалось излишним, но какого чёрта. Бенедикт хотел припарковаться подальше. Мы посмотрели, нет ли чего подозрительного. Не было.

- Отправим студентов, чтобы забрать твои вещи, сказал он. Я покачал головой.
- Один студент уже пострадал.
- Здесь не будет никакого риска.
- И всё же.

Кларк Хаус был заперт. Я осторожно зашёл через чёрный ход, взял свои вещи и поспешил назад в машину Бенедикта. Никто в меня не стрелял. Очко в пользу хороших парней. Бенедикт поехал назад к своему дому и высадил меня у гостевого домика.

- Спасибо.
- Мне нужно проверить кучу работ. У тебя всё будет нормально?
- Конечно.
- Тебе нужно показать доктору голову.

У меня ещё были остаточные боли. Было ли это из-за сотрясения мозга, истощения, стресса или от всего вместе, не знаю. В любом случае не думаю, что доктор смог бы помочь. Я ещё раз поблагодарил Бенедикта и пошёл устраиваться в комнате. Достал свой ноутбук и поставил его на стол.

Настало время провести кибер-расследование.

Вам, наверное, интересно, с чего это вдруг я стал высококлассным следователем или откуда я знаю, как проводить кибер-расследования. Нет, я не высококлассный следователь и не знаю, как проводить кибер-расследования. Но я знаю, как делать такие вещи в Гугле. Это я и собирался сейчас сделать.

Сначала, я набрал в поиске: 24 мая, шесть лет назад.

Эта дата стояла на фотографии, которую нью-йоркская полиция показала мне. Раз она стояла там, то логично предположить, что события происходили в этот день, и, вероятно, это было преступление. Следовательно, это может быть в новостях. Маловероятно? Думаю, да. Но это было начало.

Я нажал кнопку "найти". Выскочило множество ссылок на наиболее популярную новость о торнадо в Канзасе. Я добавил в поиск "Нью-Йорк" и снова нажал кнопку "найти". Первая история рассказала мне, что Нью-Йорк Рейнджерс проиграли Баффало Сейбрз 2:1. Вторая ссылка: Нью-Йорк Метс одержали верх над Аризона Даймондбэкс со счётом 5:3. Люди, мы одержимое спортом общество.

Наконец, я нашёл сайт, на котором были размещены ежедневные газеты Нью-Йорка и их архивы. На протяжении двух недель первые полосы газет обсуждали ряд наглых ограблений банков Нью-Йорка. Преступники вламывались ночью и не оставляли никакого следа, за что получили

прозвище "Невидимки". Броско. Потом я открыл ссылку архива 24 Мая шесть лет назад и начал просматривать новости по секциям.

Главные новости дня: вооружённый человек ворвался во французское посольство. Полиция взяла героиновых наркодельцов, работающих на украинскую преступную группировку. В тот день проходил суд над полицейским по имени Джордан Смит, обвиняющимся в изнасиловании. Пожар в доме на Стейтен-Айленде был признан подозрительным. Менеджер хэдж-фонда Салем Гамильтон обвинялся в создании финансовой пирамиды. Против контролёра штата были выдвинуты обвинения в нарушении этики.

Это было бесполезно. Или, может быть, наоборот. Может быть, Натали была членом украинской преступной группировки. Может быть, она знала менеджера хэдж-фонда, на фотографии с камеры наблюдения место выглядит, как вестибюль в офисном здании, или контролёра штата. А где я был в этот день шесть лет назад? 24 Мая. Занятия подходили к концу. На самом деле, возможно, именно тогда они и заканчивались.

Шесть лет назад.

Моя жизнь была в беспорядке, как недавно напомнил Бенедикт в Библиотечном баре. Месяцем ранее умер мой отец от сердечного приступа. Дело с диссертацией продвигалось плохо. 24 Мая. Как раз тогда профессор Трейнор устроил вечеринку в честь выпускного, где напились несовершеннолетние. Я хотел, чтобы его серьёзно наказали, тем самым внеся напряжённость в мои отношения с профессором Юмом.

Но моя жизнь была здесь ни при чём. А вот жизнь Натали напротив.

Фотография с камеры наблюдения была сделана 24 мая. Я задумался на мгновение. Допустим, 24 мая произошло какое-то преступление или несчастный случай. Хорошо, это и раньше было понятно, но только сейчас я обдумал эту мысль, как следует. Если произошло какое-то событие 24 мая, то когда о нём сообщат?

25 мая, а не 24.

Это было явно не блестящее открытие, но оно имело кое-какой смысл. Я нашёл документы за 25 мая и снова начал поиск. Главные темы: Местный филантроп Арчер Минор был застрелен. В пожаре в Челси погибли двое. Безоружный подросток был застрелен полицией. Мужчина убил бывшую жену. Директор школы арестован за присвоение фонда школы.

Пустая трата времени.

Я закрыл глаза и потёр их. Сдаться - сейчас казалось хорошей идеей. Тогда бы я смог лечь и закрыть глаза. Я смог бы сдержать обещание и выполнить желание женщины, которую почитал своей настоящей

любовью. Конечно, как говорил Бенедикт, может быть, Тодд и Джед тоже думали, что Натали их настоящая любовь. Что-то первобытное, давайте назовём это ревностью, вспыхнуло во мне.

Извините, но я не куплюсь на это.

Джед напал на меня не как ревнивый любовник. Тодд... Не знаю, что там произошло, но это неважно. Я не мог отступить. Я не такого склада. Да и как здравомыслящий человек может жить с таким количеством вопросов, на которые он не знает ответ?

Тихий голос в моей голове ответил: "По крайней мере, ты жив".

Не имеет значения. Мог бы и не быть живым. На меня напали, мне угрожали, грозили физической расправой, арестовали, и я даже убил человека...

Эй, погодите-ка. Я убил человека, и теперь знаю его имя.

Я наклонился вперёд и набрал в поиске его имя: Отто Деверо.

Я ожидал увидеть некролог по первым ссылкам. Но нет. Первое, что выпало, форум для "гангстеров-энтузиастов". Ага, не шучу. Я кликнул на обсуждения, но нужно было зарегистрироваться. Так что пришлось быстро сделать это.

Там была тема с названием «Покойся с миром, Отто». Я нажал на неё:

« Срань Господня! Отто Деверо, одному из самых жестоких наёмных убийц и вымогателей, сломали шею. Его тело выбросили на обочине Соу Милл Паркуэй как какой-то кусок дерьма. Покойся с миром, Отто. Брат, ты знал, как убивать».

Я потряс головой. Что дальше, фан-сайт для педофилов?

Далее шло около дюжины комментариев от людей, которые вспоминали самые ужасные деяния Отто и, да, восхваляли его работу. Говорят, что в интернете можно найти любой вид разврата. Я наткнулся на сайт поклонников жестоких преступников.

На четырнадцатом комментарии, я напал на золотую жилу:

«Служба по Отто пройдёт в похоронном бюро Франклина в Квинсе в эту субботу. Похороны будут закрытыми, поэтому вы не сможете засвидетельствовать своё почтение, но поклонники могут отправить цветы по адресу ниже».

Далее шёл адрес в Флашинге, Квинс.

На столе лежал блокнот. Я схватил карандаш и откинулся с ним на спинку. Слева я написал имя Натали, под ним Тодд. И быстро накидал другие имена: своё, Джед, Куки, Боб, Отто и все остальные имена, которые могли подойти. Делия Сандерсон, Эбан Трейнор, отец Натали, Аарон Клейнер, её мать, Сильвия Эйвери, Джули Поттам, даже Малькольм Юм.

Затем справа провёл сверху вниз временную линию.

Мысленно я попытался вернуться насколько возможно далеко в прошлое. Когда всё началось?

Я не знал.

Тогда обратимся к самому началу.

Двадцать-пять лет назад отец Натали, который преподавал в Лэнфорде, сбежал со студенткой. По словам Джули Поттам, старый добрый отец переехал и снова женился. Есть только одна загвоздка, нигде не обнаружилось никаких его признаков. Как там сказала Шанта? Как отец, так и дочь. Ощущение, как будто Натали и отец просто растаяли в воздухе. Оба были полностью вне системы.

Я провёл линию, соединяющую Натали и её отца.

Как больше выяснить об этой связи? Я задумался над тем, что сказала Джули. Её информация о женитьбе отца исходила от её матери. Может быть, мать знает больше, чем говорит. Может быть, у неё есть адрес папочки. В любом случае, мне нужно в ней поговорить. Но как? Она сейчас в больнице. Так сказала Джули. Я не знал в какой, и как-то сомневался, что она будет разговорчивой. И всё же, найти миссис Эйвери не должно быть сложно.

Я обвёл Сильвию Эйвери, мать Натали.

И вернулся к временной линии. Я двинулся назад, пока не добрался до отметки двадцать лет назад, когда Тодд Сандерсон был студентом. Его почти исключили после самоубийства отца. Я мысленно вернулся к его студенческому делу и некрологу. Оба упоминали, что Тодд заглаживал свою вину, начав благотворительную деятельность.

Я записал "Новое начало" в блокнот.

Первое, "Новое начало" родилось на этом самом кампусе на волне личных потрясений Тодда. Второе, шесть лет назад Натали сказала сестре, что она и Тодд отправляются в путешествие по миру в пользу благотворительного общества "Новое начало". Третье, Делия Сандерсон, настоящая жена Тодда, говорила, что "Новое начало" было страстью её мужа. Четвёртое, профессор Юм, мой любимый наставник, был консультантом от факультета во время создания "Нового начала".

Я начал постукивать карандашом по бумаге. "Новое начало" попадается на протяжении всего этого. Чем бы "это" не было.

Мне нужно заглянуть в это благотворительное общество. Если Натали и вправду ездила по миру от Нового начала, кто-то оттуда может иметь представление, где она. И я снова занялся поиском в интернете. "Новое начало" помогало людям начать жизнь заново, хотя их деятельность

казалась ненаправленной. Например, они работали с детьми, которым нужно было прооперировать волчью пасть. Они помогали политическим диссидентам, которым нужно было убежище. Они помогали людям по вопросам о банкротстве. Они помогали найти новую работу, и неважно, что у людей было в прошлом.

Короче, как гласила мантра внизу страницы: "Мы помогаем всем, кто по-настоящему, отчаянно нуждается в новой жизни".

Я нахмурился. Не слишком ли расплывчато?

Там же была размещена ссылка на пожертвования. "Новое начало" - было 501(c)(3) [14] благотворительным фондом, посему все, кто жертвовали, освобождались от уплаты налогов. Не было указано никаких должностных лиц, никакого упоминания о Тодде Сандерсоне, Малькольме Юме или о ком-то другом. Телефонный номер начинался 843, код Южной Каролины. Я набрал номер. Включился автоответчик. Я не оставил сообщение.

онлайн нашёл компанию, которая исследует различные благотворительные общества "чтобы вы могли жертвовать уверенностью". За небольшую плату, они высылают полный отчёт о деятельности благотворительного общества, включая 990 форму (чтобы это не было) и "комплексный анализ с полными финансовыми данными, организации, биографии должностных цели миссию благотворительные фонды, деньги, вырученные от сбора средств и других видов деятельности". Я заплатил эту небольшую плату. В письме, которое пришло ко мне, говорилось, что мне пришлют отчёт на почту на следующий день.

Я мог подождать. Моя голова пульсировала, как обожжённый палец. Меня тянуло в сон, причём это желание исходило от самого костного мозга. Завтра с утра я отправлюсь на похороны Отто Деверо, а пока моему телу нужен отдых и питание. Я принял душ, перекусил и заснул сном мертвеца, что было уместно, если учитывать то, что происходит вокруг меня.

Глава 25

Бенедикт наклонился к окну своего автомобиля.

- Мне не нравится это.

Я не стал отвечать. Мы проходили это уже много раз.

- Спасибо, что разрешил воспользоваться машиной.

Я оставил свою машину с изменёнными номерами в Гринфилде. Со временем нужно будет придумать способ забрать её, но это может подождать.

- Я могу поехать с тобой, сказал Бенедикт.
- У тебя занятия.

Бенедикт не спорил. Мы не пропускаем занятия. Из-за этого странного предпринятого мной поиска студенты уже и так достаточно пострадали, кто больше, кто меньше. Я не допущу, чтобы они ещё раз заплатили, пусть даже небольшую плату.

- Так что ты планируешь просто заявиться на похороны бандита?
- Более или менее.
- Надеюсь, менее.

Сложно поспорить. Я планировал следить за людьми на похоронах Отто Деверо. Надеясь, каким-нибудь образом выяснить, почему он напал на меня, на кого работал и почему искал Натали. Я как-то не задумывался о деталях, например, как я сумею узнать всё это, но у меня сейчас не было работы, а праздно сидеть и ждать, когда меня найдут Боб и Джед не казалось мне хорошей альтернативой.

Лучше предпринять превентивные меры. Так бы я сказал своим студентам.

Трасса номер 95 из Коннектикута в Нью-Йорк в основном состоит из строительных площадок, маскирующихся под магистрали между штатами. Тем не менее, я прилично провёл время. Похоронное бюро Франклина расположено на Северном бульваре в районе Флашинг, Квинс. По какой-то странной причине на их сайте был изображён арочный мост из Центрального парка, здесь женится большая часть влюблённых из романтических комедий, действие которых происходит на Манхеттене. Я не понимал, зачем они это сделали, и почему не разместили фотографии самого здания похоронного бюро, пока не подъехал к нему.

Место последнего упокоения.

Похоронное бюро Франклина выглядело так, как будто было

построено для кабинетов двух дантистов с возможностью размещения проктолога в отдельном помещении, около 1978 года. Фасад был покрыт штукатуркой, пожелтевшей, словно зубы курильщика. Свадьбы, вечеринки, празднования часто отражают устроителя. Похороны напротив редко. Смерть великолепный уравнитель, за исключением погребальных церемоний в фильмах, все они, по сути, одинаковы. Они всегда бесцветные и механические и часто предполагают не столько утешение и успокоение, сколько ритуалы и соблюдение догматов.

И что теперь? Я не мог просто войти. Там может быть Боб. Я старался держать позади, но ребята моего роста не очень хорошо смешиваются с толпой. Мужчина в чёрном костюме показывал людям, где им припарковаться. Я остановился и попытался улыбнуться, как будто я направляюсь на похороны, чтобы это не значило. Мужчина в чёрном костюме спросил:

- Вы на похороны Деверо или Джонсона? Быстро сориентировавшись, я сказал:
- Джонсона.
- Можете припарковаться слева.

Я заехал на обширную территорию. Кажется, похороны Джонсона проходили у парадного входа. А для похорон Деверо был установлен тент позади. Я нашёл парковочное место в правом углу и заехал туда задом, что дало мне прекрасный обзор на тент Деверо. Если вдруг кто-то с похорон Джонсона или из персонала бюро заметит меня, я могу притвориться, что оглушён потерей, и что мне нужно побыть наедине с собой.

Я мысленно вернулся к последним похоронам, на которых присутствовал, всего лишь шесть дней назад в той самой белой часовне в Пальметто Блафф. Если проследить мою временную линию, то получится, что между свадьбой в одной белой часовне и похоронами в другой будет шестилетний промежуток. Шесть лет. Я задумался, сколько дней за эти шесть я не думал, так или иначе, о Натали. И понял, что ни одного.

Ho, а теперь самый главный вопрос, какими были эти шесть лет для неё?

Длинный лимузин подъехал к тенту. Ещё одни странный ритуал процедуры похорон: единственный раз мы получаем возможность прокатиться в машине, которую приравниваем к роскоши и достатку, когда умирает любимый человек. А с другой стороны, какой ещё момент для этого подходят лучше? Два мужчины в тёмных костюмах подошли к лимузину, открыли двери, как это делают на красных ковровых дорожках, и помогли выйти стройной женщине за тридцать. Она держала за руку

длинноволосого маленького мальчика, которому на вид было шесть или семь лет. Он был одет в чёрный костюм, который показался мне ужасно пошлым. Нельзя одевать маленьких мальчиков в чёрные костюмы.

Очевидное не доходило до меня до сего момента: у Отто может быть семья. У Отто могла быть стройная жена, с которой он делил постель и мечты. У него мог быть длинноволосый сын, который любил его и играл с ним в мяч на заднем дворе. Из машины начали выходить другие люди. Пожилая женщина плакала навзрыд в носовой платок, скомканный в руке. Её практически несла пара, которым на вид было по тридцать лет. Мать Отто и, возможно, родные брат и сестра, не знаю. Семья встала перед палаткой и начала приветствовать присутствующих на похоронах. Они явно были опустошены, это было заметно по их движениям и лицам. Маленький мальчик выглядел потерянным, сбитым с толку, испуганным, как будто ктото подкрался к нему и ударил в живот. Этим кто-то был я.

Я сидел абсолютно неподвижно и думал об Отто, как об отдельно взятом человеке. Я то думал, что его убийство было личной трагедией, конец одинокой человеческой жизни. Но никто на самом деле не одинок. Отголоски смерти, эхо.

В конце концов, как бы ни было тяжело наблюдать результат своих действий, это не меняло того факта, что они были оправданными. Я сел ровнее и начал рассматривать присутствующих. Я ожидал, что они будут выглядеть, как актёры на кастинге для фильма о клане Сопрано. Тут были и такие, не спорю, но в основном толпа была разношёрстной. Они жали семье руки, обнимали их, целовали. Некоторые надолго задерживались в объятиях, некоторые ограничивались быстрым похлопыванием по спине. В какой-то момент женщина, которую я определил, как мать Отто, едва не упала в обморок, но двое мужчин подхватили её.

Я убил её сына. Эта мысль была одновременно и очевидной и невероятной.

Подъехал ещё один лимузин и остановился прямо перед семьёй. Казалось, что на мгновение все замерли. Два мужчины, похожие на нападающих Нью-Йорк Джетс [15], открыли заднюю дверь. Из неё вышел высокий, худощавый мужчина с зачёсанными назад волосами. Толпа начала шептаться. Думаю, мужчине было около семидесяти, и выглядел он неопределённо знакомым, но я не смог понять откуда. Он не встал в конце очереди, наоборот, очередь расступилась перед ним, словно Красное море перед Моисеем. У мужчины были тоненькие усики, как будто нарисованные чернилами. По пути к семье он кивками отвечал на приветствия и рукопожатия.

Кем бы ни был этот мужчина, он был важным.

Худощавый мужчина с тоненькими усиками остановился и приветствовал каждого члена семьи. Парень, которого я определил, как зятя, опустился на одно колено. Худощавый мужчина покачал головой, тогда зять сконфуженно отошёл назад. Один из «нападающих» шёл на шаг вперёди худощавого мужчины, а второй - на шаг позади него. Никто из присутствующих не двинулся вслед за ними.

Когда худощавый человек пожал руку матери Отто, она стояла последняя, то повернулся и направился назад к лимузину. Один мужчин, похожих на нападающих, открыл заднюю дверь. Худощавый забрался вовнутрь. Дверь закрылась. Один из «нападающих» сел на место водителя. Другой на пассажирское сидение. Лимузин сдал назад. Пока худощавый мужчина выезжал, все стояли абсолютно неподвижно.

Целую минуту после того, как он ушёл никто не двигался. Какая-то женщина перекрестилась. Очередь снова ожила. Семья принимала соболезнования. Я ждал, мне было интересно, кто такой худощавый мужчина, если это имело значение. Мать Отто снова начала рыдать.

Её колени подогнулись, она упала на руки мужчины и зарыдала у него на груди. Мужчина помог ей встать, не мешая плакать. Он погладил её по спине и сказал какие-то слова, вероятно, сочувствия. Она надолго застыла в таком положении. А мужчина с невероятным терпением стоял и ждал.

Это был Боб.

Я вжался в кресло, хотя до меня было добрые сто метров. Моё сердце начало учащённо биться. Я сделал глубокий вдох и рискнул выглянуть. Боб аккуратно отстранил мать Отто, улыбнулся ей и направился к группе мужчин, которые стояли в десяти метрах от него.

Их было пятеро. Один достал пачку сигарет, и все взяли по одной, за исключением Боба. Очень мило узнать, что мой бандит хоть как-то заботится о здоровье. Я вытащил телефон, включил камеру, направил на лицо Боба, увеличил изображение и сделал четыре фотографии.

И что теперь?

Думаю, ждать здесь. Дождаться окончания похорон, а потом проследить за Бобом до его дома.

А потом?

Я не знал. Главное узнать его настоящее имя, понять, кто он и надеяться, что всё это приведёт к причинам, по которым он расспрашивал о Натали. Тогда он, очевидно, был главным. Значит, он должен знать о причинах, так? Так же я мог подождать, пока он сядет в машину и записать номер. Может быть, Шанта поможет узнать его настоящее имя, но я теперь

полностью не могу доверять ей, и кроме того, насколько я знаю, Боб приехал на похороны со своими приятелями-курильщиками.

Четыре мужчины отделились от группы и пошли вовнутрь, оставив Боба с ещё одним парнем. Парень был молод и одет в блестящий, словно дискобол, костюм. Казалось, что Боб даёт Блестящему костюму какие-то инструкции. Блестящий костюм часто кивал. Закончив, Боб направился на похороны, а Блестящий костюм напротив. Вместо этого он с важным видом, почти с мультяшной наигранностью, двинулся в другом направлении, к ярко-белому Кадиллаку Эскалада.

Я закусил нижнюю губу, пытаясь решить, что делать. Похороны займут какое-то время, полчаса, час или около того. Нет смысла сидеть здесь. Я могу проследить за Блестящим костюмом и посмотреть, куда он приведёт.

Я завёл машину и поехал по Северному бульвару за ним. Странно "приделать хвост преступнику", но, кажется, все эти дни одна сплошная странность. Я не знал, как далеко нужно держаться от Эскалады. Заметит ли он, что я еду за ним? Сомневаюсь, хотя у меня и были массачусетские номера. Он выехал прямо на бульвар Фрэнсиса Льюиса. Я держался через две машины за ним. Хитро. Я чувствовал себя, как Старски и Хатч [16]. По крайней мере, как один из них.

Когда я нервничаю, я всегда много и глупо шучу.

Блестящий костюм остановился у огромной оранжереи, которая называлась "Всемирный сад". "Великолепно, - подумал я. - Он забирает цветы для похорон Отто." Вот ещё одна странность на похоронах: всё одеты в чёрное, но цветочное убранство может быть расцветки "вырви глаз". Однако магазин был закрыт. Я не знал, что делать дальше, поэтому ничего не стал делать. Блестящий костюм поехал к чёрному ходу. Я поступил так же, хотя и встал у обочины на довольно большом расстоянии. Блестящий костюм вылез из автомобиля и развязной походкой направился к чёрному ходу магазина. Он явно был поклонником развязной походки. Я не хотел давать преждевременных оценок, но учитывая то, с какими людьми он общался, одежду и манеры, можно сделать вывод, что Блестящий костюм, как сейчас говорят студенты, пафосный мудак. Он постучал в дверь кольцом на мизинце, пружиня на ногах, словно боксёр, ожидающий, когда закончится представление на ринге. Я подумал, что всё это больше для вида. Но ошибся.

Парень, которым мог бы быть моим студентом, в ярко-зелёном фирменном переднике и кепке "Бруклин Нетс", надетой козырьком назад, открыл дверь, вышел, и Блестящий костюм ударил его кулаком в лицо.

О, чёрт. Во что я ввязался?

Кепка слетела на землю. Парень, держась за нос, последовал за ней. Блестящий костюм схватил его за волосы. Он приблизил своё лицо к его так, что я уже испугался, что он укусит парня за возможно сломанный нос, и начал кричать на него. Затем он выпрямился и ударил парня несколько раз по рёбрам. Парень начал катался туда-сюда от боли.

Всё, хватит.

Переборов взрывоопасную смесь страха и инстинкта самосохранения, я открыл дверь машины. Страх можно контролировать. Я научился этому, когда был вышибалой. Любой, кто обладает хоть каплей человечности, испытывает страх во время стычек. Так мы устроены. Уловка в том, что нужно использовать его, а не позволять парализовать или ослабить тебя. Опыт помогает.

- Прекратите! - крикнул я, и тут пришёл на помощь инстинкт самосохранения. - Полиция!

Блестящий костюм повернул голову в мою сторону.

Я залез в карман, достал бумажник и открыл его. Нет, у меня не было значка, но он был слишком далеко, чтобы увидеть это. Моя уверенность должна обмануть его. Я был непоколебимым и спокойным.

Избитый парень пополз по полу в сторону двери. Он остановился, чтобы подобрать кепку, нахлобучил её на голову козырьком назад и исчез в здании. Я не возражал. Я закрыл бумажник и пошёл к Блестящему костюму. У него, должно быть, тоже был в этом некоторый опыт. Он не убежал, не выглядел виноватым и не пытался ничего объяснить. Он просто терпеливо ждал, пока я подойду.

- У меня к вам один вопрос, сказал я. Если вы ответите на него, то мы забудем обо всём этом.
- О чём? ответил Блестящий костюм и улыбнулся. Его крошечные зубы были похожи на Тик-так. Я не вижу ничего, о чём нужно забывать.

Я держал в руке телефон, где были чёткие фотографии Боба.

- Кто этот человек?

Блестящий костюм посмотрел на телефон и снова улыбнулся.

- Можно, увидеть ваш значок.

Ого. С этим моя уверенность вряд ли справиться.

- Просто скажите...
- Вы не полицейский, Блестящий костюм явно находил эту ситуацию забавной. Знаете, как я узнал?

Я не ответил. Дверь магазина приоткрылась. Оттуда выглянул избитый парень и кивнул с благодарностью.

- Если бы вы были полицейским, вы бы знали, кто это.
- Просто назовите его имя...

Блестящий костюм полез в карман. Он мог вытащить пистолет. Нож. Или носовой платок. Я не знал. И не спрашивал. И, наверное, мне было всё равно. С меня хватит.

Не говоря ни слова и не предупреждая, я резко ударил его кулаком в нос. Послышался хрустящий звук, как будто я наступил на гигантского жука. Кровь побежала по его лицу. Несмотря на то, что щёлка между дверью и проёмом была маленькой, я увидел, что избитый парень улыбается.

- Какого...?

Я ударил его ещё раз, целясь в нос, чтобы убедиться, что он наверняка сломан.

- Кто он? Как его зовут?

Блестящий костюм зажал нос ладонями, как умирающую птичку, которую он хотел спасти. Я схватил его за ногу. Он упал почти в том же месте, что и парень меньше, чем минуту назад. Позади него исчезла щель между дверью и проёмом. Думаю, парень не хотел быть частью этого. И я не виню его. Кровь залила блестящий костюм. Спорим, кровь с него будет стираться, как с винила. Я нагнулся с поднятым кулаком.

- Кто он?
- O, чувак, в голосе Блестящего костюма был гнусавый оттенок страха. Ты труп.

Это почти что остановило меня.

- Kто он?

Я снова показал ему кулак. Он поднял руку в жалком защитном жесте. Я бы мог ударить прямо по ней.

- Хорошо-хорошо, - сказал он. - Дэнни Цукер. Вот, с кем ты связался, приятель. С Дэнни Цукером.

В отличие от Отто, Боб использовал ненастоящее имя.

- Ты труп, парень.
- Я услышал ещё в первый раз, огрызнулся я, но даже сам услышал страх в своём голосе.
- Дэнни не назовёшь всепрощающим парнем. Ты труп. Слышишь, что я говорю? Знаешь, кто ты?
- Труп, ага, я понял. Ложись на живот и прижмись правой щекой к земле.
  - Зачем?

Я снова показал кулак. Он лёг на живот и прижался не той щекой к

земле. Я указал ему на это. Он повернул голову в другую сторону. Я вытащил его бумажник из заднего кармана.

- Ты что грабишь меня?
- Заткнись.

Я достал его удостоверение личности и прочитал имя вслух:

- Эдвард Локк из Флашинга, Нью-Йорк.
- Ага, и что?
- Теперь я знаю твоё имя. И где ты живёшь. Видишь, в эту игру можно играть вдвоём.

Он усмехнулся.

- Y_{TO}?
- Никто не играет в такие игры с Дэнни Цукером.

Я кинул бумажник на землю.

- Так, ты планируешь рассказать ему о нашей небольшой сваре?
- Нашей небольшой чего?
- Ты собираешься рассказать ему об этом?

Сквозь кровь на его лице я увидел улыбку.

- В ту же минуту, как ты уйдёшь. А что, ты хочешь начать мне угрожать?
- Нет, вовсе нет, думаю, ты должен рассказать ему, сказал я спокойнейшим голосом. Но как это будет выглядеть?

Он нахмурился, до сих пор лёжа на земле.

- И как это будет выглядеть?
- Тебя, Эдварда Локка, побил какой-то чурбан, которого ты даже не знаешь. Он сломал тебе нос, испортил твой костюм, и как ты спас себя от дальнейшего избиения? Ты запел, как птичка.
  - Что?
  - Ты сдал Дэнни Цукера после двух ударов.
  - Я не сдавал его. Ни за что...
- Ты сказал мне его имя после двух ударов. Ты думаешь, это впечатлит Дэнни? Кажется, ты знаешь его очень хорошо. Как ты думаешь, он отреагирует на историю о том, как ты сдал его?
  - Я не сдавал его!
  - Думаешь, он будет такого же мнения?

Тишина.

- Решать тебе, но вот, что я могу предложить. Если ты ничего не расскажешь, Дэнни никогда не узнает об этом эпизоде. Он не узнает, как ты облажался. Он не узнает, что на тебя напали. Он не узнает, что ты сдал его после двух ударов.

Опять тишина.

- Мы поняли друг друга, Эдвард?

Он не ответил, и я не стал больше на него давить. Настало время уходить. Сомневаюсь, что Эдвард сможет увидеть отсюда номер машины, номер Бенедикта, но я не хочу рисковать.

- Я ухожу. А ты лежи лицом вниз, пока я не уйду, и тогда всё закончится.
  - Кроме, моего сломанного носа, сделал он гримасу.
  - Это излечимо. Просто лежи лицом вниз.

Не сводя с него глаз, я вернулся к машине. Эдвард не двинулся с места. Я сел в машину и поехал прочь. Я чувствовал себя очень хорошо, чем, по иронии, не гордился. Я вернулся на Северный бульвар и проехал мимо похоронного бюро. Не было необходимости там останавливаться. Мне и так достаточно проблем. Когда я остановился на очередном светофоре, то быстро проверил почту. Бинго. Там было письмо от сайта, который изучает благотворительные общества. Тема письма звучала:

"Ваш полный анализ "Нового начала".

Это может подождать, пока я не вернусь, так? Или, может быть... Я смотрел в оба. Это не займёт много времени. В двух кварталах отсюда я заметил "Киберкрафт Интернет кафе". Оно было достаточно далеко от похоронного бюро, не то, что бы я думал, что будут обыскивать ближайшие парковки в поисках меня, но всё же.

Кафе выглядело, как переполненное технологическое отделение. Вдоль стен выстроились в линию десятки компьютеров в узких кабинках. Они все были заняты. Никому из посетителей не было больше двадцати, за исключением вашего покорного слуги.

- Придётся подождать, сказал мне тусовщик-лоботряс, у которого было больше пирсинга, чем зубов.
  - Хорошо.

Я и в самом деле мог подождать, но мне хотелось скорее попасть домой. Я уже собирался уйти, когда несколько геймеров закричали, начали хлопать друг друга по спине, обмениваться сложными поздравительными рукопожатиями и встали из-за терминалов.

- Кто выиграл? спросил тусовщик-лоботряс.
- Рэнди Корвик.

Тусовщику-лоботрясу это понравилось.

- Плати.

А потом сказал мне:

- Старик, насколько тебе нужен терминал?

- Десять минут.
- У тебя пять. Шестой терминал. И он крут, чувак. Не превращай его в лоха своей ерундой.

Потрясающе. Я быстро залогинился, открыл почту и скачал финансовый отчёт "Нового начала". Он был на восемнадцати страницах. Там был отчёт о прибылях и убытках, графики расходов и доходов, графики рентабельности, ликвидности, остаточная стоимость зданий и оборудования, что-то об обязательствах имущественного характера, бухгалтерский баланс, что-то, что называлось сравнительным анализом...

Я преподаю политологию. Я не разбираюсь в бизнесе и цифрах.

Ближе к концу обнаружилась история организации. Она на самом деле была основана двадцать лет назад тремя людьми. Профессор Малкольм Юм был указан, как научный консультант. И два студента указаны, как сопредседатели. Одним из них был Тодд Сандерсон, а другим - Джедедия Дрэкман.

Кровь застыла в моих жилах. Как все сокращают Джедедия? Джед.

Я по-прежнему не знал, что происходит, но всё было каким-то образом связано с "Новым началом".

- Старик, время вышло, - это был тусовщик-лоботряс. - Ещё один терминал освободиться через пятнадцать минут.

Я покачал головой, заплатил и поплёлся к машине. Имеет ли мой наставник какое-либо отношение ко всему этому? Что за доброе дело делало "Новое начало", пытаясь убить меня? Не знаю. Пора вернуться домой и обсудить всё это с Бенедиктом. Может быть, он что-нибудь подскажет.

Я завёл машину Бенедикта, до сих пор ошеломлённый, и поехал на запад к Северному бульвару. Я запрограммировал навигатор, чтобы добраться до похоронного бюро Франклина, но для того, чтобы вернуться, достаточно было нажать "Предыдущие направления", ведь у Бенедикта должен быть заложен адрес дома в навигаторе. Поэтому, когда я остановился на красном на светофоре, я повернул рычажок и нажал "Предыдущие направления". Я собирался пролистать список, чтобы найти адрес Бенедикта в Лэнфорде, но мой взгляд зацепился за первую же строчку, наиболее часто посещаемое за последнее время место. И этот адрес был не Лэнфорд, Массачусетс.

А Крафтборо, Вермонт.

Глава 26

Мой мир накренился, пошатнулся, задрожал и перевернулся верх тормашками.

Я просто, не отрываясь, смотрел на навигатор. Полный адрес был 260 ВТ 12, Крафтборо, Вермонт. Я узнал его. Я добавлял его в свой навигатор не так давно.

Это был адрес Поселения творческого восстановления.

Мой лучший друг ездил в поселение, где жила Натали шесть лет назад. Он ездил туда, где она вышла замуж за Тодда. Он ездил туда, где совсем недавно Джед и его приятели пытались убить меня.

Несколько секунд, может быть, дольше, я не мог двигаться. Я просто сидел на месте. Радио в машине было включено, но я не даже не слышал, что там играло. Было ощущение, как будто весь мир застыл. Реальности потребовалось время, чтобы пробраться сквозь туман в моей голове, но когда это произошло, правда неожиданно ударила меня по голове.

Я был один.

Даже мой лучший друг врал мне, нужно ещё убедиться, что не врёт до сих пор.

"Подожди, - сказал я себе. - Должно же быть, какое-то разумное объяснение.

Какое например? Какое может быть объяснение тому, что в навигаторе Бенедикта забит этот адрес? Что, чёрт возьми, происходит? Кому я могу доверять?

Я знал ответ лишь на последний вопрос: никому.

Я уже большой мальчик. Я считаю себя вполне независимым. Но, не думаю, что когда-либо чувствовал себя таким маленьким и таким до боли одиноким, как здесь и сейчас.

Я потряс головой. Хорошо, Джейк, возьми себя в руки. Хватит жалеть себя. Пора действовать.

Сначала я проверил остальные адреса в навигаторе Бенедикта. Ничего интересного. Наконец, я нашёл его домашний адрес, выбрал его, чтобы вернуться домой, и поехал вперёд. Я переключал радио в поисках той самой постоянно неуловимой идеальной песни. Но так и не нашёл. Я начал свистеть в такт какой-то дрянной песне. Это не помогло. Строительные участки на трассе № 95 разрывали в клочья то, что осталось от моей психики.

Остаток пути я представлял разговор с Бенедиктом. Я даже репетировал, как подойду к нему, что скажу, что он может ответить, что я возражу.

Я сжал руль сильнее, когда выехал на улицу Бенедикта. Я посмотрел, сколько время. У него сейчас семинар, так что его не будет дома. Хорошо. Я припарковал машину у гостевого домика и пошёл к дому. Снова размышляя, что делать. Правда заключалась в том, что мне нужно больше информации. Я ещё не был готов допрашивать его. Я знал слишком мало. Простая аксиома Фрэнсиса Бэкона, которую мы постоянно говорим нашим студентам, применима и здесь: "Знание - сила".

У Бенедикта был запасной ключ от дома в поддельном камне рядом с мусорным баком. Кто-нибудь может спросить, откуда я знаю. И я отвечу: "Мы лучшие друзья. И у нас нет секретов друг от друга".

Другой голос в голове: "Всё это было ложью? Наша дружба никогда не была настоящей?"

Я вспомнил, что Куки прошептала мне в том тёмном лесу: "Если ты не остановишься, ты убьёшь нас всех".

Не похоже на гиперболу, и всё же я здесь, не остановился, таким образом, рискуя "всеми" этими жизнями, о которых понятия не имел. Кто такие "все"? Я что всегда ими рисковал? Бенедикт что, не знаю, следил за мной или что-то в этом духе?

Так, не нужно превращаться в параноика.

Хорошо, шаг за шагом. Ведь по-прежнему есть шанс, что существует некое невинное объяснение вермонтского адреса в навигаторе Бенедикта. Я просто не самый большой выдумщик на свете. Обычно я не вижу у событий двойного дна. Может быть, кто-то брал его машину. Может быть, кто-то её украл. Может быть, во время одного из своих ночных похождений он решил посетить органическую ферму. А, может быть, я в очередной раз пытаюсь обмануть самого себя.

Я вставил ключ в замок. Неужели я могу пересечь эту черту? Неужели я и вправду собираюсь копаться в вещах своего ближайшего друга?

Да, чёрт побери.

Я вошёл через чёрный вход. Мою квартиру любезно можно описать, как функциональную. Дом Бенедикта же напоминал гарем принца третьего мира. Гостиная была заставлена десятками высококачественных ярко окрашенных бескаркасных кресел. На стенах яркие гобелены. Тонкие африканские скульптуры вытянулись во всех углах. Комната была убрана чрезмерно, но я всегда чувствовал себя здесь комфортно. Большое оранжевое кресло-мешок было моим любимым. Я пересмотрел кучу

футбольных матчей на нём. Много раз играл в Xbox на нём.

Джойстики Xbox лежали здесь и сейчас. Я принялся рассматривать их, хотя и понимал, что они не дадут мне никакой информации. Что же я ищу? Подсказку, наверное. Что-то, что объяснит, почему Бенедикт ездил на ту ферму/усадьбу/убежище похитителей в Крафтборо. Но что это может быть, я не имел не малейшего понятия.

Я начал с ящиков. Первыми обыскал те, что на кухне. Ничего. Далее ящики в гостевой комнате. Ничего. Я попытал счастье в гардеробной и комоде в гостиной. Опять ничего. Тогда я отправился в спальню. Ничего. Здесь у Бенедикта стоял компьютерный стол. Я и у него проверил ящики. Ничего.

Я нашёл картотечный ящик и обыскал его. Там были обычные счета, работы студентов, расписание. Но что там было по-настоящему личного, барабанная дробь, ничего.

Абсолютно ничего.

Я задумался. У кого нет ничего личного дома? Чтобы смогли найти в моём доме? Определённо, больше. Там было несколько старых фотографий, несколько писем, что-нибудь, что говорило бы о моём прошлом.

У Бенедикта же не было ничего. И что это значит?

Я продолжил искать, надеясь найти какую-нибудь связь между Бенедиктом и Поселением творческого восстановления или Вермонтом. Я попробовал сесть за его стол. Бенедикт был куда меньше меня, посему мои колени не вместились под столом. Я придвинулся ближе и нажал на клавишу. Экран загорелся. Как и большинство людей, Бенедикт не выключает домашний компьютер. И вдруг я понял, как старомодно было обыскивать дом. Никто больше не хранит секреты в ящиках.

Теперь мы храним их в компьютере.

Я открыл Майкрософт Офис и посмотрел недавние документы. Первым в списке был документ, который назывался VBMWXY.doc. Странное название. Я кликнул по нему.

Файл не открылся. Он был защищён паролем.

Bay.

Не было смысла пытаться угадать пароль. Я всё равно не имел представления, какой он может быть. Я попытался придумать что-нибудь ещё. Ничего не приходило на ум. Остальные файлы из недавних были рекомендательными письмами. Два для медицинского университета, два для юридического, одно для экономического.

Так что же было в том, защищённом паролем файле?

Без понятия. Я щёлкнул на иконку почты снизу. Почта тоже запросила пароль. Я посмотрел, нет ли на столе кусочка бумаги с паролем, многие люди делают так, но ничего не нашёл. Ещё один тупик.

Что теперь?

Я кликнул по иконке браузера. Выскочила страница новостей Yahoo! Здесь нечего изучать. Тогда я открыл историю и, наконец, наткнулся на нечто, похожее на золотую жилу. Бенедикт недавно был на Фейсбуке. Я щёлкнул на ссылку. Появился профайл мужчины, которого звали, верите или нет, Джон Смит [17]. У Джона Смита не было фотографии, не было друзей и не было сообщений на стене. Его адресом значился Нью-Йорк.

С этого компьютера входили на Фейсбук под именем Джон Смит.

Эмм. Я задумался. Очевидно, что это фейк. Я знал, что у многих людей есть такие аккаунты. Один мой друг использует музыкальный сервис, который показывает всем на Фейсбуке, какую музыку он слушает. Это ему не нравилось. Поэтому он создал поддельный аккаунт. Теперь никто не видит песни, которые ему нравятся.

То, что у Бенедикта есть фейк-аккаунт ещё ничего не значит. Что было куда интереснее, что у Бенедикта Эдвардса вообще не было настоящего аккаунта на Фейсбуке. По запросу появилось два Бенедикта Эдвардса. Один - музыкант из Оклахомы, другой - танцор из города Тампа, штат Флорида. И ни один из них не был моим Бенедиктом Эдвардсом.

Ну, ладно, и что с того? У многих людей нет аккаунта на Фейсбуке. Я как-то создал свой профайл, но почти не пользовался им. Фотографией на моём аватаре служила фотография из ежегодника. Я добавляю друзей, наверное, один раз в неделю. Их у меня около пятидесяти. Я изначально зарегистрировался, потому что люди присылали мне ссылки на фотографии, и посмотреть их можно было, только зарегистрировавшись на Фейсбуке. Если бы не это, то социальные сети меня мало волновали.

Может быть, так же было и у Бенедикта. У нас с ним было много общих друзей. Возможно, он создал фейк-аккаунт, чтобы иметь возможность смотреть ссылки на Фейсбуке.

Эта теория распалась тут же, как я посмотрел дальнейшую историю посещений. В начале шли ссылки на профайл человека по имени Кевин Бэкус. Я щёлкнул на ссылку. Сначала я подумал, что это ещё один фейкаккаунт Бенедикта, а Кевин Бэкус был просто его онлайн-псевдонимом. Но это был не тот случай. Кевин Бэкус был обычным невзрачным парнем. На фотографии на аватаре на нём были солнечные очки, и он держал большой палец вверх. Я нахмурился.

И призадумался. Кэвин Бэкус. Ни имя, ни лицо мне не были знакомы.

Я нажал на раздел "информация". Он был пустой. Ни адреса, ни школы, ни профессии, ничего такого. Единственное, что было указано, это "состоит в отношениях". И согласно Фейсбуку, он состоял в отношениях с женщиной по имени Мари-Анн Кантин.

Я потёр подбородок. Мари-Анн Кантин. Это имя мне тоже не было знакомо. Что делал Бенедикт на странице этого Кэвина Бэкуса? Я не знал, но подозревал, что это чрезвычайно важно. Я хотел уже забить его имя в гугл, но снова посмотрел на имя Мари-Анн Кантин. Оно было напечатано голубым, что означало, что у неё тоже есть профайл. Нужно было лишь кликнуть на её имени.

Это я и сделал.

И когда загрузилась её страница, и я увидел фотографию на аватаре Мари-Анн Кантин, то тут же узнал её лицо.

Бенедикт носил её фотографию в бумажнике.

О, парень. Я сглотнул, откинулся на спинку и затаил дыхание. Теперь я понял. Я мог практически ощущать боль Бенедикта. Я потерял любовь всей своей жизни. Кажется, у Бенедикта произошло то же самое. Мари-Анн Кантин была и вправду ошеломляющая женщина. Я бы описал её так: высокие скулы, царственный лик, афроамериканка, но посмотрев её профайл получше, я понял, что последняя часть ошибочна.

Она не была афроамериканкой. Она была, эм, африканкой. Мари-Анн Кантин, согласно её странице на Фейсбуке, жила в Гане.

Это, конечно, интересно, но не моё дело.

Бенедикт где-то познакомился с этой женщиной. Влюбился. По уши влюбился. Но какое это может иметь отношение к тому, что он ездил в Крафтборо...

Погодите-ка минутку.

Разве я тоже не влюбился в женщину? Разве я до сих пор не влюблён в неё по уши? И я тоже был в Крафтборо.

Может быть, Кэвин Бэскус для Бенедикта - это Тодд Сандерсон для меня?

Я нахмурился. Как-то притянуто за уши. И неправильно. И всё же, как бы там ни было, мне нужно тщательнее изучить это дело. Мари-Анн Кантин была единственной имеющейся у меня зацепкой. Я кликнул по закладке "информация". Впечатляюще. Она училась на экономическом в Оксфорде и получила степень по юриспруденции в Гарварде. Она была юридическим советником Организации Объединенных Наций. Она родилась и жила в Аккре, столице Ганы. Она, как я уже знал, состояла в отношениях с Кэвином Бэскусом.

Что дальше?

Я попытался открыть её фотографии, но они были защищены настройками приватности. Никакой возможности их увидеть. И тут ко мне пришла идея. Я нажимал на стрелочку "назад" до тех пор, пока не добрался до страницы Кэвина Бэскуса. Его фотографии не были закрыты. Так что я мог их посмотреть. Хорошо. Я начал просмотр. Не знаю почему. Не знаю, что я ожидал там найти.

Фотографии Кэвина Бэскуса были рассортированы по альбомам. Я начал с того, что назывался просто "Счастливые времена". Там было двадцать - двадцать пять фотографий, на которых был изображён Кэвин со своей девушкой, Мари-Анн, или одна Мари-Анн, эти фотографии, очевидно, были сделаны Кэвином. Они выглядели счастливыми. Поправка. Она выглядела счастливой. Он выглядел безумно счастливым. Я представил, как Бенедикт сидите здесь, просматривая фотографии женщины, которую он любит, с другим мужчиной. Я видел, как он держит стакан виски в руке, как становится темнее, как голубое свечение монитора отражается в его огромных очках человека-муравья, как одинокая слеза бежит по его щеке.

Слишком?

Фейсбук любит пытать бывших влюблённых, поскольку они постоянно находятся на виду друг у друга. Теперь вы не можете убежать от бывших. Их жизнь здесь, прямо перед вами. Чёрт, это отстой. Значит, вот такие ночные пытки устраивал себе Бенедикт. Конечно же, я не знал наверняка, но был уверен, что именно так всё и было. Я вспомнил ту ночь в баре, когда мы напились, то, как он аккуратно вытащил фотографию Мари-Анн. Я до сих пор слышу муку в его невнятных словах:

"Единственная девушка, которую я любил".

Бенедикт, бедолага.

Может быть, и бедолага, но я до сих пор не имею даже представления, что всё это значит и как связано с недавней поездкой Бенедикта в Вермонт. Я щёлкнул на ссылку "больше альбомов". Там был один, который назывался "Семья". У Кэвина было два брата и сестра. На нескольких фотографиях была его мать, но нигде не было отца. Так же там был альбом под названием "Кинтампские водопады" и "Национальный парк Моле", где большинство снимков изображали заповедник и различные чудеса природы.

Последний альбом назывался "Выпускной. Оксфорд". Любопытно. Там Мари-Анн Кантин изучала экономику. Может быть, Кэвин и Мари-Анн учились вместе? Может быть, они были парой с колледжа? Сомневаюсь.

Слишком долгий срок, чтобы до сих пор просто "состоять в отношениях". Но, эй, кто знает?

Фотографии в этом альбоме были значительно старше предыдущих. Если судить по причёскам, одежде и лицу Кэвина, я бы сказал, что, по крайней мере, на пятнадцать, может быть, двадцать лет. Готов поспорить, что эти фотографии были сделаны на пленочный фотоаппарат. Скорее всего, Кэвин отсканировал их. Я бегло просматривал фотографии, не ожидая увидеть ничего интересного, но фотография во втором ряду заставила меня остановиться.

Моя рука начал трястись. Я схватил мышку, направив курсор на изображение, и щёлкнул по нему. Картинка увеличилась. Это была групповая фотография. На ней застыло восемь широко улыбающихся человек, одетых в чёрные мантии. Я узнал Кэвина Бэкуса. Он стоял рядом с незнакомой мне женщиной. Язык их тел говорил, что они встречаются. На самом деле, когда я присмотрелся, то понял, что на фотографии изображены четыре пары. Конечно же, у меня не было стопроцентной уверенности. Они могли просто выстроиться в порядке мальчик-девочка, но не думаю, что было так.

Мои глаза моментально приковала женщина слева. Это была Мари-Анн Кантин. У неё была сногсшибательная улыбка, абсолютно умопомрачительная. Эта улыбка была способна разбить мужское сердце. Мужчина может влюбиться, если ему просто адресовать такую улыбку. Мужчина захочет видеть эту улыбку каждый день и быть тем, кто способствует её появлению. Он может захотеть, чтобы она возникала только для него.

Я понимал Бенедикта. Я на самом деле понимал его.

Мари-Анн с любовью смотрела на мужчину, которого я не узнал.

По крайней мере, сначала.

Он тоже был африканцем или афроамериканцем. Его голова была выбрита, так же как и лицо. На нём не было очков. Поэтому я и не узнал его сначала. И даже, когда я пригляделся, я не был уверен. Но на самом деле, это единственное, что имело смысл.

Бенедикт.

Было только две проблемы. Первая, Бенедикт не заканчивал Оксфорд. Вторая, под фотографией не значилось Бенедикта Эдвардса. Там было указано Джамал У. Лэнгстон.

Каково?

Может быть, это не был Бенедикт. Может быть, Джамал У. Лэнгстон выглядел, как Бенедикт.

Я нахмурился. Ага, конечно же, в этом есть смысл. И, может быть, Бенедикт чисто случайно без ума от женщины, которая когда-то встречалась с мужчиной, похожим на него!

Идиотская версия.

И какие ещё есть версии? Очевидная: Бенедикт Эдвардс был на самом деле Джамалом У. Лэнгстоном.

Я ничего не понимал. Или, может быть, наоборот. Может быть, кусочки головоломки наконец, если не собраны воедино, то хотя бы лежат на одном столе. Я набрал в гугле "Джамал У. Лэнгстон". Первой ссылка была из газеты под названием "Государственный деятель". Согласно информации по ссылке. Это была старейшая крупнейшая газета Ганы, основанная в 1949 году.

Я щёлкнул на статью. Когда я увидел, о чём она, когда увидел заголовок, я чуть не вскрикнул вслух, и всё же, именно тогда, кусочки головоломки начали складываться.

Это был некролог Джамала У. Лэнгстона.

Как такое может быть...? Я начал читать, по мере прочтения, мои глаза всё расширялись и расширялись, и в тоже время ещё несколько кусочков головоломки встали на свои места.

Сзади послышался усталый голос, от которого у меня побежали мурашки по спине:

- О, парень, хотел бы я, чтобы ты этого не видел.

Я медленно повернулся к Бенедикту. В его руке был пистолет.

Глава 27

Если бы вёлся рейтинг странных событий, произошедших со мной в последнее время, то такое происшествие, как лучший друг, направивший на меня пистолет, в мгновение ока взлетело бы на первое место. Я потряс головой. Как я ничего не заметил и не почувствовал? Его очки и их оправа более чем смехотворны. Его причёска заставляла усомниться в его вменяемости.

Бенедикт был одет в зелёную водолазку, бежевые вельветовые штаны и твидовый пиджак, и в руке он держал пистолет. Какая-то часть меня хотела рассмеяться вслух. У меня к нему был миллион вопросов, но я начал с того, который постоянно повторяю с самого начала.

- Где Натали?

Если его и удивил мой вопрос, то он не показал этого.

Не знаю.

Я показал на пистолет.

- Ты собираешься в меня выстрелить?
- Я дал клятву. Я обещал.
- Выстрелить в меня?
- Убить любого, кто узнает мой секрет.
- Даже лучшего друга?
- Даже его.

Я кивнул.

- Знаешь ли, я понял.
- Понял что?
- Джамал У. Лэнгстон, сказал я, показав на экран. Он был обвинителем. Он решил сразиться со смертоносным наркокартелем Ганы, не заботясь о собственной безопасности. И он смог побить его, когда другие не могли. Этот человек умер героем.

Я подождал, пока он что-нибудь скажет, но он молчал.

- Храбрый парень.
- Глупый парень, продолжил Бенедикт.
- Картель поклялся отомстить ему, и если верить этой статье, то у него это получилось. Джамал У. Лэнгстон был похоронен заживо. Но он не был, так?
  - Как сказать.
  - В смысле?

- Нет, Джамал не был похоронен заживо. Но картель до сих пор хотел бы ему отомстить.

Пресловутая завеса поднялась с моих глаз. Эм, нет, ощущение больше напоминало, словно камера, наконец, сфокусировалась. Неразличимый комочек на расстоянии приобрёл очертания и форму. Шаг за шагом, или что в данном случае вернее, секунда за секундой, фокус становился всё чётче. Натали, усадьба, наш неожиданный разрыв, свадьба, нью-йоркская полиция, фотография с камеры наблюдения, её загадочное письмо, обещание, которое она вынудила меня дать шесть лет назад... теперь всё встало на свои места.

- Ты сфальсифицировал свою смерть, чтобы спасти эту женщину?
- Да, и себя, думаю, тоже.
- Но в основном её.

Он не ответил. Вместо этого Бенедикт (или я должен называть его Джамал?) подошёл к компьютеру. Его глаза увлажнились, когда он аккуратно дотронулся пальцем до лица Мари-Анн.

- Кто она? спросил я.
- Моя жена.
- Она не знает, что ты сделал?
- Нет.
- Стой, сказал я, и у меня закружилась голова от осознания. Даже она думает, что ты мёртв?

Он кивнул.

- Таковы правила. Это часть клятвы, которую мы дали. Это единственный способ обеспечить всем безопасное существование.

Я опять подумал о том, как он сидит здесь, глядя на эту страницу на Фейсбуке, на её фотографии, статусы, изменения в жизни, например, как "состоит в отношениях" с другим мужчиной.

- Кто такой Кэвин Бэскус?

Бенедикт с усилием изобразил нечто, похожее на улыбку.

- Кэвин - старый друг. Он долгое время ждал своего шанса. Всё в порядке. Я не хочу, чтобы она была одна. Он хороший человек.

Даже молчание может тронуть сердце.

- Ты расскажешь мне, что происходит? спросил я.
- Нечего рассказывать.
- А я думаю, есть что.

Он покачал головой.

- Я уже говорил. Я не знаю, где Натали. Я никогда с ней не встречался. Я даже ни от кого, кроме тебя, не слышал её имени.

- С трудом верится.
- Плохо, у него до сих пор был в руке пистолет. Из-за чего ты начал меня подозревать?
- Из-за навигатора в твоей машине. Он показал, что ты ездил в усадьбу в Крафтборо.

Он скорчил гримасу.

- Чёрт меня побери.
- Зачем ты туда ездил?
- Как ты думаешь?
- Не знаю.
- Я пытался спасти твою жизнь. Я приехал на ферму Джеда сразу после полицейских. Кажется, что тебе не нужна была помощь.

Теперь я вспомнил машину, которая проехала по дороге, когда полицейские нашли мой телефон.

- Ты собираешься застрелить меня?
- Тебе надо было послушать Куки.
- Я не мог. Ты, как никто другой, знаешь это.
- Я? в его голосе появилось что-то похожее на ярость. Ты совсем чокнулся? Как ты и говорил, я сделал всё это, чтобы защитить женщину, которую люблю. А ты? Ты делаешь всё, чтобы её убили.
  - Ты собираешься в меня стрелять или нет?
  - Мне нужно, чтобы ты понял.
- Думаю, я понял. Как мы уже с тобой говорили, ты работал обвинителем. Ты засадил несколько очень плохих парней за решётку. Они пытались отомстить тебе.
- Они не просто пытались, сказал он тихо, снова посмотрев на фотографию Мари-Анн. Они забрали её. Они даже... они даже ранили её.
  - О, нет.

Его глаза наполнились слезами.

- Это было предупреждение. Мне удалось забрать её. Но тогда я понял, что нам нужно смываться.
  - Так, почему вы не смылись?
- Нас бы нашли. Картель Ганы работает с латиноамериканской мафией. У них есть свои люди везде. Куда бы мы ни направились, они бы нашли нас. Я хотел сфальсифицировать смерти для нас двоих, но...
  - Но что?
  - Но Малкольм сказал, что они ни за что не купятся на это.

Я сглотнул.

- Малкольм Юм?

Он кивнул.

- Понимаешь, у "Нового начала" есть местные люди. Они узнали о моей ситуации. Профессор Юм был назначен ответственным за меня. И всё-таки он нарушил протокол. И отправил меня сюда, потому что, думаю, здесь я был полезнее и как преподаватель и как помощник другим людям.
  - Ты имеешь в виду, таким как Натали?
  - Я не знаю ничего об этом.
  - Ага, точно.
- Всё очень раздроблено. Разные люди имеют дело с разными аспектами деятельности и разными членами фонда. Я работал только с Малкольмом. Например, я провёл некоторое время на учебной базе в Вермонте, но лишь несколько дней назад узнал о Тодд Сандерсоне.
  - Так, наша дружба была частью работы? Ты следил за мной?
  - Нет. Зачем мне нужно следить за тобой?
  - Из-за Натали.
- Я уже говорил. Я никогда не встречался с ней. И не знаю ничего об её деле.
  - Но у неё есть некое дело, так?
- Ты не понимаешь. Я не знаю, он покачал головой. Никто ничего мне не говорил о твоей Натали.
  - Но в этом есть смысл, не так ли? Ты же мне откроешь глаза? Он не ответил.
- Ты назвал это заведение не усадьба, а учебная база. Как умно замаскировать её под удалённую усадьбу художников. Кто заподозрит, а?
  - Я и так сказал уже слишком много. Это не важно.
- Чёрта с два. "Новое начало". Можно было догадаться по названию. Так вот, что они делают. Дают людям "новое начало", новую жизнь. Наркокартель хотел, чтобы ты умер. Они спасли тебя. Дали тебе возможность начать жизнь заново. Не знаю, что это именно. Наверное, поддельные документы. Правдоподобную причину, чтобы исчезнуть. Мёртвое тело в твоём случае. Или, может быть, заплатить коронерам или полицейским, не знаю. Возможно, какое-нибудь обучение, как себя вести, языку или новому акценту, может быть, одеваться ужасно, как ты. Кстати, теперь ты можешь снять эти дурацкие очки?

Он почти улыбнулся.

- Не могу, раньше я носил линзы.

Я покачал головой.

- Шесть лет назад Натали была на учебной базе. И я до сих пор не знаю почему. Предполагаю, что это как-то связано с той фотографией с

камеры наблюдения, которую мне показывала нью-йоркская полиция. Может быть, она совершила преступление, но я думаю, что она стала свидетельницей чего-то. Чего-то серьёзного.

Я остановился. Что-то здесь не складывалось, но я продолжил.

- Мы встретились, влюбились. Возможно, это вызвало неодобрение или, не знаю, она была там по другой причине, когда начались наши отношения. На самом деле я не знаю, что именно случилось, но внезапно Натали понадобилось исчезнуть. Причём быстро. Если бы она захотела забрать меня с собой, то, как бы отреагировали организаторы?
  - Отрицательно.
- Правильно. Как в вашем с Мари-Анн случае, теперь я едва мог устоять, чтобы не задуматься о том, как кусочки один за другим встают на свои места. Но Натали знала меня. Она знала, что я чувствую по отношению к ней. Она знала, что если просто бросит меня, я ни за что не куплюсь на это. Так же как она знала, что если неожиданно исчезнет, я пойду за ней, хоть на край света. И что я ни за что не сдамся.

Бенедикт просто смотрел на меня, не говоря ни слова.

- И что случилось дальше? - продолжил я. - Думаю, что организаторы могли бы сфальсифицировать её смерть, как твою, но в её случае никто бы не поверил в это. Если такие парни, как Дэнни Цукер и нью-йоркская полиция ищут её, им понадобится очень веские доказательства её смерти. Им бы понадобилось её тело, или, не знаю, тест ДНК. Короче, это бы не сработало. Поэтому она инсценирует фальшивую свадьбу. Со всех сторон это было идеальное решение. Свадьба убедила бы меня и в то же время убедила бы её сестру и близких друзей. Двух зайцем одним выстрелом. Она сказала мне, что Тодд её бывший, и что недавно она поняла, что он был её настоящей любовью. Это было более правдоподобно, чем парень, которого она только что встретила. Но когда я спросил Джули о нём, она ответила, встречалась с Тоддом. думала, ЧТО Натали не Она ЭТО головокружительный роман. Так или иначе, мы все думали, что это странно, но что мы могли поделать? Натали вышла замуж и уехала.

Я посмотрел на него.

- Я прав, Бенедикт? Или Джамал? Или как, чёрт возьми, тебя зовут? Я хотя бы близко к правде?
  - Я не знаю. Я не вру тебе. Я ничего не знаю о Натали.
  - Ты собираешься в меня стрелять?

У него в руке до сих пор был пистолет.

- Нет, Джейк, не думаю.
- Почему нет? Как же твоя драгоценная клятва?

- Клятва вполне настоящая. Ты даже не представляешь насколько.

Он достал из кармана маленькую коробочку. В похожей моя бабушка хранила таблетки.

- Мы все носим с собой такие.
- Что там?

Он открыл. Внутри были одна чёрно-жёлтая капсула.

- Цианид, - сказал он обыденно, но из-за этого слова в комнате, кажется, стало прохладнее. - Кто бы ни схватил Тодда Сандерсона, должно быть, он застал его врасплох, посему у Тодда не было возможности съесть таблетку.

Он сделал шаг ко мне.

- Теперь ты понимаешь? Понимаешь, почему Натали взяла с тебя обещание?

Я просто застыл на месте, не в состоянии даже двинуться.

- Если ты её найдёшь, ты убьёшь её. Вот так всё просто. Если скомпрометировать организаторов, то умрёт множество людей. Хороших людей. Людей, как твоя Натали и моя Мари-Анн. Людей, как ты и я. Теперь ты понимаешь? Понимаешь, почему я должен убедить тебя оставить это дело?

Я понимал. Но всё равно злился.

- Но должен же быть какой-нибудь другой выход.
- Нет.
- Ты просто не задумывался об этом.
- Задумывался, сказал он очень мягким голосом. Столько раз, что ты себе даже представить не можешь. Годы и годы. Ты просто не представляешь.

Он положил коробочку в карман.

- Джейк, ты же знаешь, что я говорю правду. Мы с тобой лучшие друзья. После женщины, которую я никогда не увижу, и до которой я никогда не дотронусь, ты самый важный человек на земле для меня. Пожалуйста, Джейк. Не заставляй убивать тебя.

Глава 28

Я почти купился на это.

Поправка: я купился на это на долгое время. На первый взгляд, то, что Бенедикт хотел, чтобы я всё время называл его так, чтобы случайно не вышла промашка, абсолютно нормально. Я должен был отступить.

Конечно же, я не знал деталей. Я не знал, всего касательно "Нового начала". Не знал точно, почему исчезла Натали и, куда она направилась. Правда в том, что я даже не знал, жива ли она. Нью-йоркская полиция подозревала, что она мертва. Не знаю почему, но, вероятнее всего, они предположили, что если такие ребята, как Дэнни Цукер и Отто Деверо хотят твоей смерти, то человек, наподобие Натали, не сможет спастись и оставаться в тени шесть лет.

И было ещё много этих "я не знал". Я не знал, как работает "Новое начало", как учебная база маскируется под усадьбу, чем занимаются Джед и Куки, какая роль у каждого в этой организации. Не знал, скольким людям они помогли исчезнуть, и когда начали свою деятельность, хотя согласно официальным записям, двадцать лет назад во времена студенчества Тодда. Этими "не знал" я мог бы построить целый комфортабельный дом. Это уже не имеет значения. Что имело значение, так это то, что жизни людей были под угрозой. Я понимал клятву, которую дал Бенедикт. Я понимал тех, кто готов пожертвовать стольким и взять на себя риск быть убитым, чтобы защитить себя и своих любимых.

Осознание того, что мои отношения с Натали не были ложью, что она пожертвовала настоящей любовью, чтобы спасти наши жизни, приносило огромное утешение. Но осознание этого в совокупности с невозможностью что-либо сделать разрывали моё сердце. Боль вернулась, с одним лишь отличие, она стала ещё сильнее.

Как уменьшить эту боль? Ага, догадываюсь. Мы с Бенедиктом отправились в Библиотечный бар. В этот раз мы даже не стали притворяться, что объятия незнакомок помогут нам. Мы знали, что единственные друзья, Джек Дэниэлс и водка Кетел, помогут нам сгладить или, по крайней мере, слегка смягчить эту жгучую боль.

Мы были погружены в общение с Джеком-Кетелем, когда я задал один простой вопрос:

- Почему я не могу быть с ней?

Бенедикт не ответил. Его внезапно что-то привлекло на дне его

стакана. Он надеялся, что я прекращу. Но я не остановился.

- Почему я не могу тоже исчезнуть и жить вместе с ней?
- Потому что.
- Потому что? Тебе что пять лет?
- А ты бы хотел этого? Бросить преподавание, свою жизнь, всё?
- Да, ответил я без колебаний. Конечно же, хотел бы.

Бенедикт снова уставился на свой стакан.

- Ага, понимаю, сказал он грустнейшим голосом.
- Так?

Бенедикт закрыл глаза.

- Прости. Но ты не можешь.
- Почему?
- По двум причинам. Первая, так не делается. У нас есть протокол, и чёткое разделение полномочий. Это слишком опасно.
- Но я бы смог, сказал я и услышал в своём голосе мольбу. Это было шесть лет назад. Я мог бы сказать, что переезжаю за границу или...
  - Ты говоришь слишком громко.
  - Извини.
  - Джейк?
  - Да?

Он посмотрел мне в глаза, и я выдержал его взгляд.

- Это последний раз, когда мы говорим об этом. Обо всём об этом. Я знаю, как это тяжело, но ты должен пообещать, что больше не будешь поднимать эту тему. Понимаешь?

Я не ответил прямо.

- Ты сказал, что есть две причины, почему я не могу быть с ней.
- Да.
- Какая вторая?

Я опустил глаза и допил напиток одним огромным глотком, подержал жидкость во рту и жестом попросил у бармена ещё одну порцию. Бармен нахмурился. Мы не давали ему расслабиться.

- Бенедикт?

Он поднял стакан и попытался допить последние капли, а потом сказал:

- Никто не знает, где Натали.

Я скорчил гримасу.

- Я понимают всю эту вашу секретность...
- Не просто секретность, он с нетерпение посмотрел на бармена. -Никто не знает, где она.

- Да ладно. Кто-то должен знать.

Он отрицательно покачал головой.

- Это и есть наше единственное спасение. Именно поэтому наши люди живы до сих пор. Или, по крайней мере, надеюсь, что живы. Тодда пытали. Ты же знаешь это? Он мог рассказать об определённых вещах, например, усадьбе в Вермонте, о некоторых членах общества, но даже он не знал, куда люди отправляются после того, как получат своё, он изобразил руками кавычки. "новое начало".
  - Но они знают, кто ты.
- Только Малкольм. Я был исключением, потому что приехал из-за границы. А остальные? "Новое начало" устроило их. Сначала им предоставляют всё необходимое для жизни, а потом для всеобщего блага, они самостоятельно куда-нибудь уезжают и никому не сообщают, где они. Вот, что я подразумеваю под "разделением". Мы все знаем достаточно, но не более того.

Никто не знает, где Натали. Я попытался переварить эту мысль. Не получилось. Натали была в опасности, и я ничего не мог сделать. Натали была где-то там одна, а я не мог быть с ней.

Бенедикт замолчал. Он объяснял, как мог. Теперь я понял. Когда мы ушли из бара и побрели обратно домой, я надавал себе обещаний. Что я отступлю. Что я отпущу ситуацию. Я смогу перебороть эту боль, я же жил с ней так или иначе шесть лет, в обмен на безопасность женщины, которую люблю.

Я смогу жить без Натали, но не смогу жить, если подвергну её опасности. Меня неоднократно предупреждали. Настало время послушать.

Я закончил.

Это я говорил себе, когда зашёл в домик для гостей. Это я планировал делать, когда моя голова коснулась подушки, а глаза закрылись. В это я верил, когда перевернулся на спину и наблюдал, за кружащимся от чрезмерной выпивки потолком. В этом я был уверен до, согласно прикроватным часам, 6:18 утра, когда я вспомнил то, что ускользнуло от меня ранее:

Отец Натали.

Я сел, неожиданно всё моё тело напряглось.

Я до сих пор не знаю, что произошло с профессором Аароном Клейнером.

Думаю, возможно, что Джули Поттам права на счёт того, что её отец сбежал со студенткой, а потом снова женился, но в таком бы случае, Шанта бы нашла его без проблем. Нет же, он просто исчез.

Так же как и его дочь Натали двадцатью годами позже.

Возможно, есть какое-то простое объяснение. Возможно, "Новое начало" помогло ему тоже. Но, нет, "Новое начало" было создано двадцать лет назад. Может быть, исчезновение профессор Клейнера было делом рук организации предшественника? Малкольм Юм знал отца Натали. Мать Натали первым делом пришла к нему, когда Аарон Клейнер бросил семью. Так, может быть, мой наставник помог исчезнуть ему, а потом несколькими годами позже собрал группу, которая под видом благотворительного общества, помогала другим людям в подобной ситуации?

Возможно.

За исключением того, что двадцатью годами позже его дочь тоже неожиданно исчезла. Какой в этом смысл?

Смысла не было.

Да и зачем нью-йоркской полиции показывать мне фотографию с камеры наблюдения шестилетней давности? А что на счёт Дэнни Цукера и Отто Деверо? Как может быть связано то, что происходит сейчас с Натали с её отцом, который пропал двадцать пять лет назад?

Хорошие вопросы.

Я выбрался из кровати и начал обдумывать следующий шаг. Но какой собственно следующий шаг? Я же обещал Бенедикту, что буду держаться от всего этого подальше. Более того, сейчас я осознал по-настоящему, практически осязаемо, опасность продолжать поиски не только для меня, но и для женщины, которую я люблю. Натали решила исчезнуть. Неважно, чтобы защитить себя, меня или нас обоих, я должен уважать не только её желания, но и решения. Она тщательно проанализировала своё затруднительное положение, зная больше, чем я, взвесила все "за" и "против" и решила, что должна исчезнуть.

Кто я такой, чтобы портить всё дело?

Итак, ещё раз, я был готов отпустить это дело, сдаться и жить с этим ужасным разочарованием, но в этот момент меня неожиданно посетила мысль, от которой я едва не споткнулся. Я абсолютно спокойно обдумывал эту мысль, рассматривая её со всех мыслимый и немыслимых углов. Да, мы все упустили кое-что. Кое-что, что изменило саму природу того, что Бенедикт убеждал меня сделать.

Бенедикт направлялся на занятие, когда я выбежал на улицу. Он замер, когда увидел выражение на моём лице.

- Что случилось?
- Я не могу бросить это дело.

Он вздохнул.

- Ты опять за старое.
- Знаю, но мы кое-что упустили.

Его глаза метались из стороны в сторону, как будто он боялся, что ктонибудь может подслушать.

- Джейк, ты обещал...
- Всё началось не с меня.
- YTO?
- Это новая опасность. Нью-йоркская полиция задаёт вопросы. Отто Деверо и Дэнни Цукер. "Новое начала" в осаде. Но это началось не с меня. Не я разворошил это осиное гнездо, пытаясь найти Натали. Не я начал всё это.
  - Я не понимаю, о чём ты говоришь.
- Убийство Тодда. Вот, что вовлекло меня в это дело. Твои парни продолжают думать, что я поставил под удар ваше общество. Но это был не я. Кто-то уже знал. Кто-то узнал о Тодде, пытал и убил его. Я увидел некролог Тодда, и только потом влез в это дело.
  - Это ничего не меняет, сказал Бенедикт.
- Конечно же, имеет. Если Натали спрятали в безопасном место, хорошо, я принимаю это. Я должен оставить её в покое. Но разве ты не понимаешь? Она в опасности. Кто-то знает, что на самом деле она не вышла замуж и не уехала за границу. Этот кто-то убил Тодда. Этот кто-то выслеживает её, и она даже не знает об этом.

Бенедикт начал потирать подбородок.

- Они ищут её, - сказал я. - Я не могу просто отступить. Разве ты не понимаешь?

Он покачал головой.

- Нет, я не понимаю, его голос был таким уставшим, таким сломленным, таким измотанным. Я не понимаю, такое ощущение, будто ты делаешь всё, чтобы она умерла. Послушай, Джейк. Я услышал тебя, но мы должны сплотиться. Мы должны защитить общество. Все ушли в подполье, пока всё не утихнет.
  - Но Натали...
- Она в безопасности, пока ты не лезешь в это дело. Если ты будешь продолжать в том же духе, то нас всех раскроют, и это может означать смерть не только для неё, но и для Мари-Анн, меня и многих, многих других. Я понял, о чём ты говоришь, но ты не видишь всей картины. Ты не хочешь принять правду. Ты настолько хочешь быть с ней, что искажаешь факты настолько, что они кажутся тебе призывом к действию. Разве ты не понимаешь?

Я покачал головой.

- Нет. На самом деле, нет.

Он посмотрел на часы.

- Слушай, мне нужно на занятие. Давай поговорим об этом позже. До тех пор не предпринимай ничего, хорошо?

Я ничего не ответил.

- Пообещай мне, Джейк.

Я пообещал. Однако в этот раз я сдерживал обещание скорее шесть минут, нежели, шесть лет.

Глава 29

Я посетил банк и снял четыре тысячи долларов наличности. Кассир в банке должен был спросить разрешение заведующего кассой, которому в свою очередь нужно было найти менеджера банка. Я пытался вспомнить, когда в последний раз пользовался услугами банковского кассира, а не банкоматом, но так и не смог.

Я остановился у магазина "CVS" и купил два одноразовых телефона. Зная, что полицейские могут в любой момент отследить телефон, когда он включён, я выключил свой мобильный и засунул его в карман. Если мне нужно будет позвонить, я воспользуюсь одноразовым телефоном и выброшу его, когда будет нужно. Если полицейские могут отследить такие телефоны, то и ребята, вроде Дэнни Цукера тоже. Я не знал наверняка, но уровень моей паранойи был оправданно невероятно высоким.

Я не смог бы избегать мобильной сети долго, но несколько дней, это то, что мне нужно.

Сначала о главном. Бенедикт сказал, что никто из "Нового начала" не знает, где Натали. Я не был в этом уверен. Организация начала свою деятельность с Лэнфорда при содействии в той или иной части профессора Малькома Юма.

Настало время позвонить моему старому наставнику.

В последний раз я видел человека, в чьём кабинете обитаю, два года назад на политологическом семинаре по конституционным нарушения. Он прилетел из Флориды и выглядел здоровым и загорелым. Его зубы были потрясающе белыми. Как и многие жители Флориды на пенсии, он являл человека отдохнувшего, счастливого и очень старого. замечательно провели время, но между нами ощущалась некая дистанция. Но Малкольм Юм мог себе такое позволить. Я любил этого человека. Помимо отца, он был для меня ближе всех прочих к примеру для подражания. Но он чётко дал понять, что выход на пенсию был окончательным. Он всегда ненавидел академических бездельников, тех профессоров и администраторов, которые продолжали занимать свои места и после выхода на пенсию, как стареющие игроки, которые не хотели сталкиваться с неизбежным. Покинув наши священные залы, профессор Юм уже не хотел возвращаться. Он не ностальгировал и не жил прошлыми заслугами. Даже в восьмидесятилетнем возрасте, Малкольм Юм был предусмотрительным парнем. Прошлое - это прошлое. Прошлое.

Так что, несмотря на нашу богатую историю, мы не общались регулярно. Эта часть его жизни была закончена. Теперь Малкольм Юм играл в гольф, посещал книжный клуб любителей детективов и играл в бридж с друзьями из Флориды. Возможно, деятельность в "Новом начале" он тоже оставил позади. Я не знал, как он ответит на мой звонок, будет взволнован или нет. Да, меня это особенно и не волновало. Мне нужны ответы.

Я набрал его номер в Веро Бич. После пяти гудков включился автоответчик. Гремящий голос Малкольма с печатью возраста пригласил меня оставить сообщение. Я уже собирался это сделать, когда понял, что у меня нет номера, на который можно перезвонить, поскольку мой телефон был выключен большую часть времени. Значит, попробую позвонить позже.

Что теперь?

Мозг снова начал напряжённо работать, в сотый раз возвращаясь к отцу Натали. Он был ключом в данном деле. Я всё думал, кто мог пролить свет на то, что с ним случилось? Ответ был очевиден: мама Натали.

Я раздумывал, может быть, позвонить Джули Поттам и спросить разрешение поговорить с её матерью, но опять же, кажется, что это пустая трата времени. Я отправился в местную библиотеку, чтобы воспользоваться интернетом. Я искал Сильвию Эйвери. Нашёлся адрес Джули Поттам в Рэмси, Нью-Джерси. Я на минуту откинулся на спинку, чтобы подумать. Я зашёл на сайт "Жёлтых страниц" и сделал запрос "пансионаты для престарелых в Рэмси". Их оказалось три. Я позвонил туда и попросил поговорить с Сильвией Эйвери. Все сказали, что у них нет "постояльцев" (они все использовали этот термин) с таким именем. Я вернулся к компьютеру и расширил поиск до округа Берген, Нью-Джерси. Компьютер выдал внушительный список. Я открыл карту и начал обзванивать ближайшие к Рэмси. На шестой звонок оператор в пансионате Гайд-парк сказала:

- Сильвия? Думаю, она на занятии ремеслом с Луизой. Хотите оставить сообщение?

На занятии ремеслом с Луизой. Словно она ребёнок в летнем лагере.

- Нет, я перезвоню. Спасибо. У вас есть часы посещения?
- Мы принимаем гостей с восьми утра и до восьми вечера.
- Спасибо.

Я повесил трубку и зашёл на сайт пансионата Гайд-парк. У них было ежедневное расписание онлайн, которое включало занятия ремеслом с Луизой. Согласно ему, следующим был Клуб Скрабла, потом Общество

путешественников на диване, без понятия, что это значит, и далее Ярмарка выпечки. На завтра был запланирован трёхчасовой поход в Парамус Парк Молл, но на сегодня ничего, значит, все будут дома. Хорошо.

Я направился в салон проката автомобилей, попросил машину среднего размера и получил Форд Фьюжн. Пришлось воспользоваться кредиткой. Настало время для ещё одного путешествия, в этот раз, чтобы навестить маму Натали. Я не слишком волновался, что её не будет на месте, когда я приеду. У постояльцев пансионатов для престарелых редко бывают незапланированные поездки. Ну, а если её всё-таки не будет, то недолго. Я мог подождать. В любом случае мне некуда идти. Кто знает? Может быть. Провёл бы восхитительный вечерок с Мэйбл за игрой в карты.

Только я выехал на 95-ую трассу, как мой мозг тут же вернул меня к последней поездке по этой самой дороге, которая была... вау, вчера. Я поразмыслил над этим. Я съехал с дороги, достал телефон и включил его. Там было несколько писем и неотвеченные звонки. Три из них от Шанты. Я проигнорировал их, открыл поисковик и быстро набрал в Гугле "Дэнни Цукер". Был один человек с таким именем, который работал в Голливуде, посему большая часть ссылок была на него. Я попытался набрать имя и слово "преступник" вместе. Ничего. Тогда я открыл форум гангстеровэнтузиастов. И там не было ничего о Дэнни Цукере.

И так что?

Я мог неправильно написать имя. Я попробовал "Цуккер", "Зукер" и "Зуккер". Ничего существенного. Съезд на Флашинг был рядом. Это крюк, но ничего страшного. Я решил попытать счастье и поехал на бульвар Фрэнсиса Льюиса. Оранжерея "Всемирный сад" и цветочный магазин, у которого я побил Эдварда, были открыты. Я вспомнил это происшествие. Я всегда гордился тем, что следую правилам, и мне пришлось самому оправдывать себя за вчерашнее насилие тем, что я защищал ребёнка, хотя, по правде сказать, не было никакой необходимости разбивать Эдварду нос. Мне нужна была информация, и я нарушил закон, чтобы получить её, тот самый закон, который с лёгкостью даст рационалистическое обоснование тому, что я сделал. В данном случае, наиболее убедительным было бы, что я ударил Эдварда в качестве возмездия.

Но ближе к делу. Обо всём этом мне предстоит подумать, когда выдастся свободная минута. А сейчас я задавался вопросом: не понравилось ли мне это отчасти? Нужно ли мне было бить Эдварда, чтобы получить информацию. На самом деле, нет. Были и другие способы. Но самое ужасное было даже позволить этой мысли прийти в голову: а не нашёл ли я некое наслаждение в смерти Отто? На своих занятиях я часто

говорю о важности примитивных инстинктов в философии и политологии. Неужели я думал, что я исключение? Может быть, правила, которые я так лелею, служат не для того, чтобы защитить других от нас, а чтобы защитить себя от самих себя.

На занятиях по ранней политической мысли Малкольм Юм любил исследовать тонкие грани между добром и злом. Я зарёкся от таких разговоров. Это правильно. Это неправильно.

Так, по какую сторону я сейчас?

Я припарковался рядом с входом, прошёл мимо большой распродажи "Многолетников и керамики" и вошёл внутрь. Магазин был гигантским. Едкий запах дёрна наполнял воздух. Я свернул налево, обошёл свежие цветы, кустарники, аксессуары для дома, уличную мебель, грунты, торфяной мох (чем бы это ни было). Я внимательно рассматривал каждого, на ком был ярко-зелёный фирменный фартук. Это заняло около пяти минут, и я нашёл парня, который, что довольно интересно, работал в отделе удобрений.

На его носу была повязка, под глазом синяк. У него на голове попрежнему была кепка Бруклин Нетс козырьком назад. Он помогал покупателю загружать мешки удобрений в тележку. Покупатель говорил ему что-то. Парень кивал с энтузиазмом. У него в ухе была серёжка. Волосы, выглядывающие из-под кепки, можно было описать, как полосатый блондин. Парень работал усердно, улыбаясь всё время, пытаясь удовлетворить все потребности покупателей. Я был впечатлён.

Я подошёл к нему, встал сзади и принялся ждать. Я пытался определить, с какого угла лучше зайти, чтобы он не смог сбежать. Когда он закончил с текущим покупателем, то тут же начал высматривать, кому бы помочь ещё. Я подошёл и дотронулся до его плеча.

Он повернулся с улыбкой наготове:

- Чем...?

И запнулся, когда увидел моё лицо. Я уже был готов сорваться с места и бежать за ним. Но не знал, как лучше поступить. Я хотел даже схватить его, если он попробует удрать, но это бы привлекло слишком много ненужного внимания. Я приготовился, ожидая его реакции.

- Приятель! он обвил меня руками, сжав в крепких объятиях. Я не ожидал такого, но не сопротивлялся. Спасибо, парень. Спасибо тебе большое.
  - Эм, не за что.
- О, приятель, ты мой герой, ты знаешь это? Эдвард такой мудак. Задирает меня, потому что знает, что я не силён. Спасибо, приятель.

Большое спасибо.

Я снова повторил:

- Не за что.
- Так в чём твоя польза? спросил он. Я знаю, что ты не коп. Ты что, не знаю, вроде супергероя или что-то в этом духе?
  - Супергероя?
- В смысле, ты болтаешься по округе и спасаешь людей и прочее. А когда ты спросил о его связи с ММ? его лицо неожиданно потемнело. Приятель, надеюсь, что у тебя за спиной есть целая шайка Мстителей или чего-то в этом духе, если ты решил тягаться с ним.
  - Именно об этом я и хочу тебя спросить.
  - Да?
  - Эдвард работает на парня по имени Дэнни Цукер, так?
  - Taк.
  - Кто такой Дэнни Цукер?
- Самый больной чувак на свете. Он бы убил щенка просто за то, что тот оказался на его пути. Ты не поверишь, насколько он чокнутый псих. Как-то он помочился на штаны Эдварда. Серьёзно.

Потрясающе.

- А на кого работает Дэнни?

Парень даже отступил назад.

- Ты не знаешь?
- Нет. Поэтому я здесь.
- На самом деле?
- Да.
- Приятель, я пошутил, что ты супергерой. Теперь я понял, ты просто увидел, что это дерьмо бьёт меня, и, не знаю, ты большой парень и ненавидишь бандитов и прочее. Так?
  - Нет. Мне была нужна информация.
- Надеюсь, что одна из твоих суперспособностей пуленепробиваемость. Если ты свяжешься с этими ребятами...
  - Я буду осторожен.
  - Я не хочу, чтобы ты пострадал, потому что помог мне, понимаешь?
- Понимаю, сказал я, пытаясь максимально хорошо изобразить тон компетентного профессионала. Просто расскажи мне, что знаешь.

Парень пожал плечами.

- Эдди - мой букмекер. Только и всего. Я не заплатил вовремя, а ему нравится делать людям больно. Он ничтожество. Как я уже говорил, он работает на Дэнни Ц. Дэнни - важная шишка в ММ.

- Что такое ММ?
- Я бы сморщил нос, чтобы показать, что это значит, но мой чёртов нос убивает меня.

Я кивнул.

- Так Дэнни Ц работает на мафию? Это ты пытаешься сказать?
- Не знаю, как они себя называют. В смысле, такое слово я слышал только в очень старых фильмах. Могу только сказать, что Дэнни Ц работает непосредственно на главу ММ. Этот парень легенда.
  - Как его зовут?
- Ты шутишь? Ты что и в правду не знаешь? Как ты здесь живешь и не знаешь?
  - Я не живу здесь.
  - Aaaa.
  - Так, ты расскажешь?
- Я должен тебе. Так что да. Как я уже говорил, Дэнни Ц. что-то вроде правой руки главы MM.
  - И что такое ММ?

Пожилая женщина встала между нами.

- Здравствуй, Гарольд.

Он улыбнулся ей широкой улыбкой.

- Здравствуйте, миссис Эйч. Как ваши петунии?
- Ты был прав насчёт ящиков на окне. Ты гений в расстановке цветов.
- Спасибо.
- Если у тебя есть минутка...
- Только закончу с джентльменом, и буду в вашем распоряжении.

Миссис Эйч поковыляла прочь. Гарольд смотрел ей в след, всё время улыбаясь.

- Гарольд, сказал я, пытаясь вернуть его к теме. Кто такой ММ?
- Да ладно, приятель, ты что не читаешь газеты? ММ. Дэнни Ц подчиняется непосредственно самому большому и плохому парню, ММ. ММ Максвелл Майнор.

Что-то щёлкнуло. Должно быть, на моём лице отразилось всё, поэтому Гарольд сказал:

- Вау, приятель, с тобой всё в порядке?

Мой пульс участился. Кровь молотом билась в ушах. Я мог бы поискать и на телефоне, но мне нужен был большой экран.

- Мне нужен интернет.
- Владелец не разрешает никому пользоваться здесь интернетом. Он заблокирован.

Я поблагодарил его и поспешно вышел. Майнор. Я уже слышал это имя, касательно этого дела. Я, как сумасшедший, поехал на Северный Бульвар и нашёл то же самое "Киберкрафт Интернет кафе". Тот же тусовщик-лоботряс был за стойкой. Если он узнал меня, то не показал этого. Четыре терминала было свободно. Я заскочил в один из них и быстро напечатал адрес газеты Нью-Йорка. Щёлкнул на архив и ввёл запрос "25 мая", следующий день после того, как была сделана фотография Натали камерой слежения. Казалось, компьютер думал целую вечность.

Давай, давай...

А потом выскочил заголовок:

ЗАСТРЕЛЕН ФИЛАНТРОП

Арчер Майнор убит в своём собственном офисе.

Мне хотелось закричать "Эврика!", но я сдержался. Майнор. О, это не может быть простым стечением обстоятельств. Я открыл статью и начал читать:

Арчер Майнор, сын главаря банды Максвелла Майонора, защитник прав потерпевших, был убит вчера вечером в высотном здании на Парк-Авеню, где располагалась его адвокатская контора. По-видимому, он пал жертвой подчинённого собственного отца. Известный, как сын Майнора, который начал вести честный образ жизни, Арчер Майнор работал с жертвами преступлений, при чём в последние недели публично осуждал своего отца и обещал предоставить окружному прокурору доказательства семейных преступлений.

Больше никаких подробностей в статье не было. Я снова вернулся к строке поиска и набрал Арчер Майнор. На следующей неделе была ещё несколько статей. Я начал просматривать их, ища хоть какую-нибудь зацепку, какую-нибудь связь между Арчером Майнором и Натали. Статья, которая вышла через два дня после убийства привлекла моё внимание:

НЬЮ-ЙОРКСКАЯ ПОЛИЦИЯ ИЩЕТ СВИДЕТЕЛЯ УБИЙСТВА МАЙНОРА

Источник из Нью-Йоркской полиции сообщил, что в настоящее время ищут женщину, которая, возможно, является свидетельницей убийства сына местного гангстера, который превратился в героя, Арчера Майнора. Полиция Нью-Йорка не прокомментировала это заявление прямо:

- На самом деле мы расследуем большое количество зацепок, - сказала Анда Олсон, пресс-секретарь полиции. - Мы полагаем, что в ближайшее время заключим под стражу подозреваемого.

Подходит. Или что-то в этом роде.

Помнится, я подумал, что фотография Натали с камеры наблюдения

была сделана в вестибюле офисного здания. Хорошо, что дальше? Суммируем. По какой-то причине Натали оказалась в офисе Майнора той ночью. Она видела убийцу. Это объясняет страх на её лице. Она сбежала, надеясь, что её никто не заметил, но полиция Нью-Йорка, должно быть, просматривала видео на камерах наблюдения и увидела, как она идёт по коридору.

Но я что-то упустил, что-то важное. Я продолжил читать:

Когда прозвучал вопрос о мотивах преступления, Олсон ответила:

- Мы думаем, что Арчер Майнор был убит, потому что хотел, поступить правильно.

Сегодня мэр Блумберг назвал Арчера Майнора героем.

- Он пересилил имя и историю своей семьи, чтобы стать одним из величайших нью-йоркцев. Его неустанная работа от имени жертв, в результате чего преступники были приведены к ответственности, не будет забыта.

Многие удивляются, почему Арчер Майнор, который недавно осудил своего отца, Максвелла Майнора, и его помощников в организованном преступном синдикате, известном, как ММ, не был помещён под программу защиты свидетелей.

- Это была его просьба, - сказала Олсон.

Источник, близкий к вдове Майнора, сообщил, что её муж работал всю жизнь, чтобы компенсировать преступления отца.

- Сначала Арчер просто хотел получить хорошее образование и жить дальше, - говорит источник. - Но как бы быстро он не бежал, Арчер не мог сбежать от этой ужасной тени.

И вовсе не из-за того, что он не пытался. Арчер Майнор активным сторонником защиты прав жертв преступлений.

Нью-Йоркская полиция не стала придаваться голословным рассуждениям, но самой популярной, хоть и шокирующей, является теория, что Максвелл Майнор убил собственного сына. Максвелл Майнор не отрицает обвинение, но сделал следующее короткое заявление: "Моя семья и я опустошены смертью сына Арчера. Я прошу прессу не мешать моей семье оплакивать потерю".

Я облизал губы и нажал "следующая страница". Когда я увидел фотографию Максвелла Майнора, я уже ничему не удивлялся. Это был человек с тоненькими усиками с похорон Отто Деверо.

Теперь всё сложилось.

Только сейчас я понял, что сижу, затаив дыхание. Я откинулся назад и попытался расслабиться, заложив руки за голову и закрыв глаза. В моём

подсознании рождались новые пространственно-временные связи. Натали была там в ночь громкого убийства Арчера Майнора. Думаю, она была свидетельницей преступления. На определённом этапе нью-йоркская полиция выяснила, что Натали была запечатлена на видео камеры наблюдения. Натали, опасаясь за свою жизнь, решила исчезнуть.

Я хотел продолжить поиски, но уверен, что никого не осудили за убийство Арчера Майнора. Поэтому-то Нью-Йоркская полиция, спустя столько лет, всё ещё ищет Натали.

И что случилось дальше?

Натали вышла на "Новое начал". Как это произошло? Без понятия. Но, в самом деле, как можно выйти на "Новое начало"? Думаю, организация бдительно следит за происходящим. Как в случае Бенедикта ака Джамала. Но чтобы они согласились помочь, их ещё нужно убедить.

Как бы там ни было, Натали отправили в Поселение творческого восстановления, которое хотя бы отчасти служило "крышей" для организации. Великолепной, могу добавить. Возможно, некоторые участники на самом деле были там из-за искусства. Безусловно, Натали могла там быть и по этой причине. Как говорят, скрыться на виду. Вероятно, ей наказали прятаться там и ждать, чем закончится дело Арчера Майнора. Может быть, полицейские смогут арестовать виновного без её участия, тогда бы она смогла вернуться к нормальной жизни. А, может быть, нью-йоркская полиция не сможет идентифицировать женщину на фото. Не важно. Всё это было моими догадками, но, думаю, я был близок к истине.

В определённый момент реальность подняла свою уродливую голову, ворвавшись в жизнь и сметя надежду остаться с новым парнем. Выбор был очевиден: исчезнуть или умереть.

И она исчезла.

Я прочитал ещё несколько статей, касательно этого дела, но толком нового больше ничего не было. Арчера Майнора изображали, как героического человека-загадку. Его растили самым худшим из худших. Его старший брат был убит в "гангстерском стиле", как это называли газеты, когда Арчер учился ещё в колледже. Таким образом, Арчеру полагалась возглавить семейный бизнес. Это почти напомнило мне "Крестного отца", за исключением того, что данный конкретный хороший сын так и не сделался плохим. Арчер Майнор не только изо всех сил отказывался примкнуть к ММ, но и работал без устали, чтобы привлечь эту организацию к закону.

И снова я задумался, что привело мою милую Натали в юридическую

контору поздним вечером. Предполагаю, она могла быть клиенткой, но это не оправдывает её появление там так поздно. Она могла знать Арчера Майнора, но пока у меня нет доказательств этого. Я уже собирался сдаться и списать её визит на случайность, когда прочитал маленький бесцветный некролог.

Что за...?

Я закрыл глаза, протёр их и начал читать с самого начала. Потому что этого не могло быть. Когда только всё начало приобретать смысл, когда только я достиг некого прогресса, невидимая сторона дела снова ударила меня обухом по голове:

Арчер Майнор, 41 год, житель Манхеттена, в прошлом Флашинга (Квинс, Нью-Йорк). Мистер Майнор был старшим партнёром в юридической фирме Пашаян, Дресснер и Розенбург, которая располагается в здании Лок-Хорн в Нью-Йорке, Парк Авеню, 245. Арчер получил множество наград за свою благотворительную деятельность. Он посещал частную среднюю школу Святого Франциска и закончил с отличием колледж Лэнфорда...

Глава 30

Я услышал, как миссис Динсмор вздохнула в трубку:

- Разве вы не отстранены от должности?
- Вы скучаете по мне. Признайте.

Даже среди нарастающей смеси ужаса и замешательства, миссис Динсмор могла спустить меня с небес на землю. Всегда существуют некие константы. Словесная перебранка с миссис Динсмор была одной из таких констант. Было нечто даже комфортное в этой собственной версии ритуала, в то время как весь остальной мир сошёл с ума.

- Отстранение исключает звонки вспомогательному персоналу колледжа, сказала миссис Динсмор.
  - Даже если звонят ради секса по телефону?

Я ощущал её неодобрительный взгляд даже за 250 километров.

- Чего вы хотите, забавный парень?
- Мне нужна одна большая услуга.
- А взамен?
- Вы слышали, что я сказал по поводу секса по телефону?
- Джейк?

Не могу вспомнить, чтобы она когда-либо называла меня по имени.

- Да?

Неожиданно её голос стал мягким.

- Что с вами такое? Получить отстранение не похоже на вас. Вы были образцом для подражания.
  - Это очень долгая история.
- Вы спрашивали о дочери профессора Клейнера. Ту, в которую влюблены.
  - Да.
  - Вы всё ещё ищете её?
  - Да.
  - Ваше отстранение каким-то образом связано с этим?
  - Связано.

Тишина. Миссис Динсмор прочистила горло.

- Что вам нужно, профессор Фишер?
- Личное дело студента.
- Опять?
- Да.

- Вам нужно разрешение студента. Я говорила вам об этом в прошлый раз.
  - И как в прошлый раз, студент мёртв.
  - Аа. Как его имя?
  - Арчер Майнор.

Пауза.

- Вы знаете его? спросил я.
- Как студента, нет.
- Ho?
- Но помню, как читала об его убийстве в газете Лэнфорда несколько лет назад.
  - Шесть лет назад.

Я завёл машину, держа телефон у уха.

- Давайте ещё раз, сказала миссис Динсмор. Вы ищите Натали Эйвери, правильно?
  - Правильно.
- И в течение этих поисков вам нужно изучить личные дела даже не одного, а целых двух убитых студентов.

Как ни странно, я не думал об этом в таком ключе.

- Думаю, так и есть.
- Осмелюсь сказать, это не похоже на любовную историю.

Я ничего не ответил. Прошло несколько секунд.

- Я перезвоню вам, - сказала миссис Динсмор и отключилась.

* * *

Пансионат Гайд-парк напоминал Кортъярд Марриотт.

Причём очень милый, нужно признать, даже высококлассный с беседкой в викторианском стиле, но в тоже время всё кричало об обезличенности, замкнутости и нарочитости. Главное здание было трёхэтажным с башенками по углам. На огромном знаке было написано ВХОД В ПАНСИОНАТ. Я пошёл по дорожке, поднялся по пандусу и открыл дверь.

У женщины за столом была причёска-улей, которую я видел в последний раз у жены сенатора где-то в году 1964. Её улыбка была настолько безжизненной и деревянной, что по ней можно было постучать наудачу.

- Чем могу помочь?

Я улыбнулся и развёл руками. Я где-то читал, что если развести руками, то ваш вид становится более открытым и дружелюбным, вам

больше доверяют, в то время, как сложенные руки делают вас закрытым. Не знаю, правда ли это. Но было больше похоже на то, что я собираюсь схватить кого-нибудь и утащить прочь.

- Я бы хотел увидеть Сильвию Эйвери.
- Она ожидает вас? спросил Улей.
- Нет, не думаю. Я просто был по соседству.

Казалось, она сомневалась. Я не винил её. Вряд ли многие случайно оказываются по соседству с пансионатом.

- Не возражаете зарегистрироваться?
- Вовсе нет.

Она выудила огромную гостевую книгу, похожую на те, что используют на свадьбах, похоронах и в отелях в старых кино, протянула её мне вместе с большим гусиным пером. Я написал своё имя. Женщина убрала гостевую книгу.

- Мистер Фишер, медленно прочитала она моё имя, подняла глаза и моргнула. Можно спросить, откуда вы знаете мисс Эйвери?
- Я знаю её дочь Натали. Посему подумал, что было бы мило навестить её.
- Уверена, что Сильвия оценит, Улей жестом показала налево. Наша гостиная удобна и привлекательна. Вы не возражаете провести встречу там?

Привлекательна?

- Конечно, - сказал я.

Улей встал.

- Я скоро вернусь. Чувствуйте себя, как дома.

Я пошёл в удобную, "привлекательную" гостиную. И понял в чём дело. Улей хотела, чтобы встреча прошла в людном месте, на случай если я не был честен. В этом есть смысл. Лучше перебдеть, чем недобдеть. Диваны были довольно милыми с цветочным рисунком, и всё же они выглядели какими-то некомфортными. Здесь всё было каким-то некомфортным. Весь дом был смоделирован таким образом, чтобы выглядеть идеальным, чтобы подчеркнуть положительные стороны, но запах антисептика, промышленных моющих средств и, да, не побоюсь сказать, пожилых людей, был очевиден. Я остался стоять. В углу примостилась старушка с ходунками и в драном халате. Она, бешено жестикулируя, разговаривала со стеной.

Мой новый одноразовый телефон начал звонить. Я посмотрел на определитель номера, но единственный человек, которому я давал этот номер, была миссис Динсмор. В комнате был знак, оповещающий, что

использование телефонов запрещено, но я и так сейчас хожу по лезвию ножа. Посему я зашёл за угол, отвернулся к стене, а-ля старушка с ходунками, и сказал шёпотом:

- Алло?
- Личное дело Арчера Майнора у меня, сказала миссис Динсмор. Отправить вам его на почту?
  - Было бы замечательно. А оно сейчас перед вами?
  - Да.
  - Там нет ничего странного?
  - Я ещё не смотрела. Что именно в нём может быть странного?

Я задумался.

- Какая-нибудь связь между жертвами двух убийств. Может быть, они жили в одном общежитии? Посещали одни занятия?
- Это просто. Нет. Арчер Майнор выпустился до того, как Тодд Сандерсон поступил сюда. Что-нибудь ещё?

Пока я вычислял в голове, что ещё может быть, холодная рука сжала моё сердце.

Миссис Динсмор сказала:

- Вы всё ещё там?

Я сглотнул.

- Арчер Майнор был на кампусе, когда профессор Клейнер сбежал? Короткая пауза. Затем миссис Динсмор произнесла далёким голосом:
- Думаю, он был на первом или втором курсе.
- Вы не могли бы посмотреть...
- Уже смотрю.

Я услышал, как переворачиваются страницы личного дела. Я оглянулся назад. Старушка с ходунками и в рваном халате подмигнула мне с намёком. Я подмигнул ей в ответ. А почему нет?

Миссис Динсмор сказала:

- Джейк?

Она опять назвала меня по имени.

- Да?
- Арчер Майнор посещал курс профессора Клейнера, который назывался "Гражданство и плюрализм". Согласно записям, он получил оценку "А".

Улей вернулся, толкая впереди себя инвалидное кресло с матерью Натали. Я узнал Сильвию Эйвери, поскольку видел её шесть лет назад на свадьбе. Годы не щадили её и до этого, и судя по тому, что я видел теперь, ничего не изменилось.

Всё ещё держа телефон у уха, я спросил миссис Динсмор:

- Когда?
- Что когда?
- Когда Арчер Майнор посещал этот курс?
- Давайте посмотрим, миссис Динсмор ахнула, но я уже знал ответ. Это был тот семестр, когда профессор Клейнер исчез.

Я кивнул сам себе. Следовательно, оценка "А", которую все получили в том семестре.

Мои мысли, так или иначе, возвращались к воскресенью. Я поблагодарил миссис Динсмор и отключился, когда Улей подкатила ко мне Сильвию Эйвери. Я надеялся, что мы побудем наедине, а Улей подождёт в сторонке. Я прочистил горло.

- Мисс Эйвери, возможно, вы меня не помните...
- Свадьба Натали, сказала, она без колебаний. Ты тот депрессивный парень, которого она бросила.

Я посмотрел на Улей. Улей положила руки на плечи Сильвии Эйвери.

- Всё хорошо, Сильвия?
- Конечно же, хорошо, огрызнулась она. Уходи, оставь нас наедине.

Её деревянную улыбку нельзя было назвать очень милой, но с другой стороны дерево оно и есть дерево. Улей вернулась к столу. Она напоследок одарила нас взглядом, который словно говорил: "Может быть, я и не сижу рядом с вами, но я буду наблюдать".

- Ты слишком высокий, сказала Сильвия Эйвери.
- Извините.
- Не извиняйся. А просто сядь, чёрт возьми, пока я не потянула шею.
- О, извините.
- Опять ты со своими извинениями. Садись, садись.

Я сел на диван. Она некоторое время изучающе смотрела на меня, а потом сказала:

- Что тебе нужно?

Сильвия Эйвери, казалась маленькой и иссохшей в своём инвалидном кресле, но опять же, кто в нём бы выглядел большим и сильным? Я ответил ей вопросом на вопрос.

- Вы что-нибудь слышала от Натали?

Она посмотрела на меня подозрительным уничижительным взглядом.

- Кому это нужно знать?
- Эм, мне.
- Я получаю открытки время от времени. Зачем?
- Но вы не виделись с ней?

- Hea. Но это ничего. Она обладает свободолюбивым духом, знаешь ли. Когда вы даёте свободному духу свободу, он улетает. Это его суть.
  - А вы не знаете, где приземлился этот свободный дух?
- Не то, чтобы это твоё дело, но она живёт заграницей. Она счастлива с Тоддом. Я надеюсь увидеть этих ребят однажды, её глаза немного сузились. Ещё раз как тебя зовут?
  - Джейк Фишер.
  - Ты женат Джейк?
  - Нет.
  - Был женат?
  - Нет.
  - У тебя есть девушка?

Я не потрудился ответить.

- Жалко, - Сильвия Эйвери покачала головой. - Большой, сильный мужчина, как ты, должен быть женат. Ты должен защищать свою женщину. Тебе не следует быть одному.

Мне не нравилось направление, по которому пошёл разговор. Настало время изменить его.

- Мисс Эйвери?
- Да?
- Вы знаете, чем я зарабатываю на жизнь?

Она оглядела меня с ног до головы.

- Ты выглядишь, как полузащитник.
- Я профессор колледжа.
- **-** O.

Я развернулся таким образом, чтобы хорошо видеть её реакцию на то, что я собираюсь сказать.

- Я преподаю политологию в колледже Лэнфорда.

Какого бы цвета не были её щёки, всю краску с них смыло мементально.

- Миссис Клейнер?
- Это не моё имя.
- Было когда-то, разве нет? Вы изменили его после того, как ваш муж покинул Лэнфорд.

Она закрыла глаза.

- Кто сказал тебе?
- Длинная история.
- Натали говорила что-нибудь?
- Нет. Никогда. Даже тогда, когда я привёл её на кампус.

- Хорошо, она подняла дрожащую руку ко рту. Боже мой, а как тогда ты узнал?
  - Мне нужно поговорить с вашим бывшим мужем.
- Что? её глаза расширились от испуга. О, нет, этого не может быть...
  - Чего не может быть?

Она так и сидела, прижав руку ко рту и ничего не говоря.

- Пожалуйста, мисс Эйвери. Мне очень нужно поговорить с ним.

Сильвия Эйвери зажмурила глаза так сильно, как будто она была ребёнком, испугавшимся монстра. Я посмотрел на Улей. Она наблюдала за нами с неприкрытым любопытством. Я улыбнулся натужной улыбкой, такой же фальшивой. как и её, чтобы показать, что всё хорошо.

Сильвия Эйвери сказала шепотом:

- Почему сейчас?
- Мне нужно поговорить с ним.
- Это было давным-давно. Ты хоть представляешь, что мне пришлось сделать, чтобы жить дальше? Как это было больно?
  - Я не хочу никому причинять боль.
- Да? Тогда остановись. Зачем тебе понадобился этот человек? Ты знаешь, что его побег сделал с Натали?

Я ждал, надеясь, что она продолжит. И она продолжила.

- Ты должен понять. Джули, эм, она была маленькой. Она едва помнит отца. Но Натали... Она так и не смогла его забыть. Не смогла отпустить его.

Её рука снова вспорхнула к лицу. На её лице появилось отсутствующее выражение. Я ждал продолжения, но было очевидно, что Сильвия Эйвери не будет рассказывать дальше.

Я попытался стоять на своём.

- Где сейчас профессор Клейнер?
- В Калифорнии.
- Где именно в Калифорнии?
- Не знаю.
- Лос-Анжелес? Сан-Франциско? Сан-Диего? Это большой штат.
- Я же сказала, я не знаю. Мы не общаемся.
- Так, откуда тогда вы знаете, что он в Калифорнии?

Пауза. Я заметил, что по её лицу пронеслась тень.

- Я не знаю. Он мог переехать.

Ложь.

- Вы сказали своим дочерям, что он снова женился.
- Правильно.

- Откуда вы знаете?
- Аарон позвонил и рассказал мне.
- Я думал, что вы не общаетесь.
- Не общаемся уже очень долгое время.
- Как зовут его жену?

Она покачала головой.

- Не знаю. И не сказала бы тебе, даже если бы знала.
- Почему? Не сказать дочерям, понятно. Вы защищаете их. Но почему вы не сказали бы мне?

Её глаза метались из стороны в сторону. Я решил блефовать.

- Я посмотрел брачные записи. Вы ведь так и не развелись.

Сильвия Эйвери издала тихий стон. Улей никаким образом не могла услышать его, но, тем не менее, её уши навострились, как у собаки, которая услышала звук, который больше никто не слышит. Я снова улыбнулся Улею той же улыбкой "всё хорошо".

- Так как же ваш муж мог снова жениться, если вы никогда не разводились?
  - Это у него нужно спросить.
  - Что случилось тогда, мисс Эйвери?

Она покачала головой.

- Оставьте это в покое.
- Он ведь не сбежал со студенткой, так?
- Не так, он сбежал, сказала она. Теперь настала её очередь стоять на своём. Но у неё не получилось. Её слова были слишком нарочитыми, имели оборонительный оттенок. Да, Аарон сбежал и бросил меня.
  - Колледж Лэнфорда невелик, вы ведь знаете это, так?
  - Конечно же, я знаю. Я прожила так семь лет. И что с того?
- То, что студентка сбежала с профессором, стало бы новостью года. Начались бы звонки от родителей. Совещания персонала. И так далее. Я просмотрел записи. Не было никакой шумихи, когда исчез ваш муж. Ни одна студентка не бросила учёбу. Ни одна студентка не числится пропавшей без вести.

Это снова был блеф, но вполне неплохой блеф. В таких маленьких колледжах, как Лэнфорд, секреты сложно сохранить. Если бы студентка сбежала с профессором, то все, особенно миссис Динсмор, знали бы её имя.

- Может быть, она была из Стриклэнда. Это государственный колледж неподалёку. Думаю, она училась там.
  - Произошло нечто абсолютно другое, сказал я.

- Пожалуйста, сказала мисс Эйвери. Чего ты пытаешься добиться?
- Ваш муж исчез. И теперь, двадцать пять лет спустя, исчезла ваша дочь.

Я завладел её вниманием.

- Что? она слишком сильно тряхнула головой, тем самым напомнив упрямого ребёнка. Я же сказала. Натали живёт заграницей.
- Нет, мисс Эйвери. Не живёт. Она никогда не была замужем за Тоддом. Это была уловка. Тодд к тому времени уже был женат. Кто-то убил его чуть больше недели назад.

Это было словно гром среди ясного неба. Голова Сильвии Эйвери свесилась сначала набок, а потом вниз, как будто она превратилась в резину. Позади неё Улей подняла телефонную трубку. Она, не отрывая от меня глаз, начала говорить что-то по телефону. Деревянная улыбка исчезла.

- Натали была такой жизнерадостной девочкой, она сидела, попрежнему опустив голову, положив подбородок на грудь. - Ты даже не можешь себе представить, или можешь. Ты любил её. Ты видел её настоящую, но это уже было позже. Уже после того, как всё пришло в норму.
  - Пришло в норму?
- Видишь ли, когда Натали была маленькой, Боже мой, да, эта девочка жила ради своего отца. Он открывал дверь, когда приходил домой после занятий, и она тут же неслась к нему, вопя от радости. Наконец, Сильвия Эйвери подняла голову. На её лице застыла отстранённая улыбка, сейчас её глаза видели давние воспоминания. Аарон поднимал её и кружил, и как она смеялась...

Она покачала головой.

- Мы были так безумно счастливы.
- И что случилось, мисс Эйвери?
- Он сбежал.
- Почему?

Она покачала головой.

- Не имеет значения.
- Конечно, имеет.
- Бедная Натали. Она просто не могла отпустить его и теперь...
- Что теперь?
- Ты не понимаешь. И никогда не поймёшь.
- Так объясните тогда.
- Зачем? Кто ты, чёрт возьми?
- Я мужчина, который любит её. Я мужчина, которого любит она.

Она не знала, как на это реагировать. Она по-прежнему смотрела на пол, как будто у неё не было сил даже, чтобы поднять взгляд.

- Когда Аарон сбежал, Натали изменилась. Она выросла такой угрюмой. Я потеряла свою маленькую девочку. Как будто Аарон забрал её счастье и жизнелюбие с собой. Она не могла смириться с тем, что его нет. Почему он бросил её? Что она сделала не так? Почему он больше её не любит?
- Я представил мою Натали ребёнком, который чувствует себя потерянным и брошенным своим собственным отцом. И ощутил боль в груди.
- У неё долгое время были проблемы с доверием. Ты даже себе не представляешь. Она отталкивала всех, и всё же она никогда не оставляла надежды. Она посмотрела на меня. Ты знаешь что-нибудь о надежде, Джейк?
  - Думаю, да.
- Это самая жестокая вещь в мире. Лучше смерть. Когда ты умираешь, боль уходит. Но надежда возносит тебя высоко, чтобы с силой опустить на землю. Надежда убаюкивает твоё сердце в руках, а потом сминает в кулаке. Снова и снова. И это никогда не заканчивается. Такова надежда.

Она положила руки на колени и тяжело посмотрела на меня.

- Как ты видишь, я пыталась убить надежду.

Я кивнул.

- Вы пытались заставить Натали забыть об её отце.
- Да.
- Говоря, что он сбежал и бросил всех вас?

На её глазах навернулись слёзы.

- Я думала, что так будет лучше. Разве, ты не понимаешь? Я думала, что Натали забудет его.
- Вы сказали Натали, что её отец женился снова. Что у него появились другие дети. Но это всё ложь, так?

Сильвия Эйвери не ответила. Выражение её лица становилось всё жёстче.

- Мисс Эйвери?

Она подняла глаза и посмотрела на меня.

- Оставь меня в покое.
- Мне нужно знать...
- Мне всё равно, что тебе нужно. Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

Она начала откатываться назад. Я схватил подлокотник её кресла.

Кресло внезапно остановилось. Одеяло с её коленей упало на пол. Когда я взглянул вниз, рука сама отпустила кресло. Пол правой ноги было ампутировано. Она натянула одеяло медленнее, чем могла. Она хотела, чтобы я увидел.

- Диабет, сказала она мне. Я потеряла её три года назад.
- Сочувствую.
- Поверь мне, это ерунда.

Я снова протянул руку, но она ударила по ней.

- Прощай, Джейк. Оставь мою семью в покое.

Она снова начала откатываться назад. Теперь у меня точно не осталось выбора. Придётся бросить бомбу.

- Вы помните студента по имени Арчер Майнор?

Кресло остановилось. Её губы превратились в ниточку.

- Арчер Майнор посещал занятия вашего мужа в Лэнфорде. Вы помните eго?
- Откуда...? губы её двигались, но не произносили слов. Но потом она совладала с собой.
- Пожалуйста, если раньше её голос был испуганный, то сейчас в нём слышался абсолютный ужас. Пожалуйста, оставь меня в покое.
  - Арчер Майнор мёртв. Его убили.
- Скатертью дорога, сказала она и плотно сжала губы, как будто сожалела о случайно вырвавшихся словах.
  - Пожалуйста, расскажите, что случилось.
  - Отпусти это дело.
  - Не могу.
- Я не понимаю, какое это имеет отношение к тебе. Это не твоё дело, она покачала головой. А в этом есть смысл.
  - В чём?
  - В том, что Натали влюбилась в тебя.
  - Почему?
- Ты мечтатель, как её отец. Он тоже не мог отпускать события и людей. Некоторые люди просто не умеют этого делать. Я уже старая. Поэтому послушай меня. Этот мир грязный, Джейк. Некоторые люди хотят, чтобы он был лишь чёрным и белым. Такие люди всегда платят за это. Мой муж был одним из них. Он не мог смириться с некоторыми вещами. И ты, Джейк, идёшь по тому же пути.

Я услышал отдалённые отголоски её прошлого, как и от Малкольма Юма, Эбана Трейнора и даже Бенедикта. Я подумал о событиях, которые недавно случились со мной, о том, что такое ударить и даже убить

человека.

- Что произошло с Арчером Майнором? спросил я.
- Ты не успокоишься, ты будешь продолжать копать, пока все не умрут.
- Это останется между нами и не покинет эту комнату. Просто расскажите мне.
  - А если я откажусь?
  - Я продолжу копать. Что случилось с Арчером Майнором?

Она снова отвела взгляд, теребя пальцами губами, словно в глубокой задумчивости. Я выпрямился, пытаясь встретиться с ней глазами.

- Знаешь, как говорят, яблоко от яблони?
- Да.
- Этот парень пытался. Арчер Майнор хотел упасть и откатиться подальше. Он хотел быть хорошим. Он хотел сбежать от того, кем он был. Аарон понимал. Он пытался помочь ему.

Она неторопливо поправила одеяло на коленях.

- Так что случилось? спросил я.
- Арчер был беспомощен в Лэнфорде. В старшей школе его отец давил на учителей. И они ставили ему отличные оценки. Не знаю, на самом деле ли он получил такой высокий бал за тест. Не знаю, как он сдал экзамены, но академически этот мальчик был беспомощен.

Она снова остановилась.

- Пожалуйста, продолжайте.
- Нет смысла, сказала она.

И тут я вспомнил, что миссис Динсмор сказала мне, когда я в первый раз спросила о профессоре Аароне Клейнере.

- Случился скандал, связанный с обманом, так?

Язык её тела сказал, что я попал в цель.

- Он был связан с Арчером Майнором? - спросил я.

Она не ответила. Да и не нужно было.

- Мисс Эйвери?
- Он купил курсовую работу у студента, который выпустился в прошлом году. Тот студент получил за неё отличную оценку. Арчер просто перепечатал её и выдал за свою. Не изменив ни слова. Он думал, что невозможно, чтобы Аарон помнил. Но Аарон помнил всё.

Я знал правила колледжа. Такого рода обман означало автоматическое изгнание из Лэнфорда.

- Ваш муж доложил об этом случае?
- Я говорила ему не делать этого. Я просила дать ему второй шанс. На самом деле меня не волновал этот второй шанс. Я просто знала.

- Вы знали, что его семья расстроится.
- Но Аарон всё равно доложил.
- Кому?
- Декану факультета.

Моё сердце ёкнуло.

- Малкольму Юму?
- Да.

Я откинулся назад.

- Что сказал Малкольм?
- Он хотел, чтобы Аарон оставил это дело. Он сказал ему пойти домой и обдумать ситуацию.

Я мысленно вернулся к делу Эбана Трейнора. Он сказал мне нечто подобное, так ведь? Малкольм Юм. Невозможно стать госсекретарём, не идя на компромиссы, не заключая сделок и не проводя переговоров, и не понимая, что мир по самые уши погружён в серое.

- Я очень устала, Джейк.
- Я кое-чего не понимаю.
- Забудь.
- Об обмане Арчера Майнора нет записей. Он закончил колледж с отличием.
- Нам начали звонить с угрозами. Какой-то мужчина нанёс нам визит. Он пришёл в дом, когда я была в душе. Когда я вышла, он просто сидел на кровати и держал в руке фотографии Натали и Джули. Он ничего не говорил, а просто сидел и держал в руке фотографии. Потом встал и ушёл. Ты хоть можешь представить, каково это было?

Я вспомнил Дэнни Цукера, который вломился ко мне домой и так же сидел на моей собственной кровати.

- Вы рассказали мужу об этом?
- Конечно.
- И?

Она помедлила.

- Думаю, на этот раз он осознал опасность. Но было уже поздно.
- И что он сделал?
- Аарон ушёл. Для нашего же блага.

Я кивнул, теперь всё поняв.

- Но вы не могли рассказать об этом Натали. Вообще никому не могли рассказать. В таком случае вы бы подвергли их опасности. Поэтому вы сказали, что он сбежал. А потом переехали и изменили имя.
  - Да, сказала она.

Но было что-то, что я упустил. Подозреваю, многое. Не было чего-то, чтобы вся картина смогла сложиться, это что-то обреталось на задворках моего мозга, но пока я не мог этого увидеть. Например, как Натали вышла на Арчера Майнора двадцать лет спустя?

- Натали думала, что отец бросил её, - сказал я.

Она лишь закрыла глаза.

- Но, вы говорили, всё равно не смогла его отпустить.
- Она не прекращала давить на меня. Она была такой грустной. Мне не следовало ей рассказывать. Но какой у меня был выбор? Всё это я делала с целью защитить моих девочек. Ты не понимаешь. Ты не понимаешь. что порой приходится делать матерям. Я должна была защитить своих девочек, понимаешь?
  - Понимаю.
  - И посмотри, что случилось. Посмотри, что я наделала.

Она приложила руку к лицу и начала всхлипывать. Старушка с ходунками и в рваном халате перестала разговаривать со стеной. У Улея был такой вид, как будто она вот-вот собирается вмешаться.

- Мне нужно было выдумать какую-нибудь другую историю. Натали бы в любом случае продолжала давить на меня, требуя узнать, что случилось с её отцом. Она бы всё равно никогда не остановилась.

Теперь я понял.

- И вы, наконец, рассказали ей правду.
- И это разрушило её жизнь, разве ты не понимаешь? Она выросла, думая, что отец бросил её. Ей нужно было получить удовлетворение, ей нужно было знать, чем закончилась история, что произошло. Но я не могла ей этого дать. Посему, да, я, наконец, рассказала ей правду. Я рассказала, что отец любил её, что она не делала ничего плохого, что он никогда бы её не бросил.

Я кивал, пока она говорила.

- И вы рассказали ей об Арчере Майноре. Вот, поэтому она и оказалась там в тот день.

Она ничего не сказала. А лишь продолжала всхлипывать. Улей не смогла больше терпеть, поэтому подхватилась и пошла к нам.

- Где сейчас ваш муж, мисс Эйвери?
- Не знаю.
- А Натали? Где она?
- Тоже не знаю. Но, Джейк?

Улей уже была рядом с ней.

- Думаю, достаточно.

- Я проигнорировал её. Что, мисс Эйвери? Забудь обо всём. Для нашего же блага. Не будь, как мой муж.

Глава 31

Я включил свой телефон, когда добрался до шоссе. Я уже не думал, что его кто-нибудь отслеживает, но если и так, то они обнаружат меня на трассе 287 неподалёку от Палисейдс Молла. Не думаю, что это сильно им поможет. Я съехал с дороги на правую обочину. Обнаружилось два сообщения и три звонка от Шанты. Каждый следующий настойчивее, чем предыдущий. Итого, пять выходов на связь от Шанты. В первых двух сообщениях, она вежливо просила связаться с ней. В следующих двух сообщениях её просьбы стали более требовательными. И наконец, она закинула наживку:

Кому: Джейкобу Фишеру

От кого: Шанты Ньюлин

Джейк, хватит игнорировать меня. Я нашла важную связь между Натали Эйвери и Тоддом Сандерсоном.

Шанта.

Вау. Я взглянул на мост через реку Гудзон, остановился на первом же съезде, выключил телефон, взял одноразовый и набрал номер Шанты. Она ответила на втором гудке.

- Я поняла, сказала она. Ты злишься на меня.
- Ты дала нью-йоркской полиции номер одноразового телефона. Из-за тебя меня выследили.
- Виновата, но это было сделано для твоей ж пользы. Тебя могли подстрелить или повязать за сопротивление при аресте.
- Но я не сопротивлялся при аресте. Я бежал от сумасшедших, которые пытались меня убить.
- Я знаю Малхолланда. Он хороший парень. Я не хотела, чтобы какаянибудь сорви голова тебя подстрелила.
  - За что? Меня едва можно назвать подозреваемым.
- Не важно, Джейк. Ты не обязан мне доверять. Это ничего. Но нам нужно поговорить.

Я загнал машину на парковку и заглушил мотор.

- Ты говорила, что нашла связь между Натали Эйвери и Тоддом Сандерсоном.
  - Ага.
  - И что за связь?
  - Где и когда мы можем поговорить? Сглазу на глаз.

Я задумался.

- Слушай, Джейк, ФБР хотело устроить тебе полноценный допрос. Я сказала им, что я справлюсь лучше.
  - ФБР?
  - Ага.
  - Чего они хотят от меня?
  - Просто приходи, Джейк. Всё будет в порядке, поверь мне.
  - Угу, конечно.
- Ты можешь поговорить со мной или ФБР, вздохнула Шанта. Послушай, если я расскажу тебе, в чём дело, ты обещаешь, что придёшь и поговоришь со мной?

Я задумался.

- Да.
- Обещаешь?
- Зуб даю. Так в чём дело?
- Дело в банковских ограбления, Джейк.

* * *

В новых условиях неподчинения законам и жизни на грани я нарушил кучу правил режима скоростей на обратном пути в Лэнфорд. Я пытался разобраться в том, что узнал, выдвигал теории и предположения, отвергал их и пытался снова. С одной стороны всё укладывалось в общую картину, с другой - были кусочки, которые вписывались с трудом.

Я до сих пор не знал многого, в том числе и самое главное: Где Натали?

Двадцать пять лет назад профессор Аарон Клейнер пошёл к декану факультета, профессору Малкольму Юму, потому что поймал студента на плагиате (хотя это была на самом деле покупка) курсовой работы. Мой старый наставник недвусмысленно попросил его не лезть в это дело, как просил и меня не лезть в дело профессора Эбана Трейнора.

Я задавался вопросом, сам Арчер Майнор угрожал семье Аарона Клейнера или это был кто-то из ММ? Хотя неважно. Они до того запугали Клейнера, что он понял, что должен исчезнуть. Я попытался поставить себя на его место. Скорее всего, Клейнер был напуган, загнанным в угол, в ловушку.

К кому он мог обратиться за помощью?

Первая мысль: к Малкольму Юму.

И несколькими годами позже, когда дочь Клейнера оказалась в такой же ситуации, напуганная, загнанная в угол, в ловушке...

Рука моего наставника была везде. Мне нужно поговорить с ним. Я набрал номер Малкольма во Флориде и снова не получил ответа.

Шанта Ньюлин жила в кирпичном доме, который бы моя мама описала, как вычурный. Везде были ящики со свисающими цветами и арочные окна. Всё было идеально симметричным. По каменной дорожке я дошёл до дома и позвонил. Я был удивлён, когда увидел, как к двери подходит маленькая девочка.

- Кто ты? спросила маленькая девочка.
- Я Джейк. А ты кто?

Ребёнку было пять, может быть, шесть лет. Она уже собиралась ответить, когда Шанта поспешила ко мне с затравленным взглядом. Её волосы были убраны назад, но пряди падали на глаза. Капельки пота проступали на лбу.

- Маккензи, я приму гостя, сказала Шанта маленькой девочке. Что я тебе говорила по поводу того, чтобы нельзя открывать дверь без взрослых?
  - Ничего.
- Эм, да, думаю, ты права, Шанта прочистила горло. Ты ни за что не должна открывать дверь, когда рядом нет взрослых.

Девочка показала на меня.

- Он взрослый. И он рядом.

Шанта посмотрел на меня раздражённым взглядом. Я пожал плечами. В заявлении ребёнка есть смысл. Шанта пригласила меня войти и сказала Маккензи пойти поиграть в кабинете.

- А можно пойти на улицу? - спросила Маккензи. - Я хочу покататься на качелях.

Шанта посмотрела на меня. Я снова пожал плечами.

- Конечно, мы все можем пойти на улицу, - сказала Шанта с улыбкой настолько принуждённой, что я уже начал волноваться.

Я по-прежнему не знал, кто такая Маккензи, и что она делает здесь, но у меня были заботы поважнее. Мы отправились во двор. Там стояла новенькая игровая площадка из кедра, в комплект входили лошадки, горки, крепость и песочница. Насколько мне было известно, Шанта жила одна, посему устройство такой площадки вызывало любопытство. Маккензи запрыгнула на лошадку.

- Дочь моего жениха, объяснила Шанта.
- A.
- Мы собираемся пожениться осенью. Он переедет сюда.
- Миленько.

Мы с удовольствием наблюдали за катающейся на лошадке Маккензи.

Она посмотрела на Шанту презрительным взглядом.

- Этот ребёнок ненавидит меня, сказала Шанта.
- Разве ты не читала в детстве сказки? Ты злая мачеха.
- Спасибо, утешил, Шанта посмотрела на меня. Вау, ты выглядишь ужасно.
  - В этом месте мне следует сказать "Ты бы видела другого парня"?
  - Что ты с собой делаешь, Джейк?
  - Я ищу человека, которого люблю.
  - А она хоть хочет быть найденной?
  - Сердце не задаёт вопросов.
  - Это пенис не задаёт вопросов. А сердце обычно немного умнее.
  - "Справедливо", подумал я.
  - Так, что насчёт ограбления банка?

Она заслонила глаза от солнца.

- Не терпится, да?
- Я не в настроении для игр, вот это точно.
- Честно. Помнишь, ты просил узнать информацию о Натали Эйвери?
- Да.
- Я прогнала её имя через систему и получила два совпадения. Одно из них было связано с Нью-йоркской полицией. Она была для них очень важна. Я приняла присягу не разглашать секретную информацию. Ты мой друг. Я хочу доверять тебе. Но я также сотрудник правоохранительных органов. И не имею права рассказывать друзьям о текущих расследованиях. Ты понимаешь, так ведь?

Я слегка кивнул, но она не обратила на мой поощрительный знак внимания и продолжила говорить:

- Тогда я едва заметила другое упоминание. В нём не были заинтересованы в том, чтобы найти её или даже поговорить с ней. Это было случайное упоминание.
  - И в чём оно заключалось?
- Я доберусь до этого. Просто дай мне рассказать всё по порядку, хорошо?

Я ещё раз кивнул. Сначала пожимал плечами, теперь киваю.

- Я собираюсь продемонстрировать тебе добросовестные намерения. Это вовсе необязательно, но я разговаривала с Нью-йоркской полицией, и они дали мне разрешение. Ты должен понять, что в данном случае я не нарушаю никаких правовых обязательств.
  - Лишь дружеские обязательства.
  - Удар ниже пояса.

- Ага, знаю.
- Нечестно. Я пытаюсь помочь тебе.
- Хорошо, извини. Так что там с Нью-йоркской полицией?

Она потомила меня ещё секунду-две.

- Нью-йоркская полиция думает, что Натали Эйвери была свидетельницей убийства, что она видела убийцу и, возможно, сможет его опознать. Так же полиция Нью-Йорка предполагает, что убийцей является главарь одной из преступных группировок. Вкратце, твоя Натали может способствовать поимке очень большой шишки в Нью-Йорке.

Я ждал, что она продолжит, но она больше ничего не сказала.

- Что ещё? спросил я.
- Это всё, что я могу рассказать тебе.

Я покачал головой.

- Должно быть, ты думаешь, что я идиот.
- Что?
- Нью-йоркская полиция меня допрашивала. Они показали мне фотографию с камеры наблюдения и сказали, что им нужно поговорить с ней. Я уже всё это знаю. А если быть более конкретным, то ты знала, что я уже знаю всё это. Добросовестные намерения. Да брось ты! Ты надеялась заполучить моё доверие, рассказав то, что я уже и так знаю.
  - Неправда.
  - Кто жертва?
  - Я не...
- Арчер Майнор, сын Маквелла Майнора. Полиция считает, что Максвелл убил своего собственного ребёнка.

Она была ошеломлена.

- Откуда ты это знаешь?
- Было несложно выяснить. Скажи мне вот что.

Шанта отрицательно покачала головой.

- Не могу.
- Ты по-прежнему демонстрируешь мне добрую волю? Полиция Нью-Йорка знает, почему Натали была там в ту ночь? Просто скажи мне да или нет.

Её глаза переместились на детскую площадку. Маккензи слезла с лошадки и направилась к горке.

- Они не знают.
- Вообще без понятия?
- Полиция Нью-Йорка просмотрела записи с камер безопасности в Лок-Хорне. Там была система слежения, оборудованная по последнему

слову техники. На первом же видео они обнаружили твою девушку, бегущую по коридору на двадцать втором этаже.

- А видеозаписи убийцы?
- Я тебе ничего больше не могу сказать.
- Я бы сказал "не могу или не хочу", но это такое стародревнее клише.

Она нахмурилась. Я подумал, что это из-за того, что я сказал, но потом увидел, что не из-за этого. Маккензи стояла наверху горки.

- Маккензи, это опасно.
- Я делаю так всё время, возразила девочка.
- Мне всё равно, что ты делаешь всё время. Пожалуйста, катайся сидя. Она села. Но не стала скатываться.
- А что насчёт банковского ограбления? спросил я.

Шанта покачала головой, и это действие не относилось к тому, что я сказала, оно относилось к упрямой девочке на верху горки.

- Ты знаешь что-нибудь о ряде ограблений банков в Нью-Йорке?
- Я вспомнил статью, которую прочитал.
- В банки проникали ночью, когда они были закрыты. Пресса назвала грабителей Невидимками или как-то в этом духе.
  - Точно.
  - И какое к этому имеет отношение Натали?
- Её имя всплыло в связи с ограблениями, конкретно одним из них на Канал-стрит в центре Манхеттена две недели назад. Этот банк считался более безопасным, чем Форт-Нокс. Воры украли двенадцать тысяч наличными и вскрыли четыреста банковских ячеек.
  - Двенадцать тысяч это немного.
- Немного. Несмотря на то, что ты видишь в фильмах, в банковском хранилище не хранятся миллионы долларов. Но с банковскими ячейками может повезти больше. Именно их эти ребята и очистили. Когда моя бабушка умерла, моя мама положила её кольцо с бриллиантом в четыре карата в банковскую ячейку, чтобы однажды отдать его мне. Только одно это кольцо стоит сорок тысяч. Кто знает, что там ещё могло быть? Страховое требование одного из ранних ограблений составляет 3,7 миллиона долларов. Конечно же, люди врут. У всех вдруг в банковских ячейках оказались дорогостоящие семейные реликвии. Но ты понимаешь, о чём я.

Я понимал. Но меня это мало заботило.

- И имя Натали всплыло в связи с ограблением на Канал-стрит.
- Да.
- Каким образом?

- Связь очень тонкая, Шанта большим и указательным пальцем показала насколько тонкая. Почти незначительная. Само по себе это ерунда.
  - Но не для тебя.
  - Теперь не для меня, да.
  - Почему?
  - Потому вокруг твоей настоящей любви сплошная бессмыслица.

С этим не поспоришь.

- Ну и как тебе это нравится? спросила она.
- Нравится что? Я не знаю, что здесь сказать. Я даже не знаю, где Натали, и ещё меньшее представление имею, как она связана с банковским ограблением.
- Это только моё мнение. Я не думала, что это имеет значение, пока я не начала искать другое имя, которое ты упомянул. Тодд Сандерсон.
  - Я не просил тебя узнавать про него.
- Ага, но я это сделала. И получила два упоминания. Естественно, основное заключалось в том, что он был убит неделю назад.
  - Подожди, Тодд тоже связан с этим ограблением?
  - Да. Ты читал Оскара Уальда?

Я скорчил гримасу.

- Да.
- У него есть потрясающая фраза: "Потерю одного из родителей ещё можно рассматривать как несчастье, но потерять обоих похоже на небрежность".
- Из "Как важно быть серьёзным", сказал я, потому что я учёный, и ничего не могу с собой поделать.
- Точно. Имя одного человека, о котором ты спрашивал, всплывает в связи с банковским ограблением? Ничего интересного. Но два? Это уже не случайность.
- "И, подумал я. Неделю или около того после ограбления Тодд Сандерсон был убит.
  - Так связь Тодда с ограблением тоже очень-очень тонкая?
  - Нет. Я бы сказала, она просто тонкая.
  - И в чём она заключается?
  - Маккензи!

Я повернулся на крик и увидел женщину, которая выглядела на мой вкус слишком похоже на Шанту Ньюлин. Тот же рост, сравнительно тот же вес, та же причёска. У женщины были широко открыты глаза, словно самолёт внезапно упал на задний двор. Я проследил за её взглядом.

Маккензи снова стояла на горке.

Шанта омертвела.

- Извини, Кэндис. Я ей говорила сесть.
- Говорила ей? недоверчиво повторила Кэндис.
- Извини. Я следила за ней. Я просто заговорилась с другом.
- И это что оправдание?

Маккензи с улыбкой, которая говорила "Здесь я закончила", села, скатилась с горки и подбежала к Кэндис.

- Привет, мамочка.

Мамочка. Не удивительно.

- Давайте я вас провожу, старалась Шанта.
- Мы уже и так на улице, сказала Кэндис. Мы сами в состоянии обойти дом.
- Подождите, Маккензи нарисовала милейшую картинку. Она в доме. Полагаю, она хочет забрать её.

Кэндис и Маккензи уже уходили.

- У меня сотни картин дочери, - ответила Кэндис. - Оставь себе.

Шанта смотрела им в след. Её обычная военная осанка исчезла.

- Какого чёрта я делаю, Джейк?
- Пытаешься, ответил я. Живёшь.

Она покачала головой.

- У меня никогда не получится.
- Ты его любишь?
- Да.
- Значит, получится. Просто будет немного сумбурно.
- Где ты набрался мудрости?
- Я закончил колледж Лэнфорда и смотрел много дневных ток-шоу.

Шанта повернулась и посмотрела на детскую площадку.

- У Тодда Сандерсона была банковская ячейка в банке на Канал-стрит. Он был одной из жертв ограбления. И всё. С первого взгляда, это кажется малозначительным обстоятельством.
  - Но неделю спустя его убили.
  - Да.
- Подожди, ФБР думает, что он имеет какое-то отношение к ограблениям?
  - Я не в курсе хода расследования.
  - Ho?
- Я не видела связи между банковским ограблением на Манхеттене и его убийством в Пальметто Блафф.

- А теперь?
- Эм, твоя Натали тоже связана с этим делом.
- Очень-очень тонкой связью.
- Да.
- Насколько тонкой?
- После такого рода ограблений ФБР проводит полную инвентаризацию всего. То есть, абсолютно всего. Поскольку, когда вскрыли банковские ячейки, обнаружилось, что в них хранятся многие важные документы. Акции и облигации, доверенности, договоры покупки домов и всё прочее. Конечно же, многие из них валялись на полу. Зачем бы вору понадобились документы? Поэтому ФБР просмотрело их и внесло в каталог. Например, один парень держал в ячейке договор купли-продажи на машину своего брата. Так имя брата попало в список.

Я пытался не отставать от того, что она говорит.

- Я правильно понимаю, имя Натали было на одном из документов из банковских ячеек.
  - Да.
  - Но у неё не было собственной ячейки?
  - Нет. Но обнаружилось, что ячейка принадлежит Тодду Сандерсону.
  - И что это было? Что за документ?

Шанта повернулась и посмотрела на меня.

- Её последняя воля и завещание.

Глава 32

ФБР по словам Шанты хотело узнать, что мне известно. Я сказал ей правду: я не знаю ничего. Я спросил Шанту, что говорится в завещании и последней воле. Всё оказалась предельно просто. Все её активы должны быть поровну разделены между её матерью и сестрой. Она так же просила кремировать её, и что интересно, развеять её пепел над лесом, на который выходит двор Лэнфорда.

Я задумался о том, где было найдено завещание. Ответ ещё не пришёл ко мне, но я чувствовал, что он витает в воздухе.

Когда я собрался уходить, Шанта спросила:

- Ты уверен, что тебе ничего не пришло в голову?
- Уверен.

А теперь я подумал, что, возможно, и пришло. Просто я не хотел делиться с Шантой или ФБР. Я доверял ей так, как доверяют человеку, который открыто сказал, что он, прежде всего, сотрудник правоохранительных органов. Например, если бы я рассказал ей о "Новом начале", то это привело бы к катастрофе. Но главное, и ключевое, Натали не доверяла сотрудникам правоохранительных органов.

Почему?

Раньше я об этом не задумывался. Если бы Натали доверяла полицейским, то дала бы показания и попала бы в программу защиты свидетелей или что-то в этом духе. Но она не доверяла. Почему? Что она знает такого, что не стала так поступать? А если она не доверяла полицейским, с чего я должен?

Я снова вытащил телефон и набрал номер Малкольма Юма. И опять без ответа. Хватит. Я поспешил в Кларк Хаус. Миссис Динсмор сидела за своим столом. Она посмотрела на меня поверх очков для чтения в форме полумесяца.

- Вы не должны быть здесь.

Я не стал защищаться или выдумывать умные реплики, а просто сказал ей, что пытаюсь дозвониться до Малкольма Юма.

- Он не в Веро Бич.
- Вы знаете, где он?
- Знаю.
- А не скажите мне?

Она неторопливо перебрала бумаги и поправила сдвинувшуюся

скрепку.

- Он в хижине на озере Кане.

Однажды много лет назад Малкольм пригласил меня на рыбалку, но я не поехал. Поскольку ненавижу рыбалку. Я не понимаю её, но с другой стороны я никогда не был приверженцем простого, в стиле Дзен времяпрепровождения. Мне всегда было сложно отключиться. Я скорее буду читать, чем просто расслабляться. Я предпочитаю нагружать мозг работой. Но я знал, что эти владения принадлежат семье миссис Юм несколько поколений. Он любил шутить, что ему нравится чувствовать себя там незваным гостем, потому что так лучше отдыхается.

Или становится идеальным местом, чтобы спрятаться.

- Не знал, что он до сих пор владеет этим местом.
- Он выбирается туда пару раз в год. И наслаждается уединением.
- Не знал.
- Он никому не говорил.
- Но он сказал вам.
- Ну, сказал миссис Динсмор, как будто это была самая очевидная вещь на свете. Он не хочет быть там в компании с кем-либо. Ему нужно было побыть одному, чтобы писать и рыбачить в тишине и покое.
- Aга. И убежать от беспокойной, активной жизни закрытого общества Веро-Бич.
  - Смешно.
  - Спасибо.
- Вы находитесь в оплачиваемом отпуске. Следовательно, вам, эм, нужно уйти.
  - Миссис Динсмор?

Она посмотрела на меня.

- Вы же помните всё, что я вам рассказывал в последнее время?
- Об убитых студентах и пропавших профессорах?
- Да.
- И что?
- Мне нужно, чтобы вы дали мне адрес домика на озере. Мне нужно поговорить с профессором Юмом с глазу на глаз.

Глава 33

Жизнь человека, преподающего в колледже, особенно, если он живёт на маленьком кампусе, очень насыщенная. Вы пребываете в ирреальном мире, так называемого, высшего образования. И вам здесь комфортно. И причин покинуть этот обитель крайне мало. У меня есть машина, но езжу на ней я, наверное, не больше одного раза в неделю. Я хожу пешком на все занятия и в центр городка Лэнфорд, чтобы прошвырнуться по любимым магазинам, любимым местам, зайти в кино, рестораны, или что там у вас ещё. Ещё я занимался в самом современном тренажёрном зале, который располагался в колледже. Это изолированный мир, не только для студентов, но и для тех, кто выбрал такие места для жизни.

И вы полюбите жить в снежном шаре академической либеральности и искусства.

Безусловно, это меняет ваш мозг, но, в самом деле, за неделю с небольшим с тех пор, как увидел некролог Тодда Сандерсона, я путешествовал больше, чем за все прошедшие шесть лет, вместе взятые. Может быть, это и преувеличение, но небольшое. Потасовки в сочетании с часами, проведёнными в автомобиле и самолётах, иссушили мою энергию. Я, конечно, смог сделать нереальное с помощью адреналина, но этот ресурс, как выяснилось, конечен.

Я свернулся с трассы 202 и продолжил путь через сельскую местность вдоль границы между Массачусетсом и Нью-Хэмпширом. Спина уже начала затекать. Я остановился у стенда с хот-догами Ли, чтобы немного размяться. Реклама говорила, что у них есть сандвичи с пикшей. Я взял хот-дог, жареный во фритюре картофель с сыром и Кока-колу. Всё было очень вкусным, и на какое-то мгновение, поскольку мне предстояло отправиться в эту уединённую хижину на озере, я подумал об этой еде, как о последней. Я ел жадно, купил и поглотил ещё один хот-дог, а потом вернулся в машину. Я почувствовал себя странно обновлённым.

Я проехал мимо леса Оттер. Осталось около десяти минут до дома Малкольма Юма. У меня не было номера его мобильного телефона, я даже не уверен, что он у него есть, но в любом случае я не стал бы звонить. Я просто хотел заявиться без предупреждения и посмотреть, что к чему. Я не хотел давать профессору Юму время подготовиться. Я хотел получить ответы и подозревал, что они есть у моего старого наставника. На самом деле мне не нужно было знать всё. Я и так уже знал. Мне просто нужно

было удостовериться, что Натали в безопасности, что она понимает, что очень плохие ребята идут по её пятам, и если возможно, я бы хотел понять, могу ли я сбежать и быть вместе с ней. Да, я слышал о правилах и клятвах "Нового начала", но сердце не знает правил и клятв.

Должен быть какой-нибудь способ.

Я чуть не пропустил маленький знак Аттал Драйв. Я повернул налево на грунтовую дорогу и начал взбираться в гору. Я добрался до вершины и увидел, что внизу раскинулось озеро, похожее на зеркало. Люди говорят о таких местах "нетронутое", но для меня это слово приобрело новый смысл чистоты и невинности, когда я увидел воду. Я остановил машину и вышел из неё. Воздух был настолько свежим, что даже один вдох очищал лёгкие. Тишина и спокойствие были почти опустошающими. Я знал, если закричать, то мой крик отзовётся эхом, и будет повторяться и повторяться, и никогда полностью не рассеется. Крик будет жить в этих лесах, становясь всё тиши и тише, но он никогда не умрёт, напротив, он присоединится к другим звукам прошлого, и они сольются в низкий гул, что можно услышать на свежем воздухе.

Я посмотрел вниз, ожидая увидеть домик у озера. Но его там не было. Зато обнаружилось два причала, у которых было привязано два каноэ. И больше ничего. Я вернулся в машину и поехал налево. Грунтовая дорога в этом месте была не очень хорошей. Машина подскакивала на кочках и ударялась о камни. Я уже порадовался, что взял страховку, когда арендовал машину, вообще, странно думать о таких вещах в такое время, но мозг идёт по проторенной дорожке. Я вспомнил, что у профессора Юма был пикап четыре-на-четыре, не совсем в стиле академиков. Но теперь я понял почему.

Впереди я увидел два пикапа, припаркованных рядом друг с другом. Я остановил свою машину возле них и выбрался наружу. Я не мог не заметить в грязи следы от нескольких машин. Либо Малкольм ездил тудасюда, либо у него была компания.

Я не знал, что это значит.

Я посмотрел на холм и увидел маленький домик с тёмными окнами, и ощутил, что на глазах начинают наворачиваться слёзы.

Сейчас не было мягкого утреннего свечения. Не было розового света. Солнце садилось за ним, отбрасывая длинные тени, превращая то, что казалось пустым и заброшенным, в нечто тёмное и угрожающее.

Это был домик с картины Натали.

Я начал подниматься по холму в направлении входной двери. Было что-то сказочное в этом походе, что-то, похожее на путешествие Алисы в

Стране Чудес, как будто я покинул настоящий мир и вошёл в картину Натали. Я добрался до двери. Звонка не было. Я постучал - звук раздался в тишине, словно выстрел.

Я подождал, ответа не последовало.

Постучал ещё раз. По-прежнему тишина. Я раздумывал, что делать дальше. Может быть, пойти вниз к озеру и посмотреть, нет ли там Малкольма, но то спокойствие и тишина, которые я наблюдал раньше, говорили, что там никого нет. Да ещё и все эти следы от шин.

Я взялся за ручку двери. И повернул ей. Дверь не только не была заперта, но на ней замка не было вообще, не было и щели для ключа. Я толкнул дверь и вошёл. Комната была тёмной. И я включил свет.

Никого.

- Профессор Юм?

Когда я выпустился, он настаивал, чтобы я звал его Малкольм. Но я так и не смог. Я зашёл на кухню. Она оказалась пустой. В домике была лишь одна спальня. Я направился туда по какой-то причине на цыпочках.

Когда я вошёл в спальню, сердце камнем упало вниз.

О, нет...

Малкольм Юм лежал на кровати на спине, на его лице застыла пена. Его рот был наполовину открыт, лицо исказил последний, замерший крик боли.

Мои колени подогнулись. Пришлось схватиться за стену, чтобы устоять на ногах. Воспоминания нахлынули на меня с такой силой, что едва не сбили с ног: на первом курсе я выбрал его курс (Гоббс, Локк и Руссо), первый раз я встретился с ним в том кабинете, который сейчас называю своим (мы обсуждали право и насилие в мировой литературе), часы, проведённые за диссертацией (тема: Верховенство права), то, как он со слезами на глазах по-медвежьи обнял меня в тот день, когда я выпустился.

Голос позади меня сказал:

- Ты так и не смог забыть об этом деле.

Я обернулся и увидел Джеда, который наставил на меня оружие.

- Я не делал этого.
- Знаю. Он сделал это сам с собой, Джед посмотрел на меня. -Цианид.

Я вспомнил коробочку с таблеткой Бенедикта. Он сказал, что у всех членов "Нового начала" есть такие.

- Мы же говорили тебе забыть об этом деле.

Я покачал головой, пытаясь держать себя в руках, пытаясь сказать, что часть меня просто хочет свернуться калачиком и скорбеть, что можно

поговорить обо всём позже.

- Всё это началось задолго до того, как я влез в это дело. Я не знал ни черта об этом, пока не увидел некролог Тодда Сандерсона.
  - У Джеда неожиданно появился обессиленный вид.
- Не важно. Мы просили тебя остановиться миллионами разных способов. Но ты не остановился. Нет разницы, виновен ты или нет. Ты знаешь о нас. А мы дали клятву.
  - Убить меня.
- В данном случае, да, Джед снова посмотрел на кровать. Если Малкольм был настолько предан делу, что совершил такое с собой, так не должен ли я быть, так же привержен делу, чтобы убить тебя?

Но он не выстрелил. Джеду больше не нравилась идея застрелить меня. Теперь я это понимал. Он был не против застрелить меня, когда думал, что я убил Тодда, но мысль о моём убийстве только для того, чтобы заставить замолчать, давила на него. Он ещё раз посмотрел на тело напоследок.

- Малкольм любил тебя, - сказал Джед. - Он любил тебя, как сына. Он бы не хотел...

Его голос затих. Оружие было опущено.

Я сделал пробный шаг к нему.

- Джед?

Он повернулся ко мне.

- Думаю, что знаю, как Максвелл Майнор нашёл Тодда.
- Kaк?
- Сначала мне нужно кое-что у тебя спросить. "Новое начало" началось с Тодда Сандерсона или, эм, с тебя?
  - Какое это имеет отношение?
  - Просто... поверь мне хотя бы на мгновение, хорошо?
- "Новое начало" началось с Тодда. Его отца обвинили в гнусном преступлении.
  - Педофилии.
  - Да.
  - Его отец, в конце концов, покончил с собой.
- Ты даже не представляешь, каково было Тодду. Я был его соседом по комнате и лучшим другом. Я видел, как он разваливается. Его раздражала несправедливость этой ситуации. Если бы его отец мог просто переехать. Он, конечно же, мог, но слава бы последовала за ним. От такого никогда не сбежишь.
  - Если только не получить возможность начать всё с чистого листа.

- Точно. Тогда мы осознали, что есть куча людей, которых нужно спасти, и единственный способ спасти их - дать им новую жизнь. Профессор Юм понимал это тоже. В его жизни уже был такой человек, которому нужна была жизнь с чистого листа.

Я задумался. Интересно, мог ли быть этим "человеком" профессор Аарон Клейнер.

- Итак, мы объединились, продолжил Джед. Мы сформировали общество под видом законной благотворительной деятельности. Мой отец был федеральным маршалом. Он помещал людей под программу защиты свидетелей. Я знал все правила. Я унаследовал ферму от дедушки. Мы превратили её в убежище. Там мы обучали людей, как себя вести после того, как они сменят личность. Например, если вы любите азартные игры, то вы не можете поехать в Лас-Вегас. Мы воздействовали на них психологически, чтобы они поняли, что исчезновение это некая форма суицида и последующего воскрешения, ты убиваешь одного, чтобы создать другого. Мы создавали новую безупречную личность. Мы занимались подлогом информации, чтобы отправить преследователей по ложному пути. Мы делали людям отвлекающие татуировки и маскировали их. В некоторых случаях, Тодд делал пластическую операцию, чтобы изменить внешность людей.
  - А потом что? спросил я. Вы перевозили людей, чтобы спасти? Джед улыбнулся.
  - В этом-то и заключается всё изящество. Не перевозили.
  - Не понимаю.
- Ты всё продолжаешь искать Натали, и не хочешь слушать ничего. Никто из нас не знает, где она. Вот так это работает. Мы не смогли бы тебе сказать, даже если бы захотели. Мы давали им карты в руки, а потом, в некотором смысле, сталкивали с поезда на станции и после не имели ни малейшего представления, как они устроились. Вот таким образом, мы и держим всё в тайне.

Я пытался уложить в голове, что у меня нет никакой возможности найти её и быть с ней. Было слишком тяжело думать, что всё было бесполезно с самого начала.

- Значит - произнёс я. - Натали обратилась к вам за помощью.

Джед снова посмотрел на кровать.

- К Малкольму.
- Откуда она его знала?
- Не знаю.

Зато я знал. Мать Натали рассказала своей дочери об Арчере Майноре,

о скандале в колледже, и почему её отец был вынужден исчезнуть. Она пыталась найти своего отца, таким образом, естественно, что Малкольм Юм был бы первым человеком, которого бы она посетила. Помог ли Малкольм её отцу сбежать от семейства Арчера Майнора? Не знаю. Подозреваю, что возможно. В любом случае, Аарон Клейнер был толчком для Малкольма присоединиться к "Новому началу". Наверняка, он тут же взял дочь Аарона под своё крыло и начал опекать.

- Натали обратилась к вам, потому что стала свидетельницей убийства, сказала я.
  - Не просто убийства. А убийства Арчера Майнора.

Я кивнул.

- Итак, она стала свидетельницей убийства и обратилась к Малкольму. Малкольм привёл её в ваше убежище.
  - Сначала он привёз её сюда.
- "Конечно же, подумал я. Картина. Она была вдохновлена здешними видами.

Джед улыбнулся.

- Что?
- Ты ведь не понимаешь, да?
- Понимаю что?
- Вы были очень близки с Малкольмом. Как я уже сказал. Он любил тебя, как сына.
  - Что-то я не могу уловить твою мысль.
- Шесть лет назад, когда тебе нужна была помощь в написании диссертации, именно Малкольм Юм предложил тебе побывать в поселении в Вермонте, так?

Холодок побежал по спине.

- Ага, и?
- Конечно же, в "Новом начале" состояли не только мы втроём. У нас был вспомогательный персонал. Ты уже встречался с Куки и другими. Их немного по очевидным причинам. Но зато мы можем полностью доверять друг другу. В какой-то момент Малкольм подумал, что ты будешь полезен для организации.
  - Я?
- Поэтому он и предложил тебе посетить поселение. Он надеялся, если ты увидишь, чем занимается "Новое начало", то присоединишься к нам.

Я не знал, что сказать, посему спросил очевидное:

- И почему он не показал, чем вы занимаетесь?
- Потому что понял, что ты недостаточно подходишь.

- Не понимаю.
- Мы работает в сумрачном мире, Джейк. Иногда нам приходится совершать нелегальные поступки. Мы создали свои собственные правила. Мы решаем, кто достоин, а кто нет. И грань между виновным и невиновным подчас не такая уж и чёткая даже для нас.

Я кивнул, теперь всё поняв. Чёрное и белое и оттенки серого.

- Профессор Эбан Трайнор.
- Он нарушил правило. Ты хотел, чтобы его наказали. И не видел смягчающих обстоятельств.

Я вспомнил, как Малкольм защищал Эбана Трейнора, когда после вечеринки два студента попали в больницу с алкогольным отравлением. Теперь я понял. То, что профессор Юм защищал Трейнора, было отчасти моей проверкой, которую я, по мнению Малкольма, провалил. Хотя я был и прав. Я верил в верховенство закона. Если вы встали на скользкий путь, то вы ответите пред законом, именно, это и делает нас цивилизованными. По крайней мере, в это я верил неделю назад.

- Джейк?
- Да?
- Так ты на самом деле знаешь, как Майноры нашли Тодда Сандерсона?
- Думаю, да. Вы же ведёте отчётность по "Новому началу" и прочие записи?
- Только на "облачном" сервере. И чтобы получить к нему доступ, нужны двое из нас Тодд, Малкольм или я, он моргнул, отвёл глаза и снова моргнул. Я только что понял. Я остался один. Теперь все отчёты потеряны навсегда.
  - Но ведь должны же быть какие-нибудь документы в оригинале?
  - Например? спросил он.
  - Например, последняя воля и завещание?
  - Эм, да, но они хранятся там, где никто не сможет их найти.
  - Ты имеешь в виду банковскую ячейку на Канал-стрит? Рот Джеда открылся.
  - Откуда ты знаешь?
- Этот банк ограбили. Кто-то добрался до хранилища. Не знаю, что точно произошло, но Натали была приоритетом для семьи Майноров. За её поимку можно было получить большие деньги. Думаю, что кто-то, воры, продажный полицейский, неважно, узнал имя и сообщил Майнорам. Майноры выяснили, что документы забрал человек по имени Тодд Сандерсон, который живёт в Пальметто Блафф, в Южной Каролине.

- Боже мой, произнёс Джед. И нанесли ему визит.
- Да.
- Тодда пытали.
- Знаю.
- И заставили его говорить. Человек едва ли может вынести столько боли. Но Тодд не знал, где Натали и другие. Понимаешь? Он мог рассказать им только то, что знал.
  - Например, о тебе и о поселении в Вермонте.

Джед кивнул.

- Поэтому я и закрыл его. Поэтому нам пришлось сбежать и притвориться, что здесь не располагается ничего, кроме фермы. Понимаешь?
  - Понимаю.

Он снова посмотрел на тело Малкольма.

- Нам нужно похоронить его, Джейк. Тебе и мне. Здесь, он любил это место.

Потом я понял кое-что ещё, от чего у меня холодок побежал по коже. Джед увидел это по моему лицу.

- Что?
- У Тодда даже не было шанса принять цианид.
- Должно быть, они застали его врасплох.
- Точно, и если они пытали его, и он выдал твоё имя, тогда он мог выдать и имя Малкольма. Они, вероятно, послали человека в Веро-Бич. Но Малкольм уже исчез. Он приехал в эту хижину. Дом был пуст. Но этих ребят нелегко вывести из игры. Они нашли первую зацепку шесть лет спустя, почему они уже не могли отпустить это дело. Они задавали вопросы и перешерстили личные записи. Даже если эта земля была всё ещё зарегистрирована на его покойную жену, они всё равно могли найти его.

Я вспомнил следы от шин снаружи.

- Он мёртв, сказал я, глядя на постель. Он решил совершить самоубийство, и, судя по отсутствию признаков распада, сделал он это недавно. Почему?
- О, Боже, теперь и Джед понял. Потому что ребята Майнора нашли его.

Как только он произнёс эти слова, я услышал гул подъезжающей машины. Люди Майнора уже были здесь. Малкольм Юм увидел, что они приближаются и сделал то, что от него зависело.

И что бы они сделали?

Устроили бы ловушку. Они бы оставили человека следить за домом на

случай, если кто-нибудь появится.

Джед и я поспешили к окну и увидели, как два чёрных автомобиля остановились возле дома. Двери открылись. И вышли пять человек с оружием.

Одним из них был Дэнни Цукер.

Глава 34

Мужчины пригнулись и рассредоточились.

Джед залез в карман, вытащил коробочку, открыл её и бросил мне таблетку.

- Я не хочу, сказал я.
- У них оружие. Я попытаюсь задержать их. Ты попытаешься сбежать. Но если не сможешь...

Снаружи послышался голос Дэнни:

- Отсюда только один выход! Выходите с поднятыми руками.

Мы оба бросились на пол.

- Ты веришь ему? спросил Джед.
- Нет.
- Я тоже. Нет никакого шанса, что они оставят нас в живых. Так что сейчас мы просто даём им возможность занять удобную позицию, он начал подниматься. Найди чёрный ход, Джейк. Я их задержу.
  - Что?
  - Просто иди!

Джед без предупреждения выбил оконное стекло и нажал на курок. В течение следующих нескольких секунд ответные выстрелы прошили стены дома и разбили остатки стекла. Осколки посыпались на меня.

- Иди! - крикнул мне Джед.

Ему не нужно было повторять третий раз. Я начал пробираться к задней двери. Это был мой единственный шанс. Джед начал палить куда попало, прижавшись спиной к стене. Я, низко пригибаясь, направился на кухню. Я добрался до задней двери и услышал, как Джед громко выкрикнул:

- Схватите его!

Супер. Четверо пошли. Опять выстрелы. Теперь мощнее. Стены начали уступать, пули ослабли их и теперь проникали в древесину. С того места, где находился, я увидел, как в Джеда попали один раз, потом другой. Я начал пробираться обратно к нему.

- Не надо! закричал он мне.
- Джед...
- Не смей! Убирайся отсюда!

Я хотел помочь ему, но в тоже время понимал, насколько это безрассудно. Это бы ему всё равно не помогло. Но превратилось бы в

суицид для меня. Джеду удалось устоять на ногах. Он направился к входной двери.

- Хорошо! - крикнул он. - Я сдаюсь.

У Джеда в руке было оружие. Он обернулся, подмигнул мне и жестом показал уходить.

Я выглянул из окна, готовясь сбежать через него. Дом примыкал к лесу. Я мог выскочить туда и надеяться на лучшее. У меня не было другого плана. По крайней мере, ничего такого, что помогло бы моментально. Я вытащил телефон и открыл его. Он ловил. Я набрал 911 и выглянул в окно.

Один человек стоял слева, закрывая выход. Чёрт.

- Девять-один-один, что у вас случилось?

Я быстро сказал ей, про стрельбу, и что, по крайней мере, два человека ранены, дал ей адрес и отключился, чтобы до меня можно было дозвониться. Позади Дэнни Цукер кричал:

- Хорошо, сначала брось оружие.

Мне показалось, что у Джеда появилась улыбка на лице. Из его ран текла кровь. Я не знал, насколько серьёзно он ранен, смертельны ли его раны, но Джед знал. Джед знал, что его жизнь закончена, и не важно, что он сделает дальше, и посему, кажется, обрёл некий странный покой.

Джед открыл дверь и начал палить. Я услышал, как какой-то человек закричал от боли, возможно, одна из пуль Джеда нашла свою цель, а потом послышалась глухой звук автоматной очереди, разрывающей плоть. Со своего места я увидел, как Джед вздёрнул руки, словно в жутком танце, и упал на спину в доме. Ещё несколько пуль попали в него, заставив дёргаться его бездыханное тело.

Всё кончено. Для него и, возможно, для меня.

Даже если Джед смог убить двоих, трое были всё ещё живы и вооружены. Какие у меня были возможности? В какие-то доли секунды я прикинул их. Почти что ноль. На самом деле, у меня был лишь одна возможность. Тянуть время. Тянуть время, пока не приедет полиция. Я вспомнил, насколько сейчас далеко находился, о грунтовой дороге, о том, что не видел муниципальных зданий многие и многие километры по пути сюда.

Полицейские ни за что не прибудут вовремя.

Возможно, Майнорам я буду нужен живым.

Ведь я их последний шанс узнать что-либо о Натали. Таким образом, мы ещё поборемся.

Они подходили к дому, а я искал место, где можно было спрятаться.

Потянуть время. Всего лишь нужно потянуть время.

Но спрятаться здесь было негде. Я поднялся и выглянул в окно задней двери. Человек Майнора по-прежнему стоял там, ожидая меня. Я пробежал через кухню и нырнул в спальню. Малкольм лежал на том же месте, но я от него другого и не ожидал.

Я услышал, как кто-то вошёл в дом.

Я распахнул окно в спальне. Я рассчитывал на то, и это был мой единственный шанс, что человек сзади смотрит на дверь. Окно спальни было справа. С того места, где стоял человек Майнора, он не мог видеть это окно.

В главной комнате раздался голос Дэнни Цукера:

- Профессор Фишер? Мы знаем, что ты здесь. Чем дольше мы ждём, тем хуже тебе.

Окно взвизгнуло, когда я его открывал. Цукер и его подручные побежали на звук. Я увидел их в тот момент, когда вылез из окна и побежал в лес.

Позади меня разразилась канонада выстрелов.

Но они явно хотели оставить меня в живых. Не знаю, может быть, у меня разыгралось воображение, но я мог поклясться, что чувствовал, как пули, едва не задевая меня, пролетают мимо. Я продолжал бежать и не оборачивался назад.

Я просто...

Кто-то схватил меня.

Наверное, это был тот парень, который стоял сзади. Он напал слева, из-за чего мы оба повалились на землю. Я размахнулся и сильно ударил его в лицо. Он откинулся назад. Я отклонился назад, чтобы замахнуться ещё раз. И снова удар попал в цель. Он начал ослабевать.

Но уже было слишком поздно.

Дэнни Цукер и его подручный стояли над нами. И оба держали меня на мушке.

- Мы не убьём тебя, сказал Цукер. Если ты скажешь, где она.
- Я не знаю.
- Значит, ты бесполезен для меня.

Это конец. Теперь я понял. Человек, который схватил меня, потряс головой, встал и взял оружие. И теперь я лежал на земле, окружённый тремя людьми с оружием. Я не мог даже двинуться. Приближающегося звука сирен не было слышно. Один бандит стоял слева от меня, другой - справа.

Я посмотрел на Дэнни Цукер, который отступил назад. Я предпринял последнюю отчаянную попытку:

- Ты убил Арчера Майнора, да?

Это застало его врасплох. Я увидел удивление на его лице.

- YTO?
- Кто-то должен был заставить его замолчать, сказал я. А Максвелл Майнор ни за что бы не убил собственного сына.
  - Ты сумасшедший.

Двое других обменялись взглядами.

- Иначе, зачем бы тебе прилагать столько усилий, чтобы найти её? - спросил я. - Это было шесть лет назад. И ты знаешь, что она ни за что не заговорит.

Дэнни Цукер покачал головой. На его лице появилось нечто сродни печали.

- Да ты ведь ничего не знаешь, да?

Он поднял оружие почти неохотно. Я разыграл свою последнюю карту. Мне не хотелось умирать так, валяясь на земле у их ног. Я поднялся, раздумывая, каким будет моё последнее движение, и тут это произошло.

Одинокий выстрел. Голова мужчины слева от меня взорвалась, как помидор под тяжёлым ботинком.

Мы все повернулись на звук выстрела. Я сориентировался быстрее всех.

Позволив первобытным инстинктам взять верх, я подскочил к человеку, которого уже побил. Он был ближе всего ко мне и слабее из-за нашей драки.

Но мужчина среагировал быстрее, чем я ожидал. Его первобытные инстинкты тоже работали. Он отступил назад и прицелился. Я был слишком далеко, чтобы помешать ему.

И тогда его голова тоже взорвалась малиновыми брызгами.

Кровь залила моё лицо. Дэнни Цукер не колебался. Он прыгнул мне за спину, используя меня в качестве щита. Он обхватил руками шею и приставил оружие к голове.

- Не двигайся, - прошептал он.

Я послушался. Теперь всё затихло. Он, оставаясь позади меня, потянул нас к дому, чтобы занять оборонную позицию.

- Выходи, - крикнул Цукер. – Выходи или я вынесу ему мозги.

Послышался шорох. Цукер огляделся, чтобы убедиться, что я полностью прикрываю его, и слегка повернул меня направо, в сторону, откуда был слышен звук. Я посмотрел на поляну.

Моё сердце остановилось.

С холма спускалась, держа в руке оружие и целясь в нас, Натали.

Глава 35

Дэнни Цукер заговорил первым.

- Ну и ну, посмотрите, кто здесь.

При виде её моё тело оцепенело. Наши глаза встретились, и мир взорвался миллиардами частиц. Это было одно из самых мощных ощущений в моей жизни, я всего лишь просто смотрел в голубые глаза любимой женщины, и даже сейчас, даже с пистолетом, приставленным к голове, чувствовал странную благодарность. Если теперь он спустит курок, так тому и быть. В этот момент я был более живым, чем за прошедшие шесть лет. Если я умру прямо сейчас, хоть я и не хотел этого, на самом деле, больше, чем когда-либо я хотел жить и быть вместе с этой женщиной, но, тем не менее, я умру больше человеком, с уверенность, что прожил более полную жизнь, чем, если бы я умер несколько мгновений назад.

По-прежнему держа нас на прицеле, Натали сказала:

- Отпусти его.

Она не сводила с меня глаз.

- Ни за что, дорогая, сказал Цукер.
- Отпусти его и можешь забрать меня.

Я закричал:

- Нет!

Цукер прижал дуло пистолета к моей шее.

- Заткнись! - а потом добавил, обращаясь к Натали. - И почему бы мне тебе доверять?

Натали продолжала смотреть на меня. Я хотел запротестовать. Я ни за что не позволю свершиться такому обмену, но что-то в её глазах говорило мне успокоиться, по крайней мере, пока. Я задумался. Она почти вынудила меня послушаться, позволить играть по её правилам.

"Может быть, - подумал я. - Она была здесь не одна. Может быть, были и другие. Может быть, у неё был план".

- Тогда, ладно, сказал Цукер, по-прежнему прячась за мной. Опусти пистолет, и я отпущу его.
  - Ни за что, сказала она.
  - Да?
- Мы посадим его в машину на водительское сидение. В тот момент, когда он уедет, я опущу пистолет.

Кажется, Цукер задумался.

- Я посажу его в машину. Ты бросишь оружие, и он уедет.

Натали снова кивнула, всё ещё глядя на меня, заставляя меня повиноваться.

- Договорились, - сказала она.

Мы пошли к дому. Натали держалась на расстоянии приблизительно тридцати метров от нас. А меня мучил вопрос, есть ли поблизости ктонибудь из "Нового начала". Бенедикт или Куки, например. Может быть, они ждали у машины, вооружённые, готовые повалить Цукера одной пулей.

Когда мы добрались до машины, Цукер встал так, что автомобили и моё тело закрывали его.

- Открывай дверь, - сказал он мне.

Я медлил.

Он нажал дулом на шею.

- Открывай дверь.

Я посмотрел на Натали. Она одарила меня уверенной улыбкой, которая добралась до груди и раздавила её, словно скорлупу. Когда я забрался на водительское сидение, я понял с леденящим жилы ужасом, что она делает.

У неё не было плана для нас двоих.

Здесь нет никаких членов "Нового начала", которые могли бы помочь нам. Никто не сидел в засаде, чтобы неожиданно наброситься на Цукера. Натали удерживала моё внимание, давая надежду, чтобы я не сопротивлялся, чтобы не вздумать пожертвовать собой ради неё, поскольку она собиралась сделать то же самое ради меня.

К чёрту всё это.

Машина завелась. Натали начала опускать оружие. У меня была секунда не больше, чтобы что-нибудь сделать. Это было самоубийство. Я знал, что у нас двоих нет шанса на спасение. Так думала она. Один из нас должен умереть. В конце концов, Джед, Бенедикт и Куки были правы. Я облажался. Я упрямо твердил мантру: любовь всё побеждает. И теперь мы стоим перед лицом смерти Натали, а ведь меня об этом предупреждали.

Я не могу допустить, чтобы это случилось.

Когда я оказался в машине, Натали остановилась и переключила своё внимание на Дэнни Цукера. Цукер, понимая, что теперь его очередь, убрал пистолет от моей шеи. Он переложил его в другую руку, таким образом, оружие оказалось слишком далеко от меня, посему у меня появился простор для любых глупейших действий.

- Твоя очередь, - сказал Цукер.

Натали положила пистолет на землю.

Время вышло. Я потратил несколько секунд, чтобы точно

спланировать следующее движение, чтобы всё рассчитать, в том числе и элемент неожиданности. Теперь я больше не медлил. Я был абсолютно уверен, что у Цукера не будет времени, чтобы застрелить меня. Ему придётся защищаться. Если даже, чтобы защититься, он выстрелит в меня, то тогда у Натали будет время, чтобы убежать или, что вероятнее, поднять свой пистолет с земли и выстрелить.

Теперь у меня нет выбора. Я не мог просто уехал, это даже не обсуждается.

Без предупреждения я высоко вскинул левую руку. Не думаю, что он ожидал такое. Цукер должен был подумать, что я тянусь за пистолетом. Я схватил его за волосы и подтянул к себе. Как я и предполагал, Дэнни направил на меня пистолет. Я же левой рукой приблизил его лицо к своему. Он ожидал, что правой я попытаюсь схватить пистолет.

Но нет.

Вместо этого, я вытащил правой рукой таблетку цианида и засунул её в рот Цукера. Его глаза раскрылись от ужаса, когда он осознал, что я сделал. Он замер от осознания того, что это цианид и что если он его не вытащил изо рта, то ему конец. Он попытался выплюнуть её, но я крепко держал его. Он так сильно укусил меня, что я даже закричал, но руку не отпустил. В тоже время он выстрелил мне в голову.

Я увернулся.

Пуля попала мне в плечо. Ещё больше боли. Дэнни начал биться в конвульсиях, пытаясь выстрелить ещё раз, но так и не смог. Первая пуля Натали попала ему в голову. Она выстрелила ещё два раза, но в этом уже не было необходимости.

Я упал на спину, пытаясь трясущейся рукой остановить кровь. Я ждал, что она подойдёт ко мне. Но она не подошла, оставшись там, где была.

Я никогда прежде не видел ничего более красивого и подавляющего, чем выражение на её лице. Слёзы бежали по её щекам. Она медленно покачала головой.

- Натали?
- Мне нужно идти.

Мои глаза распахнулись от удивления.

- Нет, - теперь, наконец, я услышал сирены. Я терял кровь и начинал слабеть. Но это было неважно. - Можно мне пойти с тобой? Пожалуйста.

Натали поморщилась. Теперь поток слёз усилился.

- Я не переживу, если с тобой что-нибудь случится. Понимаешь? Вот почему сбежала с самого начала. Я могу жить с разбитым сердцем, но не смогу, если ты умрёшь.

- Я не живу без тебя.

Сирены приближались.

- Мне нужно идти, сказала она сквозь слёзы.
- Нет...
- Я всегда буду любить тебя, Джейк. Всегда.
- Тогда будь со мной, я услышал мольбу в собственном голосе.
- Не могу. Ты же знаешь. Не иди за мной. Не ищи меня. Сдержи обещание в этот раз.

Я покачал головой.

- Ни за что.

Она повернулась и пошла к холму.

- Натали! - крикнул я.

Но женщина, которую я люблю, не останавливаясь, уходила из моей жизни. Снова.

Глава 36

ГОД СПУСТЯ

Студент с задней парты поднял руку.

- Профессор Уайсс?
- Да, Кеннеди? сказал я.

Теперь это моё имя. Пол Уайсс. Я преподаю в большом университете в Нью-Мехико. Не могу сказать его название в целях безопасности. Учитывая все трупы на озере, власти решили, что лучше поместить меня под программу защиты свидетелей. И вот я здесь, на Западе. Высота иногда донимает, но в целом мне здесь нравится. Что удивляет. Я всегда думал, что могу жить только на восточном берегу, но жизнь вносит свои коррективы.

Конечно же, я скучаю по Лэнфорду. Скучаю по старой жизни. С Бенедиктом мы по-прежнему поддерживаем связь, даже, несмотря на то, что не должны. Мы используем почтовый сервис с выпадающим окошком сообщений, но не нажимаем кнопку отправить. Мы завели почтовые аккаунты AOL (старая школа). Мы пишем друг другу сообщения и просто оставляем их в разделе разработки. И периодически заходим туда и проверяем, нет ли новых.

Важная новость от Бенедикта: наркокартель, который охотился за ним, больше не существует. Он был уничтожен в какой-то местной разборке. Вкратце, он свободно может вернуться к Мари-Анн, но в последний раз он смотрел её страницу на Фэйсбуке, её статус изменился с "состоит в отношениях" на "замужем". На её и Кевина страницах были размещены фотографии их свадьбы.

Я убеждал его всё равно сказать ей правду, но он не согласился. Он сказал, что не хочет вносить сумятицу в её жизнь. Я сказал, что жизнь и так сплошная сумятица.

Глубокая мысль, правда?

Все части головоломки, наконец, встали на свои места. На это потребовалось много времени. Один из приспешников Майнора, в которого выстрелил Джед, выжил. И его показания подтвердили то, что я подозревал. Грабители банков, известные, как "невидимки", проникли в банк на Канал-стрит. В депозитной ячейке Тодда хранились последняя воля, завещание и паспорта. "Невидимки" забрали паспорта, решив, что их можно продать на чёрном рынке. Один из них узнал имя Натали, которую

Майноры по-прежнему активно разыскивали, несмотря даже на то, что прошло шесть лет, и сообщил им. Ячейка была зарегистрирована на имя Тодда Сандерсона, посему Дэнни Цукер и Отто Деверо нанесли ему визит.

Кажется, тогда я знал, откуда всё началось. Или почти знал.

Но многое не складывалось. И незадолго до смерти Дэнни Цукера я поднял один важный вопрос: Почему Майноры были настолько поглощены поисками Натали? Она достаточно чётко дала понять, что не будет давать показания. Почему она убежала от полиции, когда уже всё было закончено? Сначала я думал, что за всем этим стоял Дэнни Цукер, который убил Арчера Майнора и хотел убедиться, что никто не сможет рассказать Маквеллу Майнору о его причастности. Но как-то не складывалось всё в одну картину, особенно недоумение, появившееся на его лице, когда я обвинил его в убийстве Арчера.

«Да ты ведь ничего не знаешь, да?» - так сказал Дэнни Цукер. Он был прав. Но медленно я начал понимать, особенно, когда задумался над главным вопросом, касательно инцидента, который положил всему начало: где отец Натали?

Я выяснил ответ почти год назад. За два дня до отправки в Нью-Мехико, я снова навестил мать Натали в пансионате Гайд-парк. Я был замаскирован. Теперь моя маскировка была проще: я побрил голову. Исчезли непослушные профессорские вихры юности. Мой череп блестел. Если бы я вдел в ухо золотую серьгу, то меня бы непременно приняли за мистера Пропера.

- В этот раз я хочу услышать правду, сказал я Сильвии Эйвери.
- Я тебе уже говорила.

Я понимал, почему людям нужно изменить личность и исчезнуть, когда их обвиняют в педофилии или если они кинули членов наркокартеля или если стали свидетелями убийства. Но я не понимал, зачем человеку, вовлечённому в скандал в колледже нужно исчезать, и отсутствовать попрежнему даже сейчас, когда Арчер Майнор мёртв.

- Отец Натали не сбегал, так?

Она не ответила.

- Его убили, - произнёс я.

Сильвия Эйвери, казалось, была слишком слаба, чтобы протестовать. Она застыла, словно камень.

- Вы сказали Натали, что отец ни за что бы не бросил её.
- Он бы и не бросил, сказала она. Он так любил её. И Джули. И меня. Аарон был таким хорошим человеком.
  - Слишком хорошим. И всегда видел только чёрное и белое.

- Да.
- Когда я сказал, что Арчер Майнор мёртв, вы ответили "Скатертью дорога". Он был одним из тех, кто убил вашего мужа?

Она опустила голову.

- Уже больше нет никого, кто мог бы повредить вам, - сказал я, что только отчасти было правдой. - Так, это Арчер Майнор убил вашего мужа или его убил кто-то, кого послал его отец?

И тогда она сказала это:

- Это был сам Арчер.

Я кивнул. Поскольку уже и так понял.

- Он пришёл в наш дом с пистолетом, произнесла Сильвия. Он приказал Аарону отдать ему бумаги, которые уличали его в обмане. Понимаешь ли, он на самом деле хотел сбежать от тени своего отца, и если появилось, хотя бы упоминание об обмане...
  - Он бы был точно таким же, как его отец.
- Да. Я умоляла Аарона послушаться. Он не стал. Он думал, что Аарон блефовал. И Аарон приставил пистолет к его голове и..., она закрыла глаза. Он улыбался, когда сделал это. Вот, что мне запомнилось больше всего. Арчер Майнор улыбался. Он сказал мне отдать ему документы или я буду следующей. Конечно же, я отдала их. Потом пришли двое. Они работали на его отца. Они забрали тело Аарона. Один из них усадил меня и сказал, что если я расскажу кому-нибудь об этом, то с моими девочками случится нечто ужасное. Они не просто убьют их. Нет, сначала они будут издеваться над ними. Во время разговора он всё время это подчёркивал. Он сказал, чтобы я врала всем, что Аарон сбежал. Так я и сделала. И продолжала врать все эти годы, чтобы защитить своих девочек. Понимаешь?
  - Понимаю, сказал я грустно.
- Мне пришлось сделать из моего медного Аарона плохого парня. Чтобы его дочери не спрашивали про него.
  - Но Натали не купилась на это.
  - Она постоянно давила на меня.
- И, как вы уже говорили, эта ложь оказала на неё плохое влияние. Сама эта мысль, что отец бросил её.
- Для молоденькой девушки это страшная мысль. Мне нужно было пойти другим путём. Но каким?
  - А она всё давила и давила.
- Она бы не оступилась. Она отправилась в Лэнфорд и поговорила с профессором Юмом.

- Но Юм тоже ничего не знал.
- Нет. Но она продолжала задавать вопросы.
- Из-за этого она могла попасть в беду.
- Да.
- И поэтому вы решили рассказать ей правду. Её отец сбежал не со студенткой. Он вообще никуда не сбежал, потому что боялся Майноров. Вы, наконец, рассказали ей всю правду, что Арчер Майнор хладнокровно с улыбкой на устах убил её отца.

Сильвия Эйвери не кивнула. Да и не было надобности. Я попрощался и ушёл.

Теперь я знал, почему Натали была в офисном здании поздно ночью. Знал, почему Натали пришла к Арчеру Майнору, когда никого не было. Знал, почему Максвелл Майнор не прекратил поиски Натали. И почему он не волновался, что она даст показания.

Потому что он - отец, который хотел отомстить за убийство сына.

Я не знал наверняка. Не знал, выстрела ли Натали в Арчера Майнора с улыбкой на губах или это был случайный выстрел, или Арчер угрожал ей, и это было самозащитой. Я даже и не спрашивал.

Старого меня бы это волновало. Нового - нет.

Занятия закончилось. Я начал пробираться через толпы народа. Небо Санта-Фэ такое голубое, как никакое другое. Я прикрыл рукой глаза и пошёл дальше.

В это же день год назад с пулей в плече я смотрел в след уходящей Натали. Я крикнул "Ни за что", когда она попросила пообещать не идти за ней и не искать. Она не слушала меня и не остановилась. Поэтому я выбрался из машины. Боль в плече была ничем по сравнению с болью от того, что она снова от меня уходит. Я побежал за ней, обнял её, даже, несмотря на то, что одна рука болела от пулевого ранения, и прижал к себе. Наши глаза зажмурились. Я крепко держал её и вспоминал, испытывал ли я когда-либо такое удовлетворение. Она начала плакать. Я прижал её ещё сильнее. Она положила голову мне на грудь. В какое-то мгновение она попыталась оттолкнуть меня. Но это было лишь мгновение. Она знала, что в этот раз я её не отпущу.

И не важно, что она сделала или не сделала.

Я всё равно не отпущу её.

Впереди я увидел красивую женщину по имени Диана Уайсс, которая носит обручальное кольцо - пару моему. Она решила провести свое занятие по рисованию на улице, поскольку на улице стоял славный денёк. Она переходила от студента к студенту, комментируя их работы и давая

рекомендации. Она знала, что я знаю, хотя мы никогда не говорили об этом. Меня мучает вопрос, возможно ли, что отчасти её уход в первый раз был связан с тем, что она думала, я не смогу смириться с тем, что она сделала. Может быть, тогда бы я и не смог.

Но теперь могу.

Диана Уайсс посмотрела на меня. Её улыбка могла посрамить солнце. Сегодня моя прекрасная жена сияла даже больше, чем обычно. Может быть, я всё-таки предвзят. Или, может быть, это потому что она на седьмом месяце беременности.

Её занятие закончилось. Студенты задерживались, а потом медленно уходили. Она взяла меня за руку, когда мы, наконец-то, остались одни, посмотрела в глаза и сказала:

- Я люблю тебя.
- Я тоже тебя люблю.

Она улыбнулась мне. У повседневной серости не было никакого шанса против её улыбки. Она исчезла в свете взгляда её ясных глаз.

ОБ АВТОРЕ

Харлан Кобен автор более чем двадцати международных романовбестселлеров, включая бестселлеры №1 по версии Нью-Йорк Таймс "Будь рядом", "Скованные одной цепью", "Пойманный", "Давно потерянный" и "Мёртвая хватка", а так же популярной серии про Майрона Болитара и недавно вышедшей серии, предназначенной для подростков, посвящённой племеннику Майрона, Микки Болитару.

Победитель множества премий, в том числе премии Эдгара По, Шеймус и Энтони, Кобен живёт в Нью-Джерси.

notes

Примечания

Эпкот-парк - Ерсоt — это тематический парк «Всемирного центра отдыха Уолта Диснея». Название парка представляет собой акроним: ЕРСОТ — Experimental Prototype Community of Tomorrow (Экспериментальный прототип сообщества будущего). Это утопический город будущего, созданный Уолтом Диснеем.

Камбайя (Kumbaya) – сокращение от come by here, my lord; = Kum Ba Yah. «Будь рядом с нами, Господь» (популярная народная песня, которую поют под гитару у костра, взявшись за руки)

Джоан Баэз (Joan Baez) – певица, выступавшая за мир во всём мире, против войны во Вьетнаме и т.д. Левая политическая активистка.

Мужской квартет «барбершоп» – мужчины, исполняющие популярные песни без аккомпанемента в домашней обстановке (амер.)

В США существует такое понятие, как должность без ограничения срока полномочий, это постоянная работа профессором в университете, с которой не могут уволить обычно после 7 лет испытательного срока.

аскотский галстук (ascot) – галстук с широкими, как у шарфа, концами.

Мартовское безумие – баскетбольный чемпионат Национальной студенческой спортивной лиги. Принимает участие 64 команды. Этот чемпионат набрал обороты и снискал небывалую славу.

Перкоцет (Percocet) – обезболивающий лекарственный препарат.

Макаллан (Macallan) – один из лучших и самых почитаемых виски. Является ярким представителем элитного виски, выдержанного в хересных бочках.

Hasta luego (эста луэго) – до свидания, прощай.

Хитрый кайот/Вайл И. Койот (Wile E. Coyote) – персонаж серии короткометражных мультсериалов.

Шератон (Sheraton) – крупнейшая сеть отелей по всему миру.

«Частный детектив Магнум» — телесериал про частного детектива Томаса Салливана Магнума. Его отличительными признаками являются густые усы, бейсбольная фуражка «Детройтские тигры», и разнообразные красочные гавайские рубашки.

501(c)(3) — освобождение от налогов благотворительных организаций. Американский термин.

Нью-Йорк Джетс (New York Jets) — профессиональный клуб американского футбола, выступающий в . Команда была основана в .

«Старски и Хатч» (англ. Starsky and Hutch) — американский телесериал, который транслировался на канале ABC с 30 апреля 1975 по 15 мая 1979 года. В центре сюжета находилось двое полицейских из Южной Калифорнии, которые были не похожи друг на друга, но, тем не менее, вместе раскрывали убийства.

Джон Смит – у американцев это имя нарицательное, как у нас Иван Иванович Иванов. Джон Смит – среднестатистический американец.